

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIU ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

Редакционная коллегия:

**П.А.Грязневич, Н.В.Елисева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель), М.Б.Пиотровский,
Э.Н.Темкин (зам.председателя).**

М.А.Болдырева

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ САПАРДИ ДЖОКО ДАМОНО ИЗ КНИГИ СТИХОВ
"ТВОЯ ВЕЧНАЯ ПЕЧАЛЬ"

Эта статья продолжает тему моих предыдущих исследований о зашифрованности языка современной индонезийской поэзии, обусловленной сложностью ассоциативно-образной системы некоторых поэтических текстов, возможностью неоднозначного толкования текста, существованием подтекста; о наличии нескольких уровней - смысловых, синтаксических, звуковых и графических - в одном стихотворении. На этот раз материалом исследования являются три стихотворения известного поэта Индонезии наших дней Сапарди Джоко Дамона из его стихотворного сборника "Твоя вечная печаль" ("Dukamu abadi", Jakarta, 1969): "Мгновения перед обитием", "Идти в похоронной процессии" и "После похорон". Задачей исследования прежде всего является постижение смысла стихотворений, достаточно сложных для понимания, и - по возможности, подробный анализ текста.

В сборнике нет специальных указаний на связь этих стихотворений или выделяющих их в одно целое, - просто они следуют одно за другим. Но существование тематической связи между ними следует из их названий: они объединены темой похорон, смерти, Голландский индонезист А.Тэу называет эти стихотворения трилогией.¹ При анализе этих стихотворений мы будем строить свои рассуждения, полемизируя с А.Тэу, поскольку с мнением этого ученого нельзя не считаться; в то же время его анализ представляется нам достаточно уязвимым.

Эти стихотворения в нашем понимании и, соответственно, переводе звучат так: первое стихотворение "Мгновения перед отбытием":

почему же мы продолжаем болтать
когда ночь уже близко
когда тысячи слов созрели в венках
в пространстве все более призрачном, мир полнолунен

пока не исчезнет тот, кто может спросить
почему время года внезапно утихло
и где мы. Пока один здесь задержался
там процессия похоронная идет.²

Saat sebelum berangkat
mengapa kita masih juga bercakap
hari hampir gelap
menyekap beribu kata diantara karangan bunga
di ruang semakin maya, dunia purnama

sampai tak ada yang sempat bertanya
mengapa musim tiba-tiba reda
kita dimana. Waktu seorang bertahan di sini
di luar para pengiring jenazah menanti

Второе стихотворение "Идти в похоронной процессии":

По дороге с похоронной процессией даже ветер утих
часы мигают
не измерить, как скоро
день отступил, расчистив дорогу в мире

а рядом: деревья одно за другим склоняют головы
а наверху: наше солнце, то же самое солнце
часы покачиваются - посредине
не измерить, как же пусто время, их поглотившее

Berjalan di belakang jenazah
berjalan di belakang jenazah angin pun reda
jam mengerdip
tak terduga betapa lekas
siang menepi, melapangkan jalan dunia

di samping: pohon demi pohon menundukkan kepala
di atas: matahari kita, matahari itu juga
jam mengambang diantaranya
tak terduga begitu kosong waktu menghirupnya

Третье стихотворение - "После похорон":

долго ли ты еще будешь об этом
спрашивать? Дождь уже кончился
когда был погребен мир, что бесконечно болтал
под увядшим вдруг покровом цветов, в сумеречный сезон

иди домой с закрытым зонтом в руке
дети снова играют на мокрой еще дороге
кони ржут на далеких холмах, как будто во сне
может быть, не придется стареть под знаком того вопроса?

как долго? Но как же высокомерно небо,
как же высокомерна дверь, которая примет нас
целиком, целиком, оставив только воспоминанья
в пещеру, вдруг ставшую тихой

Sehabis mengantar jenazah
masih adakah yang akan kautanyakan
tantang hal itu? Hujan pun sudah selesai
sewaktu tertimbun sebuah dunia yang tak habisnya bercakap
di bawah bunga-bunga menua, musim yang senja

pulanglah dengan payung di tangan, tertutup
anak-anak kembali bermain di jalanan basah
seperti dalam mimpi kuda-kuda meringkik di bukit-bukit jauh
barangkali kita tak perlu tua dalam tanda tanya

masih adakah? Alangkah angkuhnya langit
alangkah angkuhnya pintu yang akan menerima kita
seluruhnya, seluruhnya, kecuali kenangan
pada sebuah gua, yang menjadi sepi tiba-tiba

Было бы напрасным искать в этих стихотворениях временную последовательность реальных событий, отвечающую их названиям. А.Тэу правильно отмечает такие несоответствия, указывающие на отсутствие непосредственной временной связи между ними: в первом стихотворении - до похорон: "ночь уже близко", "полнолунный мир", но во втором стихотворении - во время похорон - речь идет только о переходе ко второй половине дня: "siang menepi" переводится как "день отступил" (букв. "посторонился", так как "siang" - первая половина дня от 10-ти до 15-ти часов); в третьем стихотворении - после похорон - есть указание на то, что во время похорон шел дождь: "дождь уже кончился", а во втором - говорится о солнце над головой: "наверху: наше солнце, то же самое солнце".

Таким образом, если исходить из порядка расположения этих трех стихотворений в сборнике и их названий, то несмотря на кажущуюся временную последовательность, существующую между ними, - подход к содержанию этих стихотворений как к реально происходящим событиям абсурден; можно предположить, что эти временные несоответствия намеренны: поэт подчеркивает, что главное - не в логике реально развивающихся событий, но совсем в другом. Темой¹ этих стихотворений и незримо присутствующим здесь действующим лицом - где-то на заднем плане, "за кадром" - потому что она ни

разу не названа – является смерть. Зато все стихотворение наполнено временем, пронизано его ощущением, "временем" заменено запретное понятие и слово "смерть". Время присутствует в словах и метафорических оборотах, непосредственно или опосредованно с ним связанных, и здесь мы бы выделили три группы. Во-первых, это слова и метафорические обороты, прямо называющие время или его действие на одушевленный и неодушевленный мир, указывающие на время суток или время года: "ночь уже близко", "полнолунный мир", "времена года внезапно утикли" (в первом стихотворении); "день отсутил", "время пусто, их (часы – М.Б.) поглотившее" (во втором стихотворении); "часы мигают", "часы покачиваются", "сумеречный сезон", "стареющие цветы", "нам не придется стареть" (в третьем стихотворении); во втором стихотворении связанное со временем "солнце" употребляется в контексте с "часами": "а наверху: наше солнце, то же самое солнце / часы покачиваются...", (то есть солнце отсчитывает часы, обуславливает и обозначает ход времени). Во-вторых, это слова, обозначающие явления природы, которые отмечают ход времени: "ветер утих" (во втором стихотворении), "дождь кончился" (в третьем стихотворении); а также существительные, прилагательные и глаголы, семантически связанные со временем, например, "воспоминание", "ждать", "старый", "кончен", – не говоря о наречиях и показателях времени, – их множество во всех трех стихотворениях.

Постижение смысла, перевод текста стихотворения с неоднозначным толкованием, наличием нескольких смысловых уровней достаточно сложен, здесь же мы имеем дело с тремя взаимосвязанными стихотворениями. При переводе возникает необходимость остановиться на одном толковании, потому что двузначность в тексте оригинала, как правило, трудно или невозможно передать при переводе. Разные исследователи и переводчики могут по-разному истолковывать и, соответственно, переводить одно и то же стихотворение. Но смысл некоторых стихотворений такого рода бывает настолько тесным, что их толкование, и, соответственно, перевод все же остаются спорными.

А.Тэу, с моей точки зрения, неверно истолковывает некоторые строки, и эта ошибочная интерпретация неизбежно затрагивает текст второго и третьего стихотворений, а в анализе А.Тэу одно рассуждение, основанное на неверной посылке, влечет за собой другое, – и получается целая цепь рассуждений, концепция толкования трех стихотворений, соответственно, – ошибочная. Моя задача состоит в том, чтобы при всей затемненности общего смысла и принципиальной возможности однозначной интерпретации остановиться все же на

том значении (и дать однозначный перевод), которое должно следовать из отдельных конкретных слов и строк – путем сопоставления понимания этих строк голландским исследователем и моего понимания.

Так, предпоследнюю строку из первого стихотворения "Waktu seorang bertahan disini", которую я перевожу: "Пока один здесь задержался", А.Тэу интерпретирует: "Время в одиночку здесь задержалось".³ Эти два понимания здесь возможны, потому что слово "waktu" имеет значения: "время" и "в то время, как", а слово "seorang" может быть переведено как "в одиночку (самостоятельно)" и "один (человек)". Но принятый нами перевод представляется единственно возможным во-первых, потому, что слово "waktu" в принятом нами значении "пока, в то время как" в строке "пока один здесь задержался" естественно и логично выступает в роли союза – в едином целом с последней строкой "там процессия похоронная идет". При чтении второй строфы на фоне всего ее интонационного потока отчетливо и опять-таки совершенно естественно слышна интонационная связь этих двух строк как сложно-подчиненная. И, наконец, интерпретация А.Тэу, на которой он строит свои дальнейшие рассуждения, ведет, как можно будет убедиться к явным натяжкам и противоречивостям.

"Время могущественно, – пишет А.Тэу, – если оно остановилось, то все прекращается, утрачивает свое место" (А.Тееув, р. 96). От этого всемогущего Времени, возникшего, по его воле, в этой строке, зависит все: и пространство, и время года, и человек, и полнолунный мир. Если Время задержалось, остановилось, то и пространство, существующее во Времени, утрачивает признаки пространства, чему он видит подтверждение в стихе "di ruang semakin maya" – "в пространстве, все более призрачном..." И время года исследователь ставит в зависимость от мнимой остановки времени: раз Время остановилось, то и времена года внезапно остановились тоже, больше "не обращаются", – так А.Тэу интерпретирует строку "mengara musim tiba-tiba reda", в нашем же переводе эта строка выглядит так: "почему время года внезапно утихло" (то есть подошло к концу в очередной раз для кого-то, кто еще не исчез и может спросить об этом). Далее вопрос "и где мы", (так же, как и предыдущий о времени года), по Тэу, является признаком потери ориентации как следствие этой мнимой остановки времени, – в нашем же понимании – это вопрос, просто выражающий потребность осознать себя во времени и пространстве. Исходя из мнимой остановки Времени и прекращении всего и утраты всем в зависимости от этого своего места,

фразу "мир полнолунен" голландский исследователь толкует как символ мира иллюзорного, призрачного - "dunia maya", переход к которому от мира реального наступает в результате той же остановки времени (А.Тееув, р. 97). Получается целая концепция зависимости всех и вся от мнимой остановки времени, целая цепь рассуждений, происходящих из ошибочно интерпретированной строки, - и вот уже исследователь создал картину двух противоположных миров, мира реального и мира призрачного, последний из которых возник из-за остановки времени, в тексте стихотворения отсутствующей. Он пишет: "... мир призрачный, иллюзорный по сути дела не может остановиться: здесь остановилось, конечно, время, и хотя оно в одиночку остановилось (потому что оно ни от кого не зависит, оно автономно) все вокруг также остановилось. Но вовне, вне этого призрачного пространства и полной луны - человек (и ясно, что полная луна здесь - символ, потому что только внутри, в призрачном пространстве есть полная луна; вовне нет полной луны!), вовне процессия похоронная ждет, когда чары исчезнут, и время снова, как обычно, придет в движение". Что это за чары, мы узнаем из следующих рассуждений А.Тэу: "В тот момент, когда человек сталкивается со смертью, он испытывает иллюзию того, что время остановилось, а сама смерть не видна, она лишь следует за трупом, она - лишь слуга времени, и лучше всех знает: еще мгновение - и ее господин снова придет в движение" (А.Тееув, р. 96). Интересная мысль, только жаль, что она не следует из текста. В первой части этого рассуждения также все вызывает возражения. Начиная с подтверждения - еще раз - неверной посылки о мнимой остановке времени, здесь можно заметить явную путаницу в понятиях "di luar" - "вовне, снаружи" и "di sini" - "здесь", несоответствие их опять-таки тексту: "di luar" - это как раз и есть призрачный, иллюзорный мир, противоположный "di sini" - "здесь", что следует из текста: "... Пока один здесь задержался / там процессия похоронная ждет". Из рассуждений А.Тэу получается: и человек, и похоронная процессия, то есть смерть - "вовне" ("di luar"), но человек, по тексту, - "здесь" ("di sini") - "пока один здесь задержался" ("один", то есть "кто-то", "один человек"), а "там" - "di luar" - "процессия похоронная ждет". Похоронная процессия - это, конечно, смерть, которая ждет (поскольку слово "смерть" ни разу не употребляется в тексте, "затабуировано").

Если понимать строку, являющуюся посылкой в рассуждениях А.Тэу гораздо проще и логичней, в отличие от его надуманно-вычурной интерпретации, - в соединении с последующей строкой как

часть фразы: "Пока один здесь задержался / там процессия похоронная ждет", - то и картина двух миров получается соответственная. "Здесь" - "di sini" - это мир земной реальный, в котором "мы все еще продолжаем болтать", не зная и не желая знать, что "ночь уже близко", мир, который, по мере приближения к его концу становится все более призрачным, нереальным: "в пространстве все более призрачным, мир полнолунен". "Там", - "вовне" "di luar" - мир потусторонний, призрачный, где царит полная луна и ждет смерть.

Действие ошибочной интерпретации строки первого стихотворения и выстроенной на ней концепции распространяется на второе стихотворение. Во втором стихотворении "Идти в похоронной процессии", согласно рассуждениям А.Тэу, "время, которое задержалось, снова тронулось, и как следствие этого "люди, мы с вами двинулись в похоронной процессии". (А.Тееиу, р. 96). Исследователь развивает свою мысль дальше: это, в его понимании вновь начавшееся движение он приписывает часам ("часы мигают"), и утру ("день отступил"), и солнцу, которое согласно его рассуждениям, снова - наверху ("а наверху: наше солнце..." (А.Тееиу, р. 97). Но дело в том, что похоронная процессия - во втором стихотворении - двинулась просто потому, что она уже ждала - в первом стихотворении ("там процессия похоронная ждет"), А.Тэу же строит и это свое рассуждение на той же неверной посылке. Вторую строфу второго стихотворения А.Тэу толкует тоже достаточно произвольно, его рассуждение следует не из текста, но текст подводится под рассуждение. Второй и третий стихи из этой строфы:

а рядом: деревья одно за другим склоняют голову

а наверху наше солнце, то же самое солнце

часы покачиваются посредине

не измерить, как же пусто время, их поглотившее
в толковании А.Тэу выглядят так:

а наверху: наши солнца, те же самые солнца

часы покачиваются между ними, -

Множественное число в словах "matahari kita, matahari itu juga" -
"- наше солнце, то же самое солнце" в тексте отсутствует, оно следует только из рассуждений А.Тэу. А рассуждает он так: "Действительно, получается много солнц, с передвижением его (солнца - М.Б.) по небу каждый час предстает уже перед другим солнцем, и "Часы покачиваются между ними", между всеми этими солнцами; путь солнца по небу заполнен покачивающимися часами. Обратите внимание на противопоставление: "часы мигают" (выше) и "часы покачиваются", как будто не двигаются, потому что двигаются здесь солн-

ца, а час за часом покачивается между ними". (А.Тееuw, р. 98). Безусловно, увлекательное рассуждение, но исследователь интерпретирует строки стихотворения Сапарди Джоко Дамано в соответствии с логикой своего рассуждения, то есть практически строит другой текст. У поэта часы покачиваются не между солнцами, - знак удвоения (показатель множ.числа) в тексте отсутствует, - но между тем, что "рядом" - здесь, внизу: "а рядом деревья одно за другим склоняют головы" и "наверху" - там: "а наверху наше солнце, то же самое солнце". Исходя из текста, часы, покачивающиеся между "верхом" - солнцем и низом - тем, что "рядом", отсчитывающие меру человеческой жизни, можно рассматривать как символ человеческой жизни, поглощаемой временем, что следует из последнего стиха второго стихотворения: "не измерить, как же пусто время, их поглотившее". Время, поглощающее часы - мерило человеческой жизни, то есть самую эту жизнь, остается пустым, то есть оно ненасытно. О ненасытности времени сказано в последней строфе стихотворения третьего, где в значении времени - смерти здесь выступает небо и дверь в пещеру, которая примет нас "целиком, целиком, оставив только воспоминанья". Названные свойства времени следуют из текста стихотворений. Рассуждениям же А.Тэу подчас свойственны преувеличенные и неоправданные текстом эмоции, так, по поводу последнего стиха второго стихотворения он пишет: "Но вот что самое пугающее, что совершенно невозможно предположить: время, такое жадное, остается пустым, незаполненным". (А.Тееuw, р. 98). Мне кажется, изумление перед этим образом преувеличено: образ ненасытного времени достаточно известен в мировой поэзии, а пустота его связана с его ненасытностью.

Параллелизмы во второй и третьей строфах второго стихотворения:

часы мигают

не измерить, как скоро

день отступил, расчистив дорогу

и

часы покачиваются посредине

не измерить, как же пусто время, их поглотившее

очень выразительны: из них явствует неотвратимость последовательности движения времени (отступив, день расчистил дорогу, конечно же, смерти) и поглощения им в процессе этого движения человеческой жизни.

Исходя из неверной посылки о мнимой остановке времени, надеясь его тотальным могуществом и независимостью, А.Тэу приписывает только времени, его проявлениям или явлениям природы роль субъек-

та действия в этих стихотворениях, отказывая в этом человеку. Относительно второго стихотворения это так: здесь субъект действия - время, наряду с ветром и часами, и солнцем, и деревьями, - человек здесь отсутствует. Но в первом стихотворении субъект действия - "мы": "почему же мы продолжаем болтать?"; а в последнем стихотворении человек является субъектом действия в первых двух строфах, и лишь в последней уступает место небу и двери в пещеру - смерти, что еще раз подтверждает неверность самой посылки.

Прием "затабуированности" слова "смерть" наблюдается на протяжении всего стихотворения, этот же прием - и в вопросе, с которого начинается третье стихотворение: "долго ли ты еще будешь об этом спрашивать?" (по-индонезийски "об этом" - "tantang hal itu", букв.: "об этом случае, об этом деле, об этом вопросе"), - имеется ввиду случай смерти, которая названа таким нейтральным, бессодержательным словом. Это риторический вопрос, обращенный лирическим "я" к самому себе. Начало вопроса повторено в третьей строфе: "Как долго? ...", а остальная часть вопроса как будто застряла в горле, прерванная рядом риторических восклицаний, которые и являются ответом: "но как же высокомерно небо / как же высокомерна дверь, которая примет нас.... / в пещеру, вдруг ставшую тихой". Из этого ответа становится ясной и риторическая форма вопроса, и затабуированность упоминания смерти: небо и дверь в пещеру, которые символизируют здесь ту же смерть, не допускают диалога, они высокомерно диктуют, потому что все предопределено. Но эта затабуированность относится именно к слову "смерть", но не к слову "время", как полагает А.Тэу (А.Тееув, р. 98) (еще раз подтверждая, что на основании произвольной интерпретации одной строки им приписывается времени не существующая в этом тексте роль): слово "смерть" в тексте не названо ни разу, а слово "время" - "waktu" - в собственном значении этого слова - названо во втором стихотворении.

Сопоставление интерпретации, подчас достаточно субъективной, голландского исследователя и интерпретации, предложенной нами, можно было бы продолжить.

Но заканчивая на этом анализ трех стихотворений Сапарди Джоко Дамано и подводя итог полемике с А.Тэу, можно заключить, что в рассуждениях этого исследователя есть безусловно своя логика, интересные мысли и увлеченность самим анализом. Жаль только, что его анализ не исполняет той функции, провозглашенной сами исследователем (А.Тееув, р. 100): не подменять анализом текст, но возвращать нас к нему. Захваченный своими рассуждениями, он нередко

не только уходит от текста, но подводит нас к другому тексту.

Из-за существующих в подобных стихотворных текстах некоторых современных индонезийских поэтов многозначности, многоплановости очень велики соблазн и возможность произвольного их толкования. По причине особенной сложности текста этих стихотворений Сапарди Джок Дамано я не могу считать свою интерпретацию единственно и абсолютно правильной. Но если мне удалось, полемизируя с другим исследователем, приблизиться к постижению смысла текста, устанавливая в процессе полемики истинное значение отдельных слов и строк, - я могу считать свою задачу хотя бы отчасти выполненной.

-----

1. A. Teeuw, *Tergantung pada kata*, Pustaka Jaya, 1980.

2. В переводах мы придерживаемся знаков препинания оригинала, где они отсутствуют в конце стихов. Интерпретация А.Тэу следует только из его анализа, поскольку он не дает перевода на другой язык, рассматривая стихотворения только в оригинале; A. Teeuw, *Tergantung...*, pp. 95-96.

А.Д.Бурман

БУДДИЙСКИЙ ЦАРЬ БОГОВ В ТЕАТРЕ И ДРАМАТУРГИИ БИРМЫ

В данном сообщении сделана попытка обобщить данные о становлении культа Тиджамина в системе бирманского буддизма и на конкретных примерах показать, каково было отражение этого культа в бирманской драме, каким образом в бирманской религиозной системе сформировался образ буддийского царя богов Индры - Сакки - Тиджамина?

Известно, что Индра - это один из наиболее могущественных богов ведийской мифологии, который повелевает божествами среднего мира (атмосферы), связан с дождем и громом, борется своим волшебным оружием - ваджрой против демонов-асуров. Согласно толкованию Ф.Кёйпера, Индра является творцом мира: своей ваджрой он разделяет небо и землю, а, победив Вритру, высвобождает воды жизни. В последующие периоды развития индийской религиозной мысли Индра теряет свое первостепенное значение и, в конце концов, становится лишь локапалой - одним из четырех хранителей стран света.

Значительная трансформация образа Индры происходит в буддизме. Здесь он под именем Сакка (от одного из его санскритских эпитетов - Шакра - "могущественный") становится повелителем буддий-

ких богов на небесах Таватимса. Небеса Таватимса – это вторые из шести небес Камалоки – чувственного мира, или мира страстей и желаний, одного из трех миров буддийской космологии. Для того чтобы стало ясно, как они соотносятся друг с другом, необходимо сказать несколько слов о космологических представлениях бирманцев, принятых ими вместе с буддизмом.

Согласно буддийской космографии, все существа обитают в трех мирах, находящихся один над другим: в Камалоке – мире страстей, Рупалоке – мире формы, где боги лишены желаний и страстей, но еще имеют материальные очертания и Арупалоке – мире без формы, где боги становятся нематериальными и наслаждаются вечным блаженством. В Камалоку входят четыре стадии наказания и семь ступеней счастья.

Четыре стадии наказания находятся в самом низу иерархической лестницы – в них входят ад, мир теней, мир падших богов – асуров, и высший из них – мир животных. Все они располагаются у подножия центра вселенной – горы Мьинмоу (Меру). В четырех стадиях наказания существа расплачиваются за дурные деяния, совершенные ими в прежних перерождениях.

Над ними возвышается представляющий первую ступень счастья мир людей, обитающих на одном из четырех островов, расположенных вокруг горы Меру. Этот мир замечателен тем, что в нем живые существа обретают сознание и, следовательно, могут найти путь к спасению, т.е. к прекращению круга перерождений, нирване.

Далее следует шестинебесная страна натов. Небесные наты или боги (которые называются натами Будды в отличие от местных натов, обитающих на земле) наслаждаются радостью и счастьем благодаря своей карме. Однако они еще подвержены страстям и суетным стремлениям и могут переродиться в мире людей.

Небеса Таватимса, представляющие собой третью ступень счастья после мира людей и небес Чатумахараджика, располагаются на вершине горы Меру, и буддийская космография помещает в их центр волшебную столицу Судассана (санскр. Сударшана), где Индра-Сакка правит 33-ею богами (слово Таватимса означает – "принадлежащие к 33-ем"). Поскольку боги шести небес Камалоки не так уж сильно отличаются от людей, входя в колесо перерождений, то Индра, заняв свое место в буддийской религиозной системе под именем Сакки, из могущественного ведийского бога становится повелителем низших божеств, стоящих лишь на ступень выше человека на лестнице перерождений.

Любопытно, что различные стадии развития образа Индры в индийской религиозной мысли оказались одновременно существующими в синхронном срезе бирманской культуры. Мало того, в бирманской

культуре на Индру-Сакку была возложена еще одна обязанность - персонажа анимистического культа, и главы духов-натов, и он стал, таким образом, верховным божеством бирманцев. Так Индра-Сакка увенчал собою пирамиду бирманского буддизма, который на деле представляет собой сложный синкретический комплекс различных верований - анимистических, индуистских и брахманистских, махаянских и других, заключенных в буддийскую оболочку. Хотя бирманцы считают себя буддистами ортодоксального толка, регулярно посещают пагоды и совершают жертвоприношения монахам, в повседневной жизни они активно вовлечены в магию-ритуальную обрядность, связанную с верой в духов, поклонением индуистским божествам, астрологией и магией, которая находится в ведении брахманов. В XI веке, после принятия в Бирме буддизма в качестве государственной религии, культ 37 главных духов-натов был включен в официальную религиозную идеологию царского двора, причем во главе этого пантеона был поставлен правитель 33-х буддийских богов небес Таватимса.

По мнению некоторых исследователей сам культ 37 главных натов был построен по образцу, принятому в монском государстве Пегу, расположенном на территории древней Бирмы еще до создания первого государственного объединения бирманцев - Паганской империи.

Согласно концепции английского ученого Х.Шорто, в древнем монском государстве существовала своеобразная религиозная система, которая освящала сложившийся порядок административного деления: федерацию 32 княжеств во главе с правителем и 4-мя военными предводителями. По форме эта система соответствовала индуистско-буддийской картине мира, где к 33-м божествам небес Таватимса присоединялись четыре локапалы - стражи стран света, обитающие, по буддийским космологическим представлениям, в небесах Чатумахараджика.² В иерархии буддийских небес Чатумахараджика занимает среднее положение между миром людей и небесами Таватимса. Может быть, вследствие своей непосредственной близости к миру людей, и локапалы Чатумахараджики и боги небес Таватимса считаются покровителями людей и постоянно фигурируют в мифологии, фольклоре и литературе, непосредственно вмешиваясь в жизнь социума.

Поскольку у монов, так же как и у бирманцев, был принят культ духов, то на высшем уровне административной системы выделялись соответственно 36 духов предков, хранителей местных династий и владений, во главе с духом главного правителя. В Бирме 36 духов были избраны из сонма бирманских натов в соответствии с монским образцом и в упорядоченном виде введены в систему бирманского буддизма. Их глава Индра-Сакка получил у бирманцев имя Таджамин (досл. -

государь Таджа; Таджа – бирманская транскрипция имени Шакра или Сакра, как его называли в Бирме). Народная этимология переосмыслила Таджамина в Тиджамина, что означает – "Все видящий и все слышащий государь". Действительно, в буддийской мифологии Тиджамин является главным покровителем людей и если в человеческом обществе происходят какие-либо неполадки, требующие его немедленной помощи, изумрудный трон царя богов раскаляется так, что на нем становится невозможно сидеть. Тогда Сакка-Тиджамин поневоле спускается из своего небесного дворца под деревом Кати и наводит порядок на подвластной ему территории. Например, в кукольном театре всегда соблюдается такая условность: Тиджамин, появляясь на сцене, спускается сверху экрана (подобно *deus ex machina* греческой трагедии), чтобы спасти героиню, сообщить тайну рождения героя или внести ясность в запутанный конфликт; остальные персонажи выходят с правой или левой стороны экрана, в зависимости от своего статуса.

Одна из обязательных сцен бирманского кукольного театра – это сцена дворцовой аудиенции, где царь держит совет с четырьмя министрами. По бирмански они называются "минджилейба", что является точной калькой с палийского "чатумахараджа" – четыре махараджи или четыре великих царя. Согласно сообщениям бирманских исследователей, в устной театральной традиции четыре министра ассоциировались с четырьмя махараджами или локапалами, стражами стран света на небесах Чатумахарджики и связанными с ними четырьмя природными стихиями (землей, водой, огнем и воздухом (ветром)³), что можно рассматривать как еще одно подтверждение гипотезы Х.Шорто. Соответственно, земной царь, как на сцене, так и в жизни соотносился с небесным царем богов Тиджамином.

В бирманской культуре Индра-Сакка-Тиджамин выступает в трех своих ипостасях: как могущественный ведийский бог Индра, продолжая тем самым ведийскую традицию, как буддийский царь богов Сакка, отражая традицию ортодоксального буддизма, и как глава духов Тиджамин, сконцентрировав вокруг себя самую древнюю и наиболее живучую традицию анимистических верований.

Эти концепции нашли отражение как в реальной действительности бирманского общества, так и в драматургии и на театральной сцене. Например, сопоставление обязательной прологовой сцены перед спектаклем бирманского театра с пурварангой – прологом санскритской драмы, известным нам по древнеиндийскому театральному трактату "Натьяшастра", показывает, что между ними имеются определенные соответствия. В бирманском и санскритском вариантах

пролога символически воспроизводится сцена сотворения мира. Ее кульминационным пунктом является нисхождение в центр сцены Индры (в санскритском варианте) и Индры-Тиджамина (в бирманском варианте), которые исполняют в этот момент свои мироустроительные функции. Хотя в санскритском варианте символически разыгрывается ведийский миф творения, а в бирманском - буддийский, тем не менее, главное действующее лицо бирманского пролога - Тиджамин по своим характеристикам соответствует скорее ведийскому Индре, нежели буддийскому Сакке.⁴

Археологические раскопки, проводившиеся недавно в Бирме, показывают, что ведийская концепция творения была знакома предкам бирманцев. Сцена сотворения мира, построенная по ведийской схеме, изображена на древних бирманских монетах, обнаруженных у храма Бободжи в Шрикшетре - государстве народа пью, первой волны тибето-бирманцев, от которых бирманцы во многом заимствовали свою культуру.⁵

Некоторые черты Индры как ведийского божества нашли отражение в текстах драматургических произведений XIX века. В них бирманский государь характеризуется как получивший от Индры волшебное оружие варазейн (бирманская транскрипция палийского выражения "ваджиро джино" - "победоносная ваджра [Индры]"), получивший в дар от Индры оружие саджа (бирманская транскрипция слова "чакра"), родившийся с волшебным оружием Индры и т.п. Государь, в качестве заместителя Индры на земле определяется как "воздвигающий стяг", "древко знамени высотой в кукка" (мера длины), "воздвигающий победоносное знамя Индры", титулуется как "столп в центре вселенной", "дерево в центре мира, поддерживающее небеса" и т.д. В этих определениях на первый план выступают характеристики Индры как победителя демонов-асуров, а также мироустроителя, т.е. они соответствуют скорее ведийскому, нежели буддийскому контексту.

Столь же часты в драматургии упоминания об одном из главных символов царской власти в Бирме - белом слоне Айравата. Слон Айравата, который является ваханой (ездовым животным) Индры, согласно преданию, обитал в Бирме, и именно в честь него названа главная водная артерия Бирмы - река Иравади. Символика Айраваты как ваханы ведийского Индры связана с дождями и плодородием почвы. Возможно, именно с Индрой, как небесным покровителем бирманского государя, ассоциируются такие его функции, как регуляция космических сил и природных явлений, власть над дождями и ветрами, способность управлять урожаем. Они нашли отражение и в этикете царского двора - например, вплоть до конца XIX века (пока бирманская

империя не распалась под ударами англичан), правители Бирмы проводили церемонию вызывания дождя во время засухи и обряд ритуальной пахоты для стимуляции плодородия почвы. Отсюда такие определения царя в драматургии, как "тот, у кого ветры и дожди приходят регулярно и в срок", "кхаттия – господин урожая" и другие.

Следы древнеиндийской кшатрийской обрядности сохранились в одном из важнейших придворных ритуалов – церемонии коронации, которая называлась "махаиндабитей" (абхишека великого Индры) и исполнялась 8-ю придворными брахманами, опрыскивавшими царя священной водой из кувшинов "кумбха".

Столь же существенными в сознании бирманцев были связи бирманского государя с буддийским царем богов Саккой. Земной царь и царь богов мыслились как правители микрокосма и макрокосма. Государство являлось как бы моделью вселенной, а его столица во всем напоминала обитель Сакки на вершине горы Меру. Последняя столица бирманских правителей – Мандалай (ее название происходит, скорее всего, от слова "мандала" – графического обозначения вселенной) была сооружена в форме четырехугольника, в центре которого располагался дворец, а посередине его – трон, официально именованный "центром вселенной", олицетворяя собой центр буддийской вселенной – гору Меру. Над тронном возвышался семиярусный шпиль "пьята", где семь ярусов символизировали семь ступеней счастья, включающих мир людей и шесть небесных миров Камалоки. К трону были прикреплены изображения солнца, луны и планет, якобы вращающихся вокруг горы Меру, а на ступенях трона стояли изваяния 33-х божеств небес Таватимса. В потолке над тронном находилось специальное отверстие "Тиджапау" (отверстие для Тиджамина), через которое, по представлениям бирманцев, мистически проникал Сакка-Тиджамин, чтобы отождествиться с бирманским государем. Царь, восседавший на троне, был как бы земным воплощением Тиджамина, отсюда такие его определения в драме: "облеченный доверием Сакки", "получивший покровительство Сакки", "лотос Сакки", "тот, кому Сакка вручил символы власти" и т.д.

И, наконец, хотелось бы очертить образ Тиджамина, как повелителя духов-натов, рассмотреть его функции в анимистическом контексте. Здесь нам придется снова вернуться к прологу бирманского театрального представления, где помимо ведийской и буддийской обрядности можно найти явные следы шаманского комплекса. Танцовщица, которая в прологовой сцене просит Тиджамина спуститься на землю, чтобы благословить ее, называется "накадо" (супруга ната). Так в Бирме называют профессиональных заклинательниц духов, которые со-

единяются с духом, входят в транс, а затем прорицают судьбу всем желающим, либо лечат больного.

В прологе накадо обращается к Тиджамину с инвокацией, сходной по своей структуре с шаманскими призываниями. Затем, танцуя, она начинает мелко дрожать всем телом, изображая любовный союз с Тиджамином и вхождение в транс. Можно полагать, что в этой сцене актриса воспроизводит шаманский ритуал, где Тиджамин выступает в качестве духа, спустившегося с небес на землю по призыву шаманки.

Представляется, что пытаясь проследить процесс становления культа Индры-Сакки-Тиджамина в Бирме, мы можем наблюдать, как происходила в бирманской культуре ассимиляция новых религиозных концепций, которые для простых бирманцев облекались в старую форму привычных, освященных древней традицией верований.

-
1. Будда бада эбидан(словарь буддизма). Рангун, 1969, с. 82-85, II0-III, I25-I29, 253-255.
  2. H.L.Shorto. The 32 myos in the medieval Mon kingdom. BSOAS, XXVI, 3. London, 1963; он же. The Dewatau sotāpan: a Mon prototype of the 37 nats. BSOAS. XXX, I. London, 1967.
  3. Эйдэпьяза нэ апхэйзоун (Предисловие к пьесе "Водонос"). - У Поун Ня. Эйдэпьяза (пьеса "Водонос"). Рангун, 1955, с. 3.
  4. Более подробно см.: А.Д.Бурман. Кадопвэ и пурваранга. III и ПИЧНВ, XXI, ч. П, М., 1988.
  5. M.Mitchiner. The Cosmogonical Scene Depicted on some early Burmese "Symbolic" Coins. - East and West. Is. MEO. New series. nov. I-3. Sept. 1984, Rome.
  6. Более подробно см.: А.Д.Бурман. Стандартные формулы обращения и шаманские призывания в бирманской драме XIX в. III и ПИЧНВ, XX, 1985, ч. П. М., 1986.

Литература

- У Поун Ня. Лэйвэй синсамья (Избранные произведения). Рангун, 1968.
- У Чин У. Дэйвакоунбанпьяза (пьеса "Дэйвакоунбан"). Рангун, 1932.
- У Чин У. Папахейнпьяза (пьеса "Папахейн"). Рангун, 1928.
- У Чин У. Махопьяза (пьеса "Махо"). Рангун, 1920.
- Схая Тин. Талавадимьитамайн (пьеса "История реки Талавади"). Рангун, 1898.

ЗВУКОВАЯ ОРНАМЕНТАЦИЯ ПЕРВОГО, НЕРИТМОВАННОГО, ВЕЙТА КИТЪА
(ПРИЕМ "МИНУС-М А Т Л А Ъ")

Одним из эстетических феноменов персоязычной классической поэзии, во многом определившим ее художественную специфику, является тончайшее, благоговейное ощущение слова.

Корни этого пиетета перед высокоорганизованным, красноречивым словом следует, видимо, искать в эстетических воззрениях деятелей арабо-мусульманской культуры, утверждавших, что слово – это первое и величайшее проявление бога, слово – это толкователь души. При этом, термин "ал-балāгат", который мы переводим как "красноречие", заключает в действительности более сложное понятие – "искусство ясной и выразительной речи". Ясная и выразительная речь, согласно средневековым канонам, снимает покров с мысли, "разрывает завесу скрытого в разуме". Успех передачи информации определяется искусством речи, отсюда признание за "красноречивым" словом огромного облагораживающего влияния на душу человека.¹ "Вся красота мира – в языке", это выражение, приписываемое пророку Мухаммаду, было краеугольным камнем в сложении ранней письменной персоязычной культуры.

Преклонение перед словом породило все ведущие составляющие классического стиха на фарси, а именно – монорифму, редиф, такой риторический прием высшей сложности, относящийся к категории особо престижных, как сквозной повтор в стихотворении одного слова или группы слов. Вспомним и о узко-замкнутом фонде основных слов-образов в поэзии, и о распространенных "квалификационных" соревнованиях поэтов в написании "подобий" и "ответов", – то есть стихотворений (чаще всего касыд) на одну и ту же рифму и заданные словесные повторы.

Все это было продиктовано именно стремлением познать слово, извлечь из него все заложенные в нем смыслы и ассоциации, выявить все его звуковые возможности.

Если вчитаться в персидский стихотворный текст, то и помимо чисто внешних, лежащих на поверхности словесно-формальных приемов (монорифма, редиф, повторы), мы начинаем видеть пронизывающую весь текст скрытую словесную игру, внутренние рифмы и рифменные фигуры, целые ряды словоформ, каламбуры, тонкую звуковую орнаментацию.

Я уже обращалась к проблеме технологии персидского класси-

ческого стиха, характеризуя литературную жизнь XII века, на материале газелей и рубаи – жанровых форм, отличающихся особой декоративностью.² Предмет настоящей статьи – техника стиха в разработке кыт'а – жанровой формы более будничной и рационалистической, сближенной с живой разговорной речью. И наибольший интерес для исследователя представляет именно эта чисто формальная особенность, маркирующая кыт'а, а именно отсутствие обязательного для касид, газелей и рубаи – первого парнорифмующего бейта – матла'.

Закономерно встает вопрос, какое звуковое оформление – взамен рифмовки – применяют поэты в первом бейте кыт'а?

Заметим предварительно, что прием "минус-матла'" – категория для кыт'а не абсолютная. Изучение диванов XII века показало, что нередко кыт'а, причем и самые короткие, в два-три-четыре бейта, писались с первым парнорифмующимся двустушием. Вот некоторые цифры. В диване Анвари 48 кыт'а из 492 (то есть почти 10%) написаны с матла'. То же и у других поэтов: 19 коротких кыт'а Хакани написаны с матла', равным образом у Джамал ад-Дина ибн Абдарраззака, Муджир ад-Дина Байлакани, Захир ад-Дина Фар'аби.

Следовательно, мы можем сделать первый вывод: прием "минус-матла'" поэты в ряде случаев трансформировали в прием "минус – минус-матла'". Вот несколько примеров. Двухбейтовое кыт'а Анвари (№ 440):³

بينان زندگانی کن ای نیک روی   بوقت که اتبال دادت خدای
که غایبند از بهر آنگشت دست   گرت بر زمین آمد انگشت پای

Так свою жизнь строй, о добрый помыслом,
В то время, когда господь одарил тебя счастьем,
Чтобы кусали пальцы рук из-за тебя,
Когда пальцы твоих ног коснутся земли.

А вот начало пятибейтового кыт'а Анвари, здесь прием матла', как и в предыдущей поэтической миниатюре, придает пословичную афористичность высказыванию (Анвар, № 276):

باده خوردن بسا تکلیفی در   از عمر نیست بلکه حسرت خاطر
Пить вино большой чашей

Отнюдь не доблесть, более того – опасно!

Еще один пример приема "минус-минус-матла'" – начало 10-ти бейтового кыт'а, любопытного тем, что сквозной рифменный ряд – р ū з й – б э н р ū з й – ш а б ā н р ū з й – ф й р ū з й ... – берет свое начало от имени мецената Пи р у з ш а х, коему и посвящено стихотворение (Анвар, № 172):

آنکه او دست و دل را عیب روزی کرد   در گهت را پیروزی و بغرورزی کرد
یافت از دست اجل جان گرامیش خلاص   هر که خدمت جان پیروزی کرد

Тот, кто твои руки и сердце побудил добывать насущный хлеб,
 Сделал твой дворец процветающим и счастливым.
 Бесценная жизнь освободилась от [угрозы] смерти у каждого,
 Кто хоть однажды услужил господу твоему...

Заметим, что во втором мисра рифма к тому же удвоена, удвоенные конечной рифмы и в заключительном двустишии, особенно примечательное тем, что эта рифменная фигура возникает в результате декламационного способа стихов - слитного произношения союза в а как $\bar{u}$: к а р д - $\bar{u}$ - з и р о х - и р $\bar{u}$ з $\bar{y}$ к а р д.

از شب و روز میدانم که با تست بهم آنکه از زلف شبنم کرد و ز رخ روزی کرد
 Изучение кытъя XII века показало, что поэты нередко насыщают

первый, нерифмованный, бейт богатой звуковой игрой, приемы этой эвфонической орнаментации чрезвычайно разнообразны. Ведущим среди них является то же рифменное сближение полустушии, но уже в прямой и неполной форме. Например у Хакани в двухбейтовом кытъя (Хакани, с. 630):⁴

تو مار صورتی و همیشه شکر خوری   خا قانیت طوطی و دایم جگر خورد
 اینم ز بخشش خلدک و جور عالم است   گانرا که خاک باید خوردن شکر خورد

Ты подобен змее, а ешь сахар всегда,
 Хакани же, хоть и попугай, ест постоянно [свою] печень.
 Так вот что выпало на мою долю по милости небес и
 великодушию мира,
 А тот, кому следовало бы есть землю, ест сахар!

Назовем этот прием рифмовкой с видоизменением. Вводя в первое полустушии рифму ш а к а р, поэт приводит и редиф, тот же глагол х $\bar{u}$ р а д, но в иной форме - х $\bar{u}$ р $\bar{y}$. Конец кытъя сближен с началом: ш а к а р х $\bar{u}$ р $\bar{y}$ - ш а к а р х $\bar{u}$ р а д.

Тот же прием введения в первую мисра конечной рифмы при измененном редифе - в коротком кытъя Анвари, где к основной рифмовке ш а к а р д - п а м р а н к а р д поэт дает в первом мисра ш а к а р б у д (Анвар, № 171):

مرکب من که داده شاه بود   جان فدای مراکب شه کرد
 بنده را با پیادگان سپاه   در چنین جایگاه عمره کرد

Мой конь, которого пожаловал мне шах,
 Пожертвовал жизнь свою коням шаха.
 Посему этого раба вместе с пешими войнами
 Сделал попутчиками в этой местности.

Насыщено звуковой игрой с конечной рифмой. — в условиях "минус-матлаз" следующее четырехбейтовое кытъя Анвари, приводим его целиком (Анвары, № 186):

غلام توام چون غلامت نباشند   هر آنکس که در نام نام تو باشد
 چنین صد حوادث تو دانه دانی   که در عطده یک پیام تو باشد
 چه باشد که کام درین بر نیاید   چو امروز گیتی یکام تو باشد
 گرفتیم غلامت نباشد غلامت   نه آخر غلام غلام تو باشد

Я твой слуга, ибо тот не твой слуга,

Кто в своем имени несет твоё имя.

Таких сказаний о тебе я знаю сотню, о которых ты знаешь,
 Что они обязаны хоть одной весточкой о тебе.

Что же, если не осуществится моя мечта,

Так как нынче мир сопутствует твоим желаниям.

Допустим, что твой слуга является не твоим слугой,

Но разве, в конце концов, он не может быть слугой твоего
 слуги?

В первом бейте к конечной рифме $n \bar{a} m$ — и $t \bar{u}$ даны три рифменных созвучия: $g u l \bar{a} m$ — и $t \bar{u}$, $g u l \bar{a} m$ — а т, $n \bar{a} m$; концы полустигий: $g u l \bar{a} m$ — а т н а б \bar{a} ш а д — $n \bar{a} m$ $n \bar{a} m$ — и $t \bar{u}$ б \bar{a} ш а д, то есть изобретательно переименованная рифмовка. Все стихотворение замкнуто в кольцо ($g u l \bar{a} m$ — и $t \bar{u}$ — $g u l \bar{a} m$ — т \bar{u} б \bar{a} ш а д), обильно орнаментирован и последний бейт кытъя, причем слово $g u l \bar{a} m$, открывающее стихотворение, здесь повторено четырежды.

Показательно звуковое оформление первых бейтов кытъя в следующей траурной элегии (Анвары, № 70):

رئیس دولت و دین ای اسیر دست اجل   تلی و رفت بلین حاصل جهان از دست
 زمانه نی در مردی در کرم بشکست   سپهرنی دم شخصی دم غنر دست

О, глава государства и веры, о пленник смерти,

Ты ушел и выскользнуло из рук лучшее создание [этого] мира.

Судьба сломала не только двери мужества, но двери щедрости,

Небо унесло не только дух личности, но и дух искусства.

Каждое из свободных мисра поэт привязывает к конечной рифмовке, во втором бейте своего рода матлаз — полная рифмовка полустигий: б а ш е к а с т — д а р б а с т, а в первом мисра кытъя рифменное слово первого бейта поставлено предпоследним словом в строке.

Еще один похожий пример. Рифменное слово первого бейта $g e r a n$ поэт ставит в первом мисра и повторяет в трехбейтовом стихотворении еще трижды (Анвары, № 239):

هر که زی خویشتن گران آید   ببرد یگران گران نبود
 و آنکه گوید که من سبک روحم   زو گران تر دین جهان نبود
 از سبک روح راحت افزاید   وز گران جز نساد جان نبود

Каждый, кто себя высоко ценит,

Для других высокоценным не бывает.

А тот, кто говорит: "Я - искренен",

Дороже его в этом мире нет.

От искреннего человека покой увеличивается,

А от тяжелого человека ничего, кроме злобности, для души нет.

Именно свобода от обязательной рифмовки предоставляет стихотворцу возможность бесконечно разнообразить звуковое оформление начала кьтба. Так, например, поэт прибегает к имитации матлаъ: при конечных рифмах - м а й ū с ѝ - ст - а ф с ū с ѝ - ст в первом полустушии кьтба, при том же редифе, ставит слово - х ā - м ū ш ѝ - с т, полустушия первого бейта, к тому же, объединены приемом "тарсй" - сквозным ритмическим параллелизмом. (Анвары, № I05):

خسروا این چه حلم و خاموشیت   صا جبا این چه عجز و مایوسیت
 آخر افسوس سنان نیاید از آنک   ملکه در دست مشتی افسوسیت

Эй, Хосров, что это за терпение и молчание?

О, друг, что это за слабость и отчаяние?

Неужели у вас нет сожаления о том, что

Что вся власть в горсти, [в кругом] - увы!...

Еще один пример приема "тарсй" (Анвары, № I06):

برترین مایه مرد را عقلمت   بهترین پایه مرد را تقویست
 Высшее достояние человека - разум,

Лучшая основа человека - праведность.

А вот иной прием звукового сближения первого свободного мисра с общим рифменным рядом: конец первого мисра рифмуется с "привратником" - дублирующей рифмой, стоящей перед основной - ū - а н д а р ū - т ū (Анвары, № 52):

خدائی که با بزرگی او   چرخ با آنچه اندر او خردست
 که مرا پای در رکاب سفر   دست بو سیدن تو آورد دست

Клянусь богом, что перед его величием

Ничтожны небесный свод и все, что есть в нем.

Что причиной того, что я вложил ноги в стремна путешествия
Является желание поцеловать твою руку...

Еще изобретательней поэты в приемах внутренней рифмовки. Вариантов звуковой игры с ведущей рифмой, в условиях "минус-матлаз", чрезвычайно много. Приведем один типический пример - двухбейтовое кытъя (Анвары, № 71):

اعتقادی درست دار چنانکه اعتادات بدان نباشد مست
بنده را بی تشنگی از عذاب خدای نرا غلظ جز اعتقاد درست

Соблюдай такую веру правильную, чтобы
Уверенность твоя в ней не была слабой.
Человека от господнего наказания, несомненно,
Спасает лишь правильная вера.

К ведущей рифме с о с т - в первом мисра поставлена внутренняя рифма - д о р о с т; кроме того, первый бейт оформлен фигурой единоначатия. Заметим, что включен в эту звуковую игру и второй бейт: стихотворение кончается теми же двумя словами, которыми и начинается: э ' т э г ā д - и д о р о с т: короткое кытъя заключено в плотное рифменное кольцо.

Другой, более тонкий вид звуковой "привязки" первого мисра к конечной рифме, мы видим, например, в следующем 6-тибейтовом стихотворении, начало которого звучит так (Анвары, № 62):

گشته ام بی نظیر تا که ترا بحضایت بسوی من نظر است

Стал я вне себя из-за того, что у тебя
Благосклонный появился взгляд в мою сторону...

Центральное слово первого мисра б̄ й н а з̄ й р как бы предвосхищает появление конечной рифмы - н а з а р.

Еще один способ подмены матлаз - это оформление концов полустиший первого бейта уже не звуковым сближением, а одной из риторических фигур, чаще прочих - антитезой. Так, в 10-тибейтовом кытъя Анвары, где применена для этой цели пара антонимов (Анвары, № 32):

گره عهد آسمان مست است گره کپسه عناصر سخت

Узел договора небес - слаб,
Узел мешка стихий - прочен.

Приведенный бейт иллюстрирует кроме того еще один способ звукового уподобления двух полустиший - прием единоначатия.

Лексической парой, осуществляющей художественную взаимодей-

ствие двух мисра в первом бейте кытъя, может быть и пара синонимов, как, например, слова *п э й ф и а ф с у с* (Анвары,

№ 291): *سر زلفت بخیز دست تو حیفت لب لعلت بیوس جز تو افسوس*

Жаль, если коснется кончика твоего докона [кто-нибудь]
кроме твоей руки,

Увы, если поцелует твои лаловые губы [кто-нибудь]
кроме твоих губ ...

В особую группу можно выделить приемы "компенсации" минус-матлаэ за счет усиления эвфонической связи первого -свободного - полустушишия со вторым бейтом кытъя. Здесь мы тоже наблюдаем разнообразие звуковых повторов и рифменных фигур, чаще других применяются приемы анафоры и кольца. Так, в следующем коротком кытъя (4 бейта) первые два бейта начинаются одинаково с *г у ф т а м ч у* (Анвары, № 190):

*گفتم چو لطف بار خدایم قبول کرد جانم ز قهر و غصه ایام رسنه شد
گفتم چو صبح وعده انعام او دیدم روزیم فاضل آمد و روزم نجسته شد*

Сказал я: "Когда милость господа бога снизошла,
Душа моя освободилась от гнева и печали дней".

Сказал я: "Когда утренняя заря обещания милости его взошла,
Доля моя достигла превосходства, а день мой благополучным
стал..."

Звуковое уподобление достигается и через посредство общности грамматической структуры фраз в свободных полустушишиях: оба кончаются на глаголы *к а р д и д а м й д*, при глагольном редифе, в той же форме - *ш о д*.

Иногда, весьма редко, мы видим некое подобие перекрестной рифмы: первое полустушишие рифмуется с первым полустушишием второго бейта, например (Анвары, № 88):

*بهشت را چه کنی عرضه بر قلندران بهشت چیست نشانی ز پور انسانست
بسر سینه پاک و بجان معدومان بدان خدای که دانای سرو اعلا
که نقل رند ز مستان لم حزل خوشتر ز میوهای بهشت و نعیم رضواس*

Зачем ты предлагаешь каландарам рай?

Что такое рай? Это знак бытия человека.

Клянусь тайными чистых сердец и житием праведных,
И богом, который знает и тайны, и явь,

Что для ринда сладостней вечное общение с пьяными,

Чем плоды райских садов и блаженство рая.

Рифмы свободных полустиший – к а л а н д а р й ā н – м а'
с ū м ā н включены, как мы видим, в ряд конечных рифм: э н с ā н
– э'л ā н – р э з в ā н.

Чтобы было яснее, насколько широко практиковались названные приемы оформления первого бейта кыт'а, приведем точные подсчеты. Из 492-х кыт'а у Анвари, как мы уже говорили, 48 написаны с матла'б. Для оставшихся поэт 210 раз применяет приемы, так или иначе компенсирующие парную рифмовку. Итак, звуковыми приемами точной рифмовки или иными способами художественного сближения полустиший в первом бейте кыт'а охвачено свыше 59% стихотворений.

Отмечая чрезвычайную важность изучения исторической поэтики, М.Б.Храпченко особо оговаривал, что принципиально неправильно сводить дело к истории художественной технологии. "Для того, чтобы историческая поэтика не превратилась в иллюстрированный каталог или литературный гербарий, – писал М.Б.Храпченко, – необходимо средства художественного воплощения исследовать в широкой духовной и эстетической перспективе, в свете основных тенденций развития художественной культуры".⁵

Изучение с этих теоретических позиций поэтики персидского классического стиха убеждает нас в том, что избыточное, "лишнее", – с нашей точки зрения, красноречие, словесная витиеватость были исполнены для поэтов-классиков и их читателей огромной идейно-эстетической информации.

1. Подробнее об этом см.: Б.Я.Шидфар. Образная система арабской классической литературы с VI по XII вв. М., 1974, с. 100-107.
2. Э.Н.Ворожейкина. Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время (XII – начало XIII вв.), М., 1984, с. 213-240.
3. Стихи Анвари цитируются по тегеранскому изданию дивана – Диван Анвари, том II. Тегеран, 1340/1961. Далее ссылки даны в форме – Анвари.
4. Стихотворения Хакани цитируются по изданию – Диван Хакани, подготовленный Али Абд ар-Расули, (б.м.), 1316/1937.
5. М.Б.Храпченко. Историческая поэтика. Основные направления исследования, в сб. Контекст. 1983, М., 1984, с. 9.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ДВУХ ЛЕГЕНД ИЗ СКАЗАНИЯ ОБ АРДАШИРЕ

Как известно, за многими преданиями, сюжетами и героями национального иранского эпоса стоит основная идея зороастрийского вероучения – идея равновесия в мире сил добра и зла и их постоянной борьбы с переменным успехом. Силы зла, которые предстают в различных воплощениях (сам Ахриман-Ангра-Манью, Заххак-Ажи-Дахак, Тур, Афрасиаб-Франхрансьяна-Фрасиаг и другие), постоянно противопоставлены силам добра, представляемым иранскими царями и героями (легендарными и историческими). При этом Ахриману нередко удается толкнуть на путь зла или богохульства кого-нибудь из положительных героев эпоса: Джамшида (Йиму), решившегося на самообожествление; Кей-Кавуса, дерзнувшего полететь на небо; Гуштаспа, стравившего своего сына Исфандияра с богатырем Рустамом. Как правило, именно подобное отступничество праведного царя бывает причиной очередного торжества злых сил – силы добра вновь торжествуют лишь с приходом нового спасителя. Эта основная идея в наиболее стройном и систематизированном виде предстает в великой поэме-эпосе Фирдоуси "Шахнаме".

Последний из славных спасителей Иранского царства в этой поэме – Ардашир Бабахан (Папакан),¹ который, свергнув узурпатора Ардавана, вернул престол своих предков, древних кеянидских царей и создал основы для возрождения великой Иранской державы (продолжили и завершили дело Ардашира его сын Шапур и внук Ормизд). Сказание, посвященное ему, в различных своих версиях (основными из дошедших до нашего времени вариантов сказания следует считать посвященную Ардаширу часть "Шахнаме" и среднеперсидский "Карнамак") повествует о нелегкой борьбе Ардашира за воссоздание Иранского царства; при этом события реальной истории тесно переплетены с легендарными и мифическими сюжетами.

В этом смысле интересны две легенды, входящие в сказание об Ардашире – легенда о борьбе Ардашира со сказочным Червем (I, стр. 139-154, бейты 499-777) и легенда об Ардашире, Шапуре и дочери Мехрака Нушзада (I, стр. 164-172, бейты 160-298). В обеих легендах своеобразно преломляется основная идея "Шахнаме" и иранского эпоса в целом, причем доброе начало отождествляется в них с принципами зороастрийско-иранского легитимизма.

Две версии легенды об Ардашире, Хафтваде и Черве.

Вряд ли нужно здесь напоминать содержание данной легенды, как и второй, ибо каждый иранист с ними, разумеется, знаком. Однако следовало бы еще раз обратить внимание на значительные сюжетные различия версий этой легенды в "Шахнаме" и в "Карнамаке", делающие различными существенные моменты их идейного содержания.

В "Шахнаме" эта легенда начинается рассказом о появлении Червя и обретении Хафтвадом с его помощью могущества и власти; рассказ этот дает основную идею всей легенде: некто мелкий, недостойный (с точки зрения феодальной идеологии), которому от рождения предназначено жить трудом и подчиняться власти имущим, случайно вступает в контакт с одним из дивов из лагеря Ахримана и с его помощью, вопреки воле Ормузда, обретает силу и власть. Он незаконно лишает престола и жизни одного из "законных" владык Ирана, попытавшегося поставить его на место и, овладев его княжеством, становится одним из сильнейших иранских властителей. И его владение превращается в центр поклонения этому диву, а тем самым – в один из важнейших, если не важнейший, оплот зла на земле Иранской (вспомним, что и Ардашир проникает в резиденцию Червя под предлогом паломничества, и охрана Червя верит ему, стало быть, подразумевается, что подобные паломничества к Червью совершались и ранее). А Ардашир ведет с ним борьбу за незыблемость зороастрийской веры и принципов легитимизма.

В Карнамаке история появления Червя отсутствует, нет ни малейшего намека на "незаконность" Хафтвада как правителя. Хафтвад (Хафтбад) там – один из 240 иранских князей (кадак-хватавов),² владеющий своим княжеством на столь же законных основаниях, что и все остальные князья. При этом не Ардашир начинает войну с ним, а Хафтбад первый нападает на один из отрядов Ардашира и захватывает богатую добычу. Кроме того он, оставаясь "законным" по крови правителем, отошел от зороастрийской веры, связался с дивом-Червем и, обретя с его помощью непобедимость, посягнул на Ардашира, богом определенного владыку всего Ирана, а следовательно и на саму зороастрийскую веру. И Ардашир с одной стороны защищает свою честь, а с другой – ведет борьбу за веру, против злых сил.

Связующее звено между этой и второй легендами – Мехрак Нушзад (Аношагзандан), лицо историческое, действительно упоминаемое в ряде источников (Ш, стр. 36–37). Последний (в легенде) и рода царского, и от зороастрийской веры он открыто не отступал, во всяком случае об этом ничего не сказано. Но он посягнул на Ардашира, ста-

ло быть, пошел против воли Ормузда, что уже не только вероломство, но и несомненное богохульство. И сделал он это, воспользовавшись поражением Ардашира в войне с узурпатором и вероотступником Хафтвадом, так что фактически оказался союзником последнего, и следовательно, пополнил ряды воинства Ахримана. За это его постигает неминуемая кара, а его владения естественно переходят к Ардаширу. При этом с ним Ардашир справляется легко и быстро (I, стр. 149, бейты 688-693), тогда как с Хафтвадом борьба была долгой и трудной, возможно потому (по логике легенды), что пойдя против Ардашира, а, следовательно и против Ормузда, он не вступил в открытый союз с Ахриманом, то есть не завязал с последним каких-либо отношений.

И однако при всем при том, как мы видим из следующей легенды, хотя Мехрак и совершает тяжкое преступление и несет заслуженную кару, род его остается одной из ветвей рода кеянидского и впоследствии будет призван сыграть не менее важную роль в воссоздании Иранского царства, чем Ардашир и его потомки.

Место второй легенды в сказании об Ардашире.

Перейдем теперь к легенде об Ардашире, Шапуре и дочери Мехрака. Эта легенда логически завершает все сказание об Ардашире. В ней происходит окончательное объединение страны под власть "законных" царей, олицетворяющих волю Ормузда на земле. И достигает это не через победу над очередным врагом, как прежде, а через соединение двух царских родов, вернее двух ветвей одного рода, восходящего к Кеянидам. Хотя Ардашир в эпических преданиях и является прямым потомком Кеянидов, хотя его и сопровождает царственный Фарр,³ хотя ему и удастся свергнуть Ардавана, овладеть иранским престолом, победить множество других врагов, но окончательно подчинить страну, восстановить в ней спокойствие и порядок ему все же не удастся. И так происходит потому, что он ранее погряз права другого рода, который восходит к Кеянидам, и права которого на престол не менее законны, чем права Ардашира и его потомков. Виноват был, правда, Мехрак, совершивший вероломное нападение, но сути дела это не меняет: права его рода погрязли, а в таком случае "законность" правления Ардашира уже под сомнением. Только если эти две семьи соединятся, и на престол взойдет (или хотя бы станет престолонаследником)⁴ их общий потомок, "законность" целиком восторжествует, и победа доброго начала будет несомненной.

И такой поворот событий в легенде предопределен свыше, как

ранее победа над Заххаком или Афрасиабом, Ардаваном, или Хафтвад — никто не в силах этому помешать. Но если раньше помешать исполнению предначертанного пытались Ардаван с сыновьями, курды, Хафтвад, жена Ардашира (дочь Ардавана) и другие враги, то в этой последней легенде прямых внешних, как и внутренних врагов нет, а основным противником божественного предопределения оказывается ... сам Ардашир! Именно он встречает в штыки слова индийского Пророчателя,⁵ хотя тот, по тогдашним представлениям, непререкаемый авторитет, и пытается окончательно добить тот второй царский род, который вместе с его родом должен образовать "законную" династию, забывая при этом о цели всей своей жизни — воссоздании Иранского царства. Однако божественное провидение не допускает этого противоречащего высшей небесной справедливости деяния и обеспечивает в конечном счете исполнение предначертанного. Когда Ардашир узнает о случившемся, он не только принимает его как должное, но и радуется исполнению предсказания. Иными словами, мудрый и доблестный потомок древних царей ведет себя в данном случае как буйное, неразумное дитя. Так уже было однажды, когда он настаивал на непременной казни своей беременной жены, не думая о том, что престол может остаться без наследника (I, стр. 156—158, бейты 15—42).

Казалось бы Ардашир должен быть непременно наказан за свое упрямство, как были, например, наказаны Джамшид или Исфандияр. Но этого не происходит, поскольку небо возложило на Ардашира великую задачу. Если бы ему удалось разыскать и убить дочь Мехрака, тогда, надо полагать, царственный Фарр неминуемо покинул бы его, и он разделил бы судьбу Джамшида или Наузара. Но тогда погиб бы не только Ардашир, но и то великое дело, которое он призван был совершить, страна бы вновь оказалась свергнутой в пучину смуты и бедствий. Не происходит этого благодаря цепи случайностей, за которыми несомненно стоит, по логике легенды, промысел небесных сил.

Действительно, эти высшие силы, не дав Ардаширу совершить роковой поступок, постепенно и ненавязчиво подводят его к сознанию собственной неправоты. Так, они дают ему возможность остыть после первой вспышки гнева, вызванной словами Пророчателя, забыть о дочери Мехрака и только после этого сводят Шапура с последней, заставив его плениться ее красотой и силой; потом они дают возможность Шапуру скрывать маленького сына от деда до тех пор, пока Ардашир уже, надо полагать, окончательно не забывает о Мехраке и его семье, а его внук не достигает того возраста,⁶ когда дед уже может воочию убедиться в его достоинствах. И все происходит как бы случайно: просто дочь Мехрака спасается от Ардаширова гнева; староста деревни⁷ дает ей приют, по-прежнему чтя ее отца, своего

покойного сюзерена; Шапур случайно встречает ее у колодца, влюбляется и женится на ней, менее всего думая при этом о словах Прорицателя, а просто не имея склонности безоговорочно подчиняться отцовским капризам; наконец случайно Ормизд, сын Шапура убегает от бдительно охранявших его слуг отца, чтобы поиграть со сверстниками, а Ардашир случайно, возвращаясь с охоты, заворачивает на ту самую площадь, где играет в чоуган его пока еще неизвестный внук; и история с мячом, упавшим к ногам Ардашира, что дает возможность Ормизду проявить себя, происходит опять таки случайно. И вот через все эти случайности как раз и проявляется воля высших небесных сил, не дающих Ардаширу погубить себя и только что воссозданное Иранское царство, как бы он сам того ни желал.

Логически, однако, остается неясным, почему высшие силы проявляют столь трогательную заботу именно об Ардашире, тогда как Джемшида, Исфандияра и Дара, которые также происходили от царей, бросили в свое время на произвол судьбы, да и не их одних, а и все Иранское царство! Это противоречие более или менее разрешается, если вспомнить одну, обычную для всех разделов, частей и эпизодов "Шахнаме" деталь: роль гороскопа. Действительно, ни одно сколько-нибудь важное событие не происходит в поэме без того, чтобы его не предварило определенное расположение светил на небосводе, по которому прорицатели могут в общих чертах это событие предсказать. Что же оно значит, расположение светил? Позволю себе сделать предположение на счет глубинного смысла этого поверия. Как известно, по зороастрийским верованиям (я имею в виду ту форму зороастризма, которая легла в основу официальной религии Сасанидского государства) как Ормузд, так и Ахриман происходят от божества Вечного Времени (Зурвана),⁸ некоей персонифицированной или не вполне персонифицированной субстанции, которая, видимо, возвышается над ними обоими. И определяет успех того или другого. А расположение светил на небе изменчиво во времени, откуда, надо полагать, сасанидскими теологами и был сделан вывод о гороскопах, как свидетельствах того, кому в данный момент благоприятствует Зурван - добрым или злым силам. Ничто соответственно не может совершиться без соответствующего гороскопа, - в частности и возвышение Ардашира.

Трансформация понятий добра и зла в "Шахнаме" на примере сказания об Ардашире.

Читая сказание об Ардашире и сравнивая его со всеми предыдущими сказаниями о царях и героях, вошедшими в "Шахнаме", можно заметить, что Ардашир - праведный царь, защитник добра на Земле

ведет себя, мягко говоря, чрезвычайно жестоко. В частности, для него совершенно естественно не только убивать врагов, но и истреплять целиком семьи побежденных противников, в том числе женщин и детей, а также разорять их владения. Жестокость Ардашира бросается в глаза при сравнении его с некоторыми из его царственных предков, например, с добродетельным Кей-Хосровом. Вот каким кодексом чести руководствуется последний:

"Однажды один мобед совет мне дал:

Если увидишь врага, схваченного живым,

Не убивай его поспешно, без оглядки,

Ведь убить пленника можно всегда, когда пожелаешь.

А если он уже убит, вновь воскресить его

Кто и когда смог (бы) за всю жизнь долгую?!"

Кей-Хосров велит убить, не внемля мольбам о пощаде, лишь Афрасиаба, Гарсиваза и Гаруя - убийц его отца Сиявуша, сдавшихся же туранцев щадит, а Пирана, честного и благородного противника, павшего в бою, хоронит с честью. А Ардашир расправляется, например, не только с самим Мехраком, но и со всем его родом.⁹

По-разному относятся Кей-Хосров и Ардашир и к мирному населению. Первый приказывает своим воинам:

"(Будь то) земледелец, или ремесленник,

Никого, кто на сраженье с тобой не подпоясался,

Не должен ветер холодный коснуться,

Не сражайтесь ни с кем, кроме противников.

Второй же от этой заповеди весьма далек. Так, он отдает на разграбление своему войску и земли курдов, и владения Хафтвада (I, стр. 139, бейт 49I и стр. 154, бейт 766).

Не всегда порядочно ведет себя Ардашир и по отношению к своим воинам. После побед он неизменно щедро одаривает их добычей. Но после неудачного сражения с войском Червя, когда неприятель перерезал все дороги, и в лишенном провизии войске начался голод, Ардашир со своими приближенными устраивает роскошный пир, где на стол ставятся чаши с вином и жирная баранина. Можно вспомнить, что Александр Македонский во время трудного маневра, когда его войско страдало от жажды, отказался от воды, специально для него добытой (IV, стр. 427).

Бросается в глаза и другое: враги Ардашира не совершают особых злодеяний. Так Хафтвад, например, только убивает каджаранского князя, который первым посягает на его честь и имущество, но остается опять таки непонятым, казнил он князя, или тот пал в бою (I, стр. 142, бейт 55^а). Страшный Червь питается рисом, самой

что ни на есть вегетарианской едой.¹⁰ Но следует учитывать, что Хафтвад – узурпатор и вероотступник, и этого достаточно, чтобы поставить его в один ряд с людоедом Заххаком или вероломным убийцей Афрасиабом (I, стр. 148, бейты 66I–662; II, стр. 5I). Ардашир же совершает великое дело воссоздания Иранского царства, и те жестокости, которые он во имя этого великого дела творит, закономерны и оправданы с точки зрения высшей божественной справедливости. В тех же случаях, когда он, по неразумию, пытается совершить что-либо, противоречащее этой высшей справедливости, провидение немедленно удерживает его от подобного шага. Но по большей части Ардашир творит благие дела, а потому, очевидно, "благими" следует считать и большую часть совершаемых им жестокостей.

Таким образом, центральная идея "Шахнаме" и всего иранского эпоса к тому времени, когда Фирдоуси заканчивает рассказ о древних легендарных царях и героях и доходит до начала сасанидских времен, уже претерпевает значительную эволюцию. Понятия добра и зла уже фактически превращаются в абстракции, их, по сути дела, подменяет противопоставление "свои-враги". Подобная эволюция понятий добра и зла не удивительна, она весьма характерна для многих религиозных и идеологических систем разных времен и народов.

Здесь может возникнуть вопрос: какова же, все-таки, точка зрения самого Фирдоуси? На этот вопрос ответить трудно: возможно, он просто запечатлел, сам того не замечая, эволюцию представлений о сущности добра и зла, запечатленную в источниках, которыми он пользовался при написании поэмы. Впрочем, кое-что проясняет эпизод из другого ее раздела, где Кей-Хосров, победив Афрасиаба и достигнув вершины могущества, начинает опасаться, как бы ему не возгордиться и не стать тираном. Он молит Ормузда уберечь его от подобного греха, и тот через вестника своего Суруша дает ему указание ... готовиться к переходу в мир иной! Быть может, мы вправе предположить, что Фирдоуси с горечью констатирует: праведному и совестливому человеку не место на троне, безукоризненная добродетель несовместима с престолом, для которого куда более подходят государи типа Ардашира.

-
1. Основатель Сасанидского государства Ардашир I (226–243 гг.). Этот правитель, как и сасанидские цари Варахран У (Бахрам-Гур) и Хосров I Ануширван в наибольшей степени были освящены ореолом легенды.
  2. Об исторической основе этой легенды и об этимологии имени Хафтвад (Хафтобад) см.: В.Б.Хеннинг (библиография, У).

3. В поэме *فرسيان* ("фарр-и Кайан").
4. В "Карнамаке" лишь Ормузд, внук Ардашира, объединил всю Иранскую землю под единодержавием (ew-xwadayih, - П, с. 62-63), а в "Шахнаме" это удалось уже самому Ардаширу (I, с. 172, бейт 297).
5. Среднеперс. *ked i hindugan*, новоперс. *کد هندو*. Слово "ked" некоторые исследователи считают именем собственным. В "Шахнаме", в сказании об Искандере (Алекса́ндре Македонском) - собственное имя индийского царя (II, с. 102; I, с. 12, бейт 104).
7. В "Шахнаме" *مهرت نامه* (I, с. 66, бейты 196-199), в "Карнамаке" просто земледелец (*warzigar*, - П, с. 59).
6. 7 лет. Это число - одно из часто повторяющихся в иранском эпосе. Так "7 царств" - олицетворение великодержавия. У Хафтвада и у Мехрака по семь детей, семь лет исполняется Шапуру, когда его представляют отцу и столько же - Ормузду, когда происходит его знакомство с дедом.
8. Культ этого божества существовал еще до возникновения зороастризма, как и культ многих других божеств, вошедших в зороастрийский пантеон (например Митры и Анахиты).
9. В "Шахнаме" Ардашир, победив Мехрака, сразу же истребляет весь его род, а в "Карнамаке" - только после слов Прорицателя (I, с. 148, бейт 692; П, с. 81).
10. В "Карнамаке" Червь питается все же кровью, но не людей, а только животных (П, с. 53).

Список использованной литературы

- I. Фирдоуси. "Шахнаме". Критический текст, составитель М.-Н.О. Османов, под редакцией А.Нушина. Т. 7. М., 1968.
- II. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, перевод со среднеперсидского, комментарий и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.
- III. В.Г.Луконин. "Культура сасанидского Ирана. Иран в III-V вв." М., 1969.
- IV. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 2. М., 1963.
- V. W.B.Henning. "Ein persischer Titel im Altaramäischen". Acta Iranica 15. 10-m série. Leiden, 1977.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА МОРИ ОГАЙ

Один из самых значительных писателей нового времени Мори Огай (1862–1922) в последнее десятилетие своего творчества писал по преимуществу на исторические сюжеты. Первоначальным толчком, который побудил его обратиться к этой тематике, послужила смерть императора Мэйдзи (1912 г.). В день похорон императора генерал Ноги Марэскэ, под началом которого Огай (будучи по образованию и роду деятельности военным врачом) служил в русско-японскую войну, совершил ритуальное самоубийство. Эта акция в духе старинных самурайских заповедей "кодекса воина" (бусидо) произвела на Огай глубокое впечатление.

Всего за сутки он написал тогда повесть "Посмертное письмо Окицу Ягоэмона" (Окицу Ягоэмон-но исё, 1912) – историю самурая, который в XIII в. "ушел вслед" за своим почившим сюзереном – князем Хосокава. Перед тем, как совершить харакири, Окицу Ягоэмон составляет письмо – завещание сыну, внукам и правнукам с честью служить их древнему роду. В декорациях токугавского средневековья Огай как бы проигрывал драму ритуала совершенного несколько дней назад.

Большинство дальнейших исторических сюжетов почерпнуто из эпохи позднего феодализма (Токугава), когда складывались устои, продолжавшие воздействовать и на современников Огай. Внимание автора сосредоточено на обычаях и нравах самурайского сословия, из которого он, кстати, происходил сам.

В повести "Семейство Абэ" (Абэ итидзоку, 1913) умирает владетельный князь-даймё и "вслед за ним" уходят из жизни восемнадцать его вассалов. Как предписывал кодекс чести, они, скрывая свои страдания, с улыбкой вспарывали себе животы.

Откровенно восхищаясь их незаурядным мужеством, Огай вместе с тем проявляет и критическое отношение к морали "бусидо". Внимательное чтение повести убеждает читателя, что жестокому "кодексу чести" люди следовали вынужденно, иного выхода в существовавших тогда условиях у них не было.

В трагическом свете предстает судьбы японских воинов из повести "Инцидент в Сакаи" (Сакаи дзикэн, 1914). Моряки с французского судна бесчинствовали в портовом городке Сакаи, в стычке с местным отрядом охранения среди них оказались убитые. Претензии французского консула вынудили японские власти приговорить двад-

цать своих солдат к публичному совершению харакири. Огай показывает трансформацию "бусидо" по мере приближения к новому времени. Во второй половине XIX в., когда происходит действие "Инцидента в Сакаи", отношение к "долгу смерти" уже явно иное. Тех, кому по стечению обстоятельств удалось избежать этой злой участи, уже никто не осуждает, напротив, за них радуются.

Таким образом, в начале нынешнего века, когда официальная пропаганда империалистической Японии, подогревая чувства лояльности и патриотизма, реанимировала ценности морали "бусидо", Огай ставит под сомнение ее универсальность, показывая ее жестокость, неоправданность человеческих потерь.

Особое место в исторической прозе Огай занимают биографии средневековых ученых. Такова биографическая повесть "Госпожа Ясуи" (Ясуи Фудзин, 1915), посвященная ученому-конфуцианцу Ясуи Соккэн (Тухэй, 1799-1876) и его жене. Путь Соккэна прослеживается от его детства в деревенской глуши и до блестящего положения советника при дворе сёгуна - верховного военного правителя страны.

Госпожа Ясуи - красавица Осаё исполняла свою роль спутницы ученого с великой самоотдачей. В ее лице Огай представил свое понимание женского идеала. Осаё с достоинством переносила все невзгоды и ничего не требовала для себя. До той поры, когда муж достиг высокого положения и получил роскошный особняк с "башней для любования луной", она не дождалась. Но все ее существование как бы озарялось далекой целью, которую, пишет автор, она и сама вряд ли могла бы определить словами.

Вершиной исторической прозы Огай единодушно признана трилогия об ученых-энциклопедистах периода Эдо. Эти книги названы по собственным именам героев: "Сибуэ Тусай" (1916), "Идзава Ранкэн" (1917), "Ходзё Катэй" (1918). Они построены на строго документальной основе и вместе с тем в них вложена исповедь самого автора, его раздумья над смыслом жизни. Своеобразие стилистической манеры этих произведений состоит в том, что параллельно с жизнью героев Огай подробно освещает процесс собственной работы над их биографиями, т.е. он как бы обнажает свою творческую мастерскую.

Внимательно прослеживаются судьбы наследников эдоских ученых - их детей, близких и дальних родственников, их учеников. Восприятие истории как непрерывной цепи поколений характерно для всего творчества писателя. Современность для него всегда логически вытекала из прошлого.

Проза Мори Огай - не легкое чтение, причем, не только для иностранцев, но и для сегодняшнего поколения японцев. Она насыщена

исчезнувшими из быта реалиями, датами в старинном летосчислении, званиями и чинами, канувшими в Лету. Не случайно без обширных комментариев не обходится ни одно из современных переизданий писателя у него на родине.

Как этические, так и эстетические взгляды Огая покоятся на глубоко национальной традиции. Красота занимает почетное место на страницах его произведений. Так, в повести "Посмертное письмо Окицу Ягоэмон" два самурая смертельно поссорились из-за того, что один обвинил другого в непонимании ценности чайной церемонии. Это священное действо, похожее на религиозную службу или на медленный танец, достигло расцвета именно в период ожесточенных феодальных междоусобиц. В тишине и изысканной обстановке чайных павильонов отдыхала душа воина, опаленного битвами.

Завязка "Госпожи Ясуи" происходит во время подготовки к празднику девочек (хинамацури). Этот день отмечается ежегодно 3-го марта и ассоциируется с наступлением весны. Все традиционные элементы, сопутствующие этому торжеству, присутствуют в рассказе. Сестры-невесты украшают дом специальным набором кукол, гостья дарит им веточку только что расцветшего персикового дерева; сваху угощают рисовым вином-сакэ, чашечку которого непременно полагается испить по случаю "хинамацури".

Оба аспекта – эстетический и нравственный неразрывно сплетаются в сцене из "Семейства Абэ", когда на похоронах князя-даймё пара его любимых охотничьих соколов стремглав влетает в колодец и погибает в водной пучине. Подобно верным вассалам князя, соколы добровольно уходят за своим господином в небытие. Красота их поступка подчеркивается выразительной для японского глаза деталью: над колодцем расцветает развесистое деревце столь глубоко почитаемой японцами вишни-сакура.

Завершаются произведения Огая обычно на тихой, примирительной ноте. Наиболее типичны эпилоги, где прослеживается судьба рода героев – его наследники и потомки. Поток бытия – при всех его печалях – продолжается, – как бы говорит писатель, и это прекрасно. Такова была философическая мудрость Огая, его читатель проникается созерцательным настроением, подобно зрителю старинного спектакля Но.

Огай четыре года (1885–89) стажировался в университетах Германии. Он перевел многих европейских авторов, – среди опубликованного им впервые на японском языке такие шедевры мировой классики как "Фауст" Гёте, пьесы Лессинга и Г.Ибсена, рассказы и повести Д.Толстого, И.Тургенева, Ф.Достоевского... Сопоставительное изу-

чение отечественного и зарубежного наследия выработало в нем всеобъемлющий взгляд на культуру человечества. Его творчество передает ощущение единства, но и разницы двух миров – Востока и Запада. Как художник он остался глубоко национальным, чем и представляет особенную ценность для мирового сообщества. Его произведения высвечивают свою, никем до него не показанную сферу человеческого бытия. Вместе с тем они показывают, что ничто человеческое не чуждо людям и на другом конце планеты. Огай вписал свою, неповторимую страницу в сокровищницу мировой литературы.

Глубокое постижение жизни, помноженное на бесспорное художественное мастерство, создали ему заслуженную славу писателя-красника. Время не снижает к нему интереса. Писатель переиздается, изучается, переводится на иностранные языки – китайский, английский, немецкий, русский.

Е.Ю.Кнорзова

"ЗАПИСКИ О ПРОГУЛКЕ К ГОРЕ ФАТТИТЬ" КАК ОБРАЗЕЦ ВЬЕТНАМСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ДНЕВНИКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дневники были распространенным жанром в традиционных литературах дальневосточного культурного региона, но до сих пор их исследованию не уделено должного внимания. Так, детально изучена В.Н.Гореглядом японская дневниковая литература X–XIV вв. /4; 5/. По китайским дневникам XI и XII в. Е.А.Серебряковым сделаны две публикации /8; 9/.

Вьетнамская дневниковая литература до сих пор не исследована ни советскими, ни зарубежными учеными. Единственной работой, посвященной этой теме, является откомментированный перевод на французский язык одного из наиболее известных памятников вьетнамской дневниковой литературы – "Записей о путешествии в столицу" Ле Хью Чака (XIII в.) /1/.

Одной из распространенных разновидностей дневниковой литературы были путевые заметки. Особенности вьетнамских дневников этого типа я предлагаю рассмотреть на примере "Записок о прогулке к горе Фаттить", которые включены в сочинение, близкое по типу китайским "бицзи" и корейским "пхэсоль" – "Записки о том, как тутовые посадки превращаются в синее море". Авторами этого сочинения, написанного на ханване (вьетнамский вариант китайского литературного языка вэньяня) в начале XIX в. являются Фам Динь Хо и Нгуен

Ан. "Записки о прогулке к горе Фаттить" помечены псевдонимом Фам Динь Хо.

Фам Динь Хо (1768–1839 гг.), известный вьетнамский писатель и ученый, происходил из семьи образованных ученых-конфуцианцев, успешно сдал три первых испытания на провинциальных экзаменах. Однако обстановка в стране изменилась, началось движение Тэйшонов (1771–1802 гг.), и в 1789 г. императорская династия Ле^I прекратила свое существование. Эти бурные события повлияли на судьбу Фам Динь Хо. Впоследствии он вспоминал: "Начиная с года кизау под девизом Тиеутхонг (1789 г. – Е.К.) я вынужден был зарабатывать себе на жизнь скитаясь по разным местам. Так продолжалось долго, и только в год диньтин (1797 г. – Е.К.) я вернулся к себе в деревню..." /3, 12/. Фам Динь Хо много странствовал, побывал в различных уголках своей родины, часто в сопровождении друзей. В это время (1796 г.) он и посетил гору Фаттить, описав впечатления в путевых заметках.

Путевые заметки по объему небольшие – пять листов ксилографа. Они составлены Фам Динь Хо сразу же после возвращения – в 15 день третьей луны 1796 г. – т.е. автор записал свои впечатления не во время поездки, а после возвращения – по воспоминаниям.

Путешествие носило развлекательный характер и не преследовало никакие практические, деловые цели.

Гора Фаттить, находящаяся недалеко от Тханглонга (совр. Ханной), известна своими достопримечательностями. Это было традиционное место прогулок, здесь поэты искали вдохновения. Кроме того, в некоторых рассказах о необычайном иногда действие происходит на горе Фаттить. Многие достопримечательности здесь связаны с буддизмом, например с именем буддийского монаха Ты Дао Ханя (?–III7 г.), который прославился как искусный чародей. Здесь он жил в уединении в маленькой пагоде, а в пещере Тхан хранятся следы его чудесных деяний.

Путевые заметки Фам Динь Хо, в основном, записаны по определенной схеме, связанной с временными и пространственными координатами.

В дневнике точно указано объективное время, день, луна, год начала путешествия. Время измеряется мелкими единицами, ряд событий соотнесен с определенными часами. Встречаются и временные пометки более общего характера: "на следующее утро", "поздно вечером".

Материал дневника дает основание предположить, что личное время не стоит на первом плане. Фам Динь Хо фиксирует, как прави-

до, время, связанное с его основными перемещениями. Например, так описан второй день путешествия с точки зрения временных координат: "На следующее утро господин Тянь Туи поднялся на пик Хамлонг. ... В час ты (9-11 ч. - Е.К.) миновали мост Нгуэйтиен, взобрали по ступеням, поднимались на гору. ... В час нго (11 ч. - 13 ч. - Е.К.) поднялись и проходили через горную вершину Тхиентхи. ... В час муи (13 ч. - 15 ч. - Е.К.) спустились по северному склону горы в пагоду Фуклам. ... В час тхан (15 ч. - 17 ч. - Е.К.) увлек господина Тянь Туи и господина Чан Ван Ти устроить пирушку на мосту Няйтиен. ... Поздно вечером поворачиваем и возвращаемся обратно к временному пристанищу." /2, цз. 29а-30в/.

Эмоциональную оценку излагаемого Фам Динь Хо приводит довольно редко. Очевидно поэтому нет и обращений к строкам известных поэтов, стихотворных вставок, которые как раз и подчеркивают субъективный момент - личную оценку того, что описывается.

Даны в "Записках о прогулке к горе Фаттить" и пространственные координаты.

Пространственные пометы связаны с упоминанием реальных деревьев, гор, храмов, пещер, и т.д. При этом, называя реальную местность, Фам Динь Хо обычно дает ее описание и рассказывает о передвижении от одной местности к другой. Упоминание географических пунктов дает возможности проследить все его путешествие по карте.

Что же касается характеристик направления движения, то, как и в ряде японских дневников, присутствуют "большой круг" - движение к постоянному месту жительства персонажа, и "малый круг" - возвратное движение к временному исходному пункту /4, 287/. Исходным пунктом путешествия Фам Динь Хо и его друзей является столица, и там же оно и заканчивается. Временным же пристанищем служит храм госпожи Нгуен, куда герои возвращаются после осмотра окрестных достопримечательностей.

Основным моментом, организующим материал дневника, является время. Пространственные координаты вторичны, они группируют сообщения уже внутри временных помет. Обратимся, например, к описанию начала путешествия: "В 12 день третьей луны года биньтхин² вместе с досточтимыми Нгуен Нгуеу Минем, Чан Ван Ти, Нгуен Куе Нямом, Хо Си До отправился посетить гору Фаттить. В час мао³ вышли из столичных ворот.⁴ В час нго⁵ остановились в Кимтхиа.⁶ У обочины дороги находилась пагода с колокольной башней, с которой можно смотреть издали на гору Фаттить. Поднялись на башню, посмотрели вдаль на запад, до чего же цвет горы зеленый! Перебрались через реку Дакшо, миновали Тхуйкхуе,⁷ остановились в Куокоае⁸ в храме

госпожи Нгуен. Госпожа была младшей сестрой супруги Минь вьонга⁹ Она ушла в монахини и привела в порядок все пагоды в Тхиенфуке.¹⁰ Местные жители приносят ей жертвы. Храм прилегает к горе. Гора граничит с двумя уездами - Тхиенфук и Тхуйкхуе.¹¹ В исторических сочинениях ее называют горой Тхатътхат, в народе - горой Тхай. Во времена Ли¹² Ты Дао Хань¹³ постиг здесь дао. Слева на горе высится пик Хамлонг. Он зубчатый и изогнутый. Его окружает озеро Лонг. К горному пику примыкает холм. Здесь находится центральное строение пагоды Тхинфук.¹⁴ Оно расположено около воды. Его построил чаньский наставник. Одно помещение имеет две крытые галереи, архитектура очень древняя. В середине приносят подношения Будде,¹⁵ слева - истинному телу чаньского наставника,¹⁶ справа - императорскому облику Ли Тхан тонга.¹⁷ Перед императорским обликом стоят журавли небожителей, напротив - тямпские силачи,¹⁸ каждого вида по две фигуры. Они сделаны в период правления под девизом Виньху¹⁹ по высочайшему повелению. Рассказывают, что император Тхан тонг²⁰ минувшей династии²¹ - это последующее перерождение Ли Тхан тонга.²² Два боковых помещения пагоды располагаются по обе стороны озера. На них опираются два моста. Слева мост Нуттиен, он сообщается с храмом Тамфу, расположенным на острове в центре озера. Справа мост Нгуеттиен, который упирается в правый склон горы. В час зау²³ поднялись к пагоде Тхиенфук. Монах, охраняющий пагоду, по имени Тить Кхием, приглашает нас поговорить. Тить Кхием уроженец Тхиенфука, его речь отличается поэтичностью. В час туат²⁴ вернулись в храм госпожи Нгуен". /2, цз. I, 28а-29в/.

Указав точную дату начала событий - своего путешествия к горе Фаттить (год, луна, день), Фам Динь Хо далее расписывает первый день по часам, т.е. каждая новая группа сообщений начинается с пометки часа. Таких пометок четыре: с часа мао (5 ч. - 7 ч) до часа туат (19 ч. - 21 ч.). К каждой временной помете присоединяется цепь событий.

Автор, указав время, иногда как бы забывает о нем и далее строит повествование, ориентируясь на пространственные пункты. Например, пометив отправную точку времени (час нго - II ч. - 15 ч.), Фам Динь Хо строит рассказ только в соответствии со своими помещениями, но затем снова возвращается к временным координатам (час зау - I7 ч. - 19 ч.). В этом временном промежутке автор останавливает свое внимание на четырех пунктах - это деревня Кимтхиа, где находится пагода с колокольной башней; река Дакшо; деревня Тхуйкхуе; храм госпожи Нгуен в области Куокоай.

Тема храма госпожи Нгуен, например, порождает три круга со-

общений: первый соотнесен с биографией госпожи Нгуен, второй касается горы, к которой прилегает храм, а в третьем речь идет о пагоде Тхиенфук, находящейся на холме у горы. Первое и второе звенья непосредственно связаны с исходной точкой – храмом госпожи Нгуен, а третье звено присоединено уже ко второму.

Такие принципы пространственной связи материала сохраняются внутри всех путевых заметок Фам Динь Хо: некоторые циклы сообщений присоединяются непосредственно к исходной географической точке, а другие соединяются друг с другом подобно цепочке, когда каждый последующий зацепляется за какую-нибудь деталь предыдущего.

Сведения, входящие в циклы сообщений, различны. Это могут быть заметки о времяпрепровождении Фам Динь Хо и его друзей: "Хо Си До выпустил более ста с лишним разноцветных петард, дровосеки и пастухи оглядывались и изумлялись. Вернувшись к пещере Фаттить, Тянь Туй и Чан Ван Ти стали вместе пить вино. Три-четыре горных обезьяны пробежали по верхушкам деревьев, по коньку крыши храма. Си До и Кье Ням хлопнули в ладоши, засмеялись. Ущелье отозвалось эхом". /2, цз. I, 30а/.

В путевые заметки включены и предания. Например, оказавшись в деревне Ванкань на третий день путешествия, Фам Динь Хо остановился на ночлег в доме своего двоюродного брата, который поведал ему о потустороннем мире, куда можно попасть через пещеру Тханкок: "В ущелье темно, не отличишь день от ночи. Освещаешь дорогу и идешь. Примерно два-три дня все еще слышны наверху на земле пение петухов и лай собак. Если долго идти, то обстановка становится иной, необычной. Во впадине, наполненной водой, навалены груды костей. Повсюду свисают сталактиты, дорога опасна, невиданна. Всем людям приходится ползти по-звериному. Стоят камни в форме лежанки, скамейки, вешалки для одежды, не разберешься в них и за один-два дня. У дороги река, цвет ее напоминает индиго. Старый почтенный кормчий держит шест, ждет в лодке желающих переправится через реку. На другом берегу естественный неясный свет. Торговые ряды, обитатели, товары, повозки не отличаются от человеческих. Если спросить об этом у почтенного кормчего, он скажет: "Это рынок в потустороннем мире". Один наставник пошел по каменной тропинке вперед, Некий старик сказал ему, что надо вернуться. Наставник не согласился. Змея, большая, словно плетенка для зерна, прегрдила дорогу назад. Тогда он вернулся. Когда вышел из пещеры, то оказалось, что уже прошел целый месяц да еще два дня". /2, цз. I, 31в-32а/.

Очевидно не случайно предание входит в путевые записки как

рассказ одного из персонажей. Это традиционно для дневниковой литературы стран дальневосточного культурного региона: предания включаются в виде рассказов, снов.

С временной пометой может быть связано и вполне реальное описание особенностей местности, в которой оказались путешественники: "В час ти²⁵ с горы Хоафат поднялись на гору Фьонгхоанг. Гора похожа на склонившуюся вниз большую птицу. В середине открывается каменная пещера, в ней хранятся буддийские статуи. В горах туман, ветер свистит. Одежда путешественников вся пропитывается влагой ..." /2, цз. I, 31а/.

Е.А.Серебряков обращает внимание на тесную связь путевого дневника "Поездка в Шу" (автор Лу Ю, XII в.) с историческими и географическими сочинениями /8, I27/. С исторической и географической литературой можно отметить сходство и вьетнамских путевых заметок.

Принцип распределения материала в дневнике по временным отрезкам напоминает структуру исторического сочинения, где также самые разнородные сведения объединяются пометой времени. Однако, в отличие от исторических сочинений, Фам Динь Хо излагает события, следуя естественной смене впечатлений во время путешествия. Он и сам замечает в конце своего дневника: "Краткие сведения о горе написаны бессвязно - как говорится, то, что коснулось моих ушей, то, что попало мне на глаза. Но и это не бесполезно". /2, цз. I, 32а/. В основе такого видения мира, вероятно, лежали традиционные дальневосточные представления, на которые оказали значительное влияние буддийские и даосские взгляды. По словам Т.Григорьевой "писатели выступали как посредники вещей: "вещи" говорят сами за себя, писатель их орган говорения. Не я рассказываю о мире, а мир через меня себя выражает..." /6; I84/. Так, корейский поэт и прозаик Ли Гюбо (XII в.) писал в "Записках по дням и лунам о странствии к югу":²⁶ "Везде, где ступала нога моего коня, при встрече с тем, что поражало слух и изумляло зрение, фиксировал его либо в стихах, либо в прозе для того, чтобы впоследствии вникнуть во все это". /7, I/.

В заключение отметим, что "Записки о прогулке к горе Фаттить" создавались не как памятные заметки для самого автора, а в расчете на читателя. Очевидно не случайно Фам Динь Хо писал по поводу сомнительных сведений: "Привожу здесь это в расчете на знающих людей" /2, цз. I, 29а/, т.е. на тех, кто прочтет его записки.

---

1. Династия Ле правила в 1428-1789 гг.

2. Год биньтхин - 1796 г.

3. Час маф - 5 ч. - 7 ч.
4. Имеется в виду Тханглонг (современный Ханой)
5. Час нго - II ч. - I3 ч.
6. Кимтхиа - деревня уезда Данфыонг провинции Шонтэй.
7. Тхуйкхуе - деревня уезда Иеншон провинции Шонтэй.
8. Куокоай - область провинции Шонтэй.
9. Минь до вьонг - правитель Чинь Зоань (I740-I767 гг.).
10. Тхиенфук - деревня уезда Иеншон провинции Шонтэй.
11. Уезды Тхиенфук и Тхуйкхуе относятся к провинции Шонтэй.
12. Династия Ли правила в IOIO-I225 гг.
13. Ты Дао Хань - буддийский монах, реальная историческая личность.
14. Другие названия пагоды Тхиенфук: пагода Фаттить, Сайшон, Ка. Строилась начиная с XI в. Первоначально это был маленький скит, служивший местом уединения Ты Дао Ханя.
15. Согласно современным описаниям, в центральной части пагоды Тхиенфук находится статуя Ты Дао Ханя, ставшего буддой.
16. Истинное тело (кит. чжэнь шэнь) - это, согласно концепциям буддизма, высшее, вечное тело, не подверженное ни рождению ни смерти, т.е. сущность. Что же касается человеческого тела и тел всего живого, то это ложные тела, т.е. проявления сущностей. Средневековые прозаические собрания сообщают, что в левом приделе пагоды Тхиенфук помещалась статуя Ты Дао Ханя, вылепленная из золы и пепла, собранного при сожжении мощей праведника, длительное время остававшимися нетленными. Согласно современному описанию, в левой части пагоды находится статуя Ты Дао Ханя, сделанная из сандалового дерева с подвижными сочленениями.
17. Ли Тхан тонг правил в I128-I138 гг.
18. Большие каменные фигуры (духов) - стражей, дородных, с глубоко посаженными глазами, стоящих, например, у могил вьетнамских полководцев, отличившихся в войнах с тямями, созданы, по мнению ряда исследователей (Чан Ван Ти, А.Парментье и др.) под влиянием тямского искусства.
19. Виньхью - I735-I740 гг. - девиз правления императора Ле И Тонга.
20. Имеется в виду император Ле Тхан тонг (I619-I643 гг., I649-I662 гг.).
21. Имеется в виду династия Ле - I428-I789 гг.
22. Император Ли Тхан тонг правил в I128-I138 гг.
23. Час зау - I7-I9 ч.
24. Час туат - I9 ч. - 2I ч.

25. Части - 9 ч. - II ч.

26. Приношу глубокую благодарность Л.В.Ждановой за предоставленную рукопись перевода сочинения.

Источники и литература

1. Lan Ong. Thu' o' ng kinh ky' su'. - Traduit et annotation par Nauyên Tran Huan. Paris, 1972.
2. Фам Динь Хо. Сан цан оу лу. Ксер. ксил. 1896 г.
3. Phạm Đình Hổ? Vũ trung tùy bút. Hà Nội, 1960.
4. В.Н.Горегляд. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975.
5. В.Н.Горегляд. Путевые заметки в японской литературе XIII - начала XIV вв. - В сб. Теория жанров литератур Востока. М., 1985.
6. Т.Григорьева. Читая Кавабата Ясунари. - Ин.лит., № 8, 1971.
7. Ли Губо, Записки по дням и лунам о странствии к югу. Пер. Л.В. Ждановой, рукопись.
8. Е.А.Серебряков. Лу Ю и его путевой дневник. "Поездка у Шу". - Поездка в Шу. Л., 1968.
9. Е.А.Серебряков. Путевой дневник "Юи чжи" известного сунского литератора Оуянсю (1007-1072 гг.). - Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1973.

С.Л.Невелева

ПРИРОДНАЯ ЗАРИСОВКА В "МАХАБХАРАТЕ" (типовой мотив-"описание")

"Для индивида уничтожение есть страдание и зло. В общем же строе мира, т.е. вне человеческой жизни, это ни добро, ни зло, а благо, ибо таков закон жизни. Хаос у Тютчева, как и у древних греков, есть высший закон мира, которым и движется жизнь. Без уничтожения жизни не было бы, как не было бы ее и без рождения".

Письмо П.А.Флоренского. 1935 г., II авг., Соловки. - "Наше наследие", 1989, № 3.

Природа в поэзии служит своего рода экраном, на который про-

ецируется мир человеческих чувств. Отличие устно-фольклорного эпоса от собственно литературных жанров заключается, очевидно, прежде всего в меньшей отчетливости психологизма природных описаний. Приемы изобразительности в эпосе носят традиционный характер, отвечая особенностям жанра, в основе эстетики которого лежит идеализирующая типизация действительности. Природная зарисовка в эпосе строго функциональна: она выявляет обстановку действия и отвечает, — часто весьма опосредованно, через глубинный подтекст, — психологическому состоянию героев, вызывая у слушателей определенную эстетическую реакцию. Помимо того, развернутому описанию природы, как и другого объекта, в силу "узловой" его локализации, — на стыке сюжетных ходов, — свойственна и мнемо-техническая функция. Подробное описание позволяет сказителю, замедляя темп сказа, переключиться с напряженной динамики сюжета на образы, в основном, зрительного ряда.

Ц е л ь ю предпринятого анализа является установление семантики композиционной связи между эпическими типовыми мотивами в подтверждение понимания поэтики отдельного текста как конкретного варианта поэтики жанра в совокупности ее общих и особенных черт. Анализ осуществляется по двум линиям: 1) содержание текста в связи с его композиционным положением и 2) поэтическая форма фрагмента. Есть основания предполагать, что изучение формально-содержательных параметров художественного текста способствует обнаружению "дешифрующего кода" поэзии, понимаемой как сообщение.¹ В качестве исследуемого материала избран фрагмент, которым открывается в книге "Лесной" "Сказание о беседах Маркандеи", *mārkandeya saṁāsyaṅarva* (Мбх. Ш. гл. 179-221).² Анализ фрагмента необходимо предпослать п р е д в а р и т е л ь н ы е з а м е ч а н и я.

1. Парван — термин композиции Махабхараты, обозначающий как книгу эпоса в целом, так и крупный композиционный раздел внутри нее, "сказание". В природном контексте это астрономический термин: "время перемены луны", т.е. ночь новолуния или же, как в данном случае, полнолуния. Названия книг и разделов эпоса лишены переносного смысла, т.е. прямо указывают на центральное событие и/или на главного героя, но при рассмотрении содержания каждой из композиционных единиц текста необходимо учитывать оба значения термина "парван". Другой термин *saṁāsya* "беседа", производный от *vaṁ + va* "сидеть вокруг или вместе с кем-либо", сопоставим по смыслу с термином *upa-ni + śad* "упанишада", который обозначает эзотерическое учение, "тайное знание", передаваемое изустно учителем своим ученикам. Эти соображения должны быть учтены при ин-

терпретации "Бесед Маркандей", в которых излагается брахманское учение о мире.³ Естественно, не может быть и речи о механическом "внедрении" философского жанра в рамки принципиально иного, эпического. Можно говорить лишь о сопряженности мировоззренчески значимой тематики и общей структуры бесед Махабхараты с устной традицией передачи священного знания от наставника к ученику. Возможно, однако, воздействие важнейшего для индийской древности способа трансляции культуры на формирование конкретного вида речевых коммуникаций эпоса, а именно – беседы героя со святым мудрецом-риши.⁴

2. Природная зарисовка на тему сменяющихся сезонов жары, дождей и осени вводится еще до начала собственно беседы героя и риши. Следуя теории Б.Н.Путилова о композиции эпического текста как последовательности типовых мотивов,⁵ данное описание природы следует рассматривать как вариант мотива-"описание" в составе мотива-"ситуация". Очевидна семантическая насыщенность последнего: в частности, именно этим мотивом задаются пространственно-временные координаты сюжета. Теория Б.Н.Путилова указывает на взаимообусловленность типовых мотивов: за мотивом-"ситуация" следует обычно мотив-"речь" и далее – спровоцированные речью перемещение и действие.

3. Помимо композиционной связи между описанием сезонов и развертываемым далее, в "Беседах Маркандей", содержанием существует также и семантическая связь: идея цикличности календарного времени получает отражение в космологическом учении, построенном на циклических представлениях об эволюции мира (Мбх. Ш, гл. 185-188). Семантика природной зарисовки позволяет соотнести ее с мифом "вечного возвращения" (М.Элиаде), центральным для картины мира в Махабхарате.⁶ Трехсоставность описания, – каждому из сезонов принадлежит отдельный содержательный блок, – отвечает триединству главной идеи учения: "жизнь – смерть – жизнь". Вселенский пожар, испепеляющий все живое и неживое (конец космического "сезона жары") гасится потопом ("сезон дождей"), содержащим в своей очистительности залог возрождения жизни ("осень"), которое с непреложностью наступает по завершении мировой катастрофы. Раннеиндуистская эсхатология неразрывно связана, таким образом, с космогенезом как звенья единого космологического цикла. Судя по пропорциям природного описания, здесь выделяется бином "смерть – жизнь". На гибельность жары указывается лишь косвенно, подчеркивается благо ее конца (I79.I,6). Центр тяжести в зарисовке приходится на два соответствующих главным космогенетическим идеям се-

зона - дождей (Ш. I79. I-9) и осени (I79. IO- I6).

I

Анализ содержания избранного фрагмента подтверждает глубину семантических связей между этим природным описанием и последующим рассказом о космической катастрофе, пралае.

1. В строфе I79.2 значение "туча" передано редко используемым (что само по себе настораживает) словом *balāhaka*, которое обозначает, в частности, одну из семи туч, появляющихся в начале пралаи. Да и шлока в целом дает почти универсальную картину потопы: *chādayanto mahāghoṣāḥ khaṁ diṣaṣ ca balāhakāḥ | pravavarṣur divārātram asitāḥ satataṁ tadā ||* "Обволакивающие, многошумные, небо и стороны света тучи дождь изливали денно и ночью, темные, непрестанно тогда".

2. В шлоке I79.5 описывается всеобщая нивелированность земного рельефа, - такова также одна из типологических черт изображения всемирного потопы: *na sma prajñāyate kiñcid ambhasā samavastṛte | samam vā viṣamam vāpi nadyo vā sthāvarāṇi vā ||* "Нельзя было разобрать в [мире] водю покрытом: ровное то место или неровность, реки или же горы". Искусственная выравненность земной поверхности сплошной водной гладью, скрывающей все многообразие рельефа, как признак омертвения мира, в эсхатологических контекстах Махабхараты разрастается до размеров негативного выравнивания социальных отношений: "единая пища", "единая варна", псевдоравенство, проявляющееся в неуважении младшими старших, женою - мужа и т.п.

3. Показательны различия в тональности описания двух сезонов. Дожди - время, "всему живому благо несущее" (I79. I), когда оживают звери и птицы (I79. 4,8), появляется молодая трава (I79.4), прорастает даже сухостой (I79. IO), несутся бурные потоки (I79.6). Особо отмечено разнообразие обликов (*bahuvīdhakara* I79. :), свойственное времени дождей. Как известно, в эстетике "многоформность" сочетается с представлениями о богатстве жизнедеятельности, тогда как единоеобразие, монотонность - с безжизненностью, мертвенностью. Из столкновения этих противоположных начал (ср. выше I79.5) и рождается тревожная красота времени дождей. Осень же тем более пора изобилия, "журавлей и гусей стаями полная" (I79. IO), "зверьем и птицей обильная" (I79. II), это пора ясности, прохлады и покоя (I79. IO- I3): "с ясными водами рек плавнотекущих" (I79. IO), "на чистом небе со звездами" (I79. II), "с успокоенной пылью ночами,

от воду дающих [облаков] прохладными, ... луной озаряемыми" (I79. I2), "с белыми лотосами и белыми лилиями, прохладную воду несущими, благодатными реками и лotosовыми озерами" (I79. I3). "Белое", "светлое", "ясное", "чистое" и "прохладное" в пронизанной мифоритуальными аллюзиями древнеиндийской поэтике связано с благом и жизнью.⁸ Противопоставление тревожности времени дождей спокойствию осени поддерживается метонимией: *aṣugā* "быстролетящие" вместо "стрелы" в сравнении с ними бурных потоков во время муссона (I79.6) и *niṣṇagā* "плавнотекущие" вместо "реки" осенью (I79. I0). Тревожное оживление природы в сезон дождей сменяется светлой радостью (*harṣa* - I79. I4, *muṣṭidire* < *mud* - I79. I5), умиротворением, - таков эмоциональный переход от описания одного сезона к другому. Необходимо отметить, что сходные чувства заложены в изображении Махабхаратой потопа-пралаи и последующего возрождения мира: тревожная, правда, с ярким оттенком гибельности красота пралаи (см., например, Ш. I86.65-72) и затем - глубокий покой вновь начинающейся жизни.

4. Центральный образ данной природной зарисовки - вода: падающая на землю из туч, льющаяся ливнем в сезон дождей, наполняющая потоки, реки, озера, служащая для ритуальных омовений паломников в тиртхе Сарасвати (I79.2, 4-7, 9, I0, I3, I5). Упомянуты водяные птицы - гуси и журавли (I79. I0), а также чатаки, павлины и коилы (I79.8), образы которых, особенно в классической поэзии, символизируют радость по случаю прихода дождя. Оводы и змеи (I79.4) также тесно связаны с водой, как и лягушки, раздувающиеся во время пения (I79.8). Даже флора в анализируемом фрагменте сугубо "околоводна": это кадамба, дикий рис (I79. I4), молодая трава (I79.4), лотосы и лилии (I79. I3). Большинство упомянутых образов, включая ассоциированность луны с водой (I79. I2), широко распространено как универсалии в древней поэзии мира. Обилие "водных образов" явно перекликается с картиной вселенского потопа в последующем повествовании. В обратном движении композиционной связи - от сюжета пралаи, расположенного позже, к предшествующей ему природной зарисовке - нет ничего необычного, такая связь вполне отвечает закономерности устного эпического творчества: сказителю заранее известен традиционный набор тем, идей и образов, которыми он может более или менее свободно оперировать в процессе эпической импровизации. Возможно также сочетание обратной связи между описанием природы и рассказом о потопе с прямой, линейной, поскольку пора муссонных ливней естественно порождает "потопные" ассоциации.⁹

5. Во фрагменте названы два главных места действия книги "Лесной": священная тиртха, место паломничества, на берегу обожествленной реки Сарасвати (I79.I4) и лес подвижников Камьяка (I79.I8). (Следует иметь в виду, что паломничество и аскеза - две важнейших сферы духовной деятельности, дополняющие представление об индуистской ритуальной культуре). Указано также время происходящего - до и после святой ночи полнолуния в месяце карттика (I79.I6), последнем в календарном году и отличавшемся важными для социума обрядами. Место и время действия, а также аудитория отшельников, слушающих рассказы риши, и само его повествование определяются эпитетом риша "святой" (I79.I4, I6; I80.43). Таков комплекс факторов, обеспечивающих функционирование м и ф о л о г и ч е с к о й информации. Эти координаты "Бесед" подтверждают типологическую характеристику их содержания: космологическое учение, эпической формой которого является "упанишада" риши Маркандеи. Уместно напомнить о привязанности космологической тематики и, в частности, древних "потопных" ассоциаций, основанных на идее обновления космоса, к календарному новогодному рубежу.

II

Основные черты поэтики любого текста проявляются в особенностях его стилистики и средств создания образа.

I. В древнеиндийской словесности с и н о н и м и ч е с к и е ряды развиваются вокруг наиболее существенных для традиционной культуры понятий (закономерное исключение - сфера терминологии). В конкретном же памятнике наибольшим количеством синонимов "обрастают" самые важные именно для него и, следовательно, наиболее часто используемые в нем понятия, что позволяет избежать повторения лексики и тем самым решить одну из сложнейших стилистических задач. В связи с синонимическим варьированием как главной чертой эпического стиля примечателен синонимический ряд со значением "вода", ключевым для анализируемого контекста: *paṇas* (I79.4), *ambhas* (I79.5), *toya* (I79.6), *jala* (I79.I2), *vāri* (I79.I3), *valila* (I79.I5), - шесть синонимов на шестнадцать строф описания природы (ср. здесь же синонимы со значением "река": *sindhu* - I79.6, *nīnagā* - I79.I0, *vadī* - I79.I3).

2. В числе приемов создания образа в Махабхарате выделяются эпитет, сравнение и метафора.

2.I. В природной зарисовке представлены художественные определения всех трех основных для эпоса видов. I) Формульные

э п и т е т ы, главное средство эпической изобразительности, по типовому характеру признака близки к постоянным: mahāghoṣāḥ, asitāḥ I79.2 "многочумные", "темные" о тучах; "многочумные" I79.6 о реках; vividhāḥ I79.7 "разнообразные" о звуках; mahātmanāḥ I79.II "великих духом" о Пандавах; śivāḥ, paripūrṇāḥ I79.I5 "благодатную", "полноводную" о Сарасвати; puṇyākṛdbhir mahāsattvais I79.I7 "с благими в деяниях, великосущными" о подвижниках. 2) По двухсоставной структуре формульным эпитетам эквивалентны такие определения, которые в силу своего содержания могут считаться лишь ситуативно-постоянными:¹⁰ viṛūḥaṣaṣra I79.4 "поросшая молодой травой" о земле во время дождей; śāntarajasah, jaladaṣitalāḥ I79.12. "с успокоенной пылью, от воду тающих [облаков] прохладные" об осенних ночах.

3) Наряду с указанными видами поэтических определений при описании сменяющихся сезонов используются многосоставные, включающие более двух компонентов, композиты, также отмеченные индивидуальностью содержания: nidāghāntakarah ... sarvabhūtasukhāvahaḥ I79.I "жаре конец приносящее [время], всему живому благо несущее"; tarāṭyayaniketāḥ ... apetārkaprabhājālāḥ savidyudvimalaprabhāḥ I79.3 "жары исхода знамения [тучи], ушедшего солнца сияния сети, с молниями, чистые блеском"; mattadaṣasarīṣṛā ... śāntadhūmarajogṇa I79.4 "[земля] с возбужденными оводами и змеями, от успокоенного дыма и пыли коричневая"; kraunṣahaṅsaganākīṛṇā ... gūṛhakakṣavanaprasthā pravannajalanimnagā I79.I0 "журавлей и гусей стаями полная [осень] ... с проросшим сушняком на лесных равнинах, с ясными водами [рек] плавнотекущих"; vimalākāṣanakṣatra, ṣṛḡadvijavasākīṛṇā I79.II "на чистом небе со звездами [осень], зверьем и птицей обильная"; grahanakṣatrasaṅghaiḥ I79.I2 "[ночи] с планет и созвездий множеством"; śītavāridharāḥ I79.I3 "прохладную воду несущие [реки]"; nīranīvārasaṅkulāḥ I79.I4 "кадамбой и диким рисоом полную [Сарасвати]". Подобные определения как по своей структуре, так и по значительной индивидуальности содержания не слишком обычны для эпики, но получают широкое распространение в классической поэзии. Как известно, развитие индо-арийских языков идет по линии утраты флексии. Эпический санскрит, при его наддиалектном статусе языка устно-фольклорной поэзии,¹¹ не мог не отразить изменений, происходивших в живой разговорной практике. В частности, усложнение формы определения явилось, по-видимому, отражением процесса трансформации всей языковой структуры. Одновременно в поэтике эпоса происходили содержательные сдвиги, развившиеся в росте индивидуального начала.

2.2. Количество сравнений в данном пассаже минимально: *śvasamānā ivācugāḥ* I79.6 "свистящие, словно [стрелы-змеи/быстролетающие]; о реках и *ākāśanīkāśataṭām* I79.I4 "берегом, с небесами схожим"; о Сарасвати. Различаясь структурой как сравнительный оборот и компаративный эпитет и представляя, таким образом, два основных вида сравнений Махабхараты, компаративация в обоих случаях мотивирована мифологически. Мифологизм эпопеи проявляется в поэтике путем преимущественного использования сравнений с соответствующей семантикой. Конкретное количество подобных сравнений прямо обусловлено содержательным типом повествования. Благодаря большому числу сравнений на тему основного, демоноборческого, мифа разнообразится некоторая стереотипность батальных описаний, но, главное, с их помощью создается отчетливый мифологический фон – "парафраз" поединка. В небатальных же контекстах, как, например, в анализируемом описании природы, такие сравнения малочисленны в силу самодостаточности содержания, не нуждающегося в создании открытого мифологического фона.

2.3. Древнейшие виды метафоры – "животная" (типа "муж-бык") и "царская" ("царь гор", "Индра людей"),¹² символизирующие воинскую мощь и идею главенства, "вождества", весьма часты в Махабхарате. Но в природной зарисовке представлены иные, совершенно нестандартные образцы метафоры: *tarātuayaniketāḥ* "жары исхода знаменья", *apetārkaprabhājālāḥ* "ушедшего солнца сияния сети" о тучах – I79.3, *dardurāḥ caiva darpitāḥ* I79.8 "лягушки, гордыни исполненные" (оттого, что вызвали животворные ливни). Эти метафорические характеристики отмечены куда менее явным мифологизмом, нежели "воинско-царские". Важно также, что метафоры в строфе I79.3 входят в состав кривого-переноса (*enjambement*), который, как и индивидуальный по содержанию троп, не слишком свойствен устно-фольклорному эпосу.

2.4. К таким средствам, с помощью которых если не создается, то выделяется образ, следует отнести звукопись. Системность этого приема в древнейшей сакральной поэзии связывается с именами богов.¹³ В нашем же фрагменте игра созвучиями возникает вне имени собственного, иногда спонтанно: *-karaḥ kālaḥ* I79.I: "вершащее время". Но основная функция звукописи сводится здесь к "высвечиванию" других стилистических приемов, в частности, антонимов: *śamaḥ vā viśamaḥ vāpi* I79.5 "равнина ли, или же неровность". Ср. также выше – аналогичное явление "приема в приеме": отмеченные звукописью эпитеты (I79.4, II, I2), сравнения (I79.6, I4) и метафора (I79.8). Можно сказать, следовательно, что в при-

родной зарисовке звукопись концентрируется вокруг основных приемов эпической поэтики. В одном случае можно обнаружить даже подобие редкого в эпосе подлинного звукообраза, когда соединение слухового, зрительного и ментального рядов восприятия сопровождается возникновением определенного настроения, чувства: *ksubdhatoṅ mānāghoṣāḥ śvasamānā ivāṣugāḥ* 179.6 "с взбаламученными водами, многошумные, свистящие, словно /стрелы-змеи/ быстролетающие" о реках во время дождей. Звукопись, цементирующая сочетание определяющих приемов эпической изобразительности - эпитета, сравнения и перифразы, усиливая семантику этого комплекса, довершает формирование тревожного чувства, естественного для прдэсхатологического описания сезонов. Образный характер созвучий вне связи с именем собственным свидетельствует об утрате звукописью родовой связи с архаической "магией повтора", т.е. о десакрализации приема.

Судя по выявленным особенностям стиля картины сменяющихся сезонов и используемых в ней приемов изобразительности, с точки зрения исторической типологии это стиль поэзии Махабхараты, более поздней, нежели героическая. Эсхатологическое учение эпоса, открывающееся картиной потопа, "с и г н а л о м" которого является изображение смены календарных сезонов, также принадлежит к типологически вторичному "слову" эпического содержания. Подчеркивая невозможность членения эпического текста на хронологически разнородные части, допустимо, однако сделать вывод о том, что природная зарисовка в Махабхарате как типовой мотив-"описание" формируется лишь с течением времени, параллельно превращению эпоса из героического в философско-дидактический. Очевидно, что эстетизации природы предшествует воспевание физической мощи героя-воина. Можно указать также на высокую степень опосредованности конституирующих связей мифо-ритуальных моделей с композицией и стилистикой эпического текста, но наиболее важна, по-видимому, сама констатация этих связей, очевидных в поэтике сезонного описания Махабхараты.

-
1. О поэзии как сообщении см.: Р./0/.Якобсон. Лингвистика и поэтика. - Структурализм: "за" и "против". М., 1975, с. 193-230.
  2. Махабхарата Ш, Десная (Араньякапарва). Пер. с санскр., предисловие и комментарий Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1987, с. 367-460. Используется критическое издание текста на санскрите; арабские цифры означают: до точки - номер главы, после - строфы-шлоки.
  3. Подробнее см.: С.Л.Невелева. Контекстные связи эпической шлоки. - Литература и культура древней и средневековой Индии.

- М., 1987, с. 97-129.
4. Подробнее об эпической беседе как варианте мотива-"речь" см.: С.Л.Невелева. О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями. - Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988, с. 128-160.
  5. Б.Н.Путилов. Мотив как сюжетобразующий элемент. - Типологические исследования по фольклору. М., 1975, с. 141-155.
  6. Календарный миф аграрных цивилизаций как трансформация драконоборческого мифа предложен П.А.Гринцером в качестве композиционного архетипа эпического сюжета, см.: П.А.Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974, с. 195-296.
  7. См.: С.Л.Невелева. Контекстные связи..., с. 100-104.
  8. О мифологизме сравнений в Махабхарате см.: С.Л.Невелева. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М., 1979, с. 60-115; Я.В.Васильков, С.Л.Невелева. Ранняя история эпического сравнения. - Проблемы поэтики литератур Востока. М., 1989, с. 152-175.
  9. Время дождей, очевидно, предрасполагало к активизации духовной жизни временно изолированного от других социума.
  10. См.: С.Л.Невелева. Вопросы поэтики..., с. 21-22.
  11. В стабилизации эпического санскрита, видимо, сыграло определенную роль подключение к сказительской традиции брахманов - создателей, хранителей и трансляторов санскритской словесности.
  12. Имя Индры здесь имеет нарицательный смысл - "царь" (ср. *maṇu-jendrendra* "Индра Индр, порожденных Ману", т.е. "царь царей над людьми").
  13. Библиографию см.: С.Л.Невелева. О звукописи в Махабхарате. - ПП и ПИЧНВ, XXI, ч. II. М., 1987, с. 33-36, примеч. 1-4.

Ш.А.Нугаев

ПОЭМА "АКБАР-НАМА" КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Существует целый ряд исторических и литературных произведений, посвященных афганским событиям первой половины XIX века. Среди них особое место занимает поэма "Акбар-нама", которая представляет немало оригинальных сведений, отличающихся от приводимых в исторических источниках и исследованиях.

Однако, обладая художественными достоинствами, прежде всего поэма "Акбар-нама" является памятником дариязычной литературы Афганистана XIX века. Автором поэмы является сын ученого богослова Хамидулла Хамид, писавший под псевдонимом Хамид Кашмири /2, 5, 51/. Сведения биографического характера о нем весьма незначительны, известно, что он родился в одной из кашмирских деревень, воспитывался отцом, от которого получил знания по средневековой персоязычной литературе и богословию (там же).

Идея создания поэмы, как пишет автор в начале своего повествования, родилась у Хамида Кашмири во время вечерней беседы в кругу поэтов, каждый из которых читал свои газели. Один из присутствующих высказал мысль, что среди современных поэтов нет художника такой величины, который мог бы написать большую эпическую поэму, чтобы продолжить персоязычные традиции. Кашмири заметил, что таким человеком мог быть он сам. Дальнейшее автор описывает так:

Когда ту мою вспльчивую речь услышал,
Со снисходительностью и смехом сказал:
"О ты, поучающий всех на словах,
Завязавший пояс пустых обещаний,
Ты разгневался ради всех,
Ты стал пленником вместо всех.
Если желаешь доказать свою правдивость,
Возведи свои слова на престол:
Расскажи повесть о сражениях молодого льва
Пехлевана Акбара - громящего фаранги /1, гл. 5, 52-56/.

После этой встречи, как пишет Кашмири, он взялся за работу и создал поэму в течение одного года. Поэма была завершена в 1260/1844 году /1, 5, 63/ за три года до смерти Акбар-хана, именем которого была названа.

Впервые поэма была опубликована Историческим обществом в Кабуле в журнале "Ариана" в период с 1948 по 1951 гг. Основная рукопись, по которой готовилась публикация, была привезена из Пешавара президентом АН Афганистана Абулрауфом Бенава, который обнаружил ее в библиотеке маулана Фазиля Саибзада /1, 63/. Вторая рукопись поэмы была найдена в шахской канцелярии в Кабуле (там же), третья - в личной библиотеке Бурхануддина Кушкеки, генерального директора издательства /1, джим./. Поскольку текст поэмы в этих трех списках имеет целый ряд разночтений, то все варианты текста приводятся с комментариями Мухаммада Халиля - члена Исторического общества Афганистана.

В 1951 году поэма была издана отдельной книгой с предисло-

вием афганского историка Ахмад Али Кохзада.

Поэма написана мутакарибом, состоит из 37 глав, посвященных отдельным хронологически изложенным событиям периода первой англо-афганской войны 1838-1842 гг. Объем глав сильно разнится, от 22 до 323 бейтов. Общее количество бейтов в поэме около 5000. Каждая из глав имеет независимое начало и представляет собой законченный сюжет. Язык поэмы изобилует поэтическими образами, метафорами, богатой синонимикой. Несмотря на теологическую подготовку, автор не злоупотребляет арабской лексикой и не употребляет арабские выражения, не считая некоторых традиционных формул и цитат из Корана. В поэме почти нет слов, заимствованных из европейских языков, за исключением имен и титулов английских офицеров, которые приводятся в трансформированном виде. Высокохудожественное и образное изложение событий передается через восприятие автора, который, в большинстве случаев, является как бы их свидетелем. В поэме около двадцати действующих лиц, значимость которых меняется в зависимости от излагаемых событий. Главными героями поэмы являются вазир Мухаммад Акбар-хан и его отец эмир Дост Мухаммад-хан, образы которых проходят через все повествование. В целом, позиция автора по отношению к главным героям заключается в некоторой гиперболизации их мужества, отваги, героизма на поле битвы, восхищении разумностью их поступков, однако в некоторых случаях автор позволяет себе осуждающие слова в адрес Дост Мухаммад-хана, в основном из-за его компромиссов с англичанами. Акбар-хан предстает в поэме как народный герой, снискавший себе любовь афганцев благодаря военным подвигам. Однако и в описании заглавного героя своей поэмы автор не всегда последователен.

Характерным примером, отражающим языковую стилистику поэмы, могут послужить цитаты из писем, которыми обменялись перед началом войны Дост Мухаммад-хан и Хари Сингх. Будучи представителем Ранджит Сингха в Пешаваре, Хари Сингх, вознамерившись присоединить к своим владениям кабульские земли, использовав для этого благоприятное предзнаменование одного из божеств, пишет письмо эмиру Афганистана:

Когда погоню скакуна в Арабистан,
Увидят мой меч борцы за веру.
От туранских земель поверну к Ирану,
Где увлажню землю кровью храбрецов.
Однако первый жребий выпад на твое имя.
Да благословит меня бог на этот шаг!

Оповещаю тебя, слушай внимательно!
 Не пренебрегай советом, берегись!
 Либо повяжи пояс покорности, либо беги!
 А иначе, вот я и Кабул и острый меч. /I, 8, 15-19/
 На это письмо Дост Мухаммад-хан отвечает так:
 До меня дошло твое бессмысленное послание,
 Полное хвастовства, пустословия и клеветы.
 Неужели ты, напившись вина как мышь,
 У которой от возбуждения разум покинул голову,
 Хочешь с отважной кошкой
 Опьяненным, без чувств идти в бой? /I, 9, 11-13/
 ... Я схвачу тебя, мечом пролью твою кровь,
 На воротах Кабула повешу.
 После этого поверну к Пенджабу,
 Женщин и мужчин приведу связанными за волосы.
 Срублю деревья, вытопчу землю,
 Пройдя через Тибет к далекому Китаю ... /I, 9, 68-70/

Субстанцией, лежащей вне текста произведения, является историческая реальность - война афганцев за независимость страны. Сама поэма является отражением этой реальности, возможно, не всегда адекватной. Автор поэмы по-своему трактует целый ряд событий, известных нам по сочинениям исторического характера, принадлежащих другим авторам. Приведем несколько таких примеров.

В таком авторитетном источнике по истории Афганистана как "Сирадж ат-Таварих" /4/ говорится, что английский офицер Александр Бернс, находившийся в Кабуле в качестве торгового представителя Ост-Индской компании и выполнявший тайное политическое задание "не добившись цели, уехал из Кабула в Индию"^I /4, 130/. Хамид Кашмири в своей поэме пишет, что А.Бернс был изгнан из страны после того, как шах Ирана уведомил Дост Мухаммад-хана о коварстве английского посланника. Автор поэмы пишет так:

...В эти дни эмир получил из Ирана
 Изящное послание, вскрыл его и увидел
 Что все в нем от начала до конца
 Написано только о Бернсе ... /I, 14, 53-55/

Эмир читает письмо и передает его А.Бернсу, который после ознакомления с текстом воспринимает его как смертный приговор. Однако эмир проявляет великодушие:

^I Перевод соответствующих мест из текста "Сирадж ат-Таварих" любезно предоставлен З.А.Джандосовой, за что мы приносим ей благодарность.

... Поднимайся и уходи отсюда,
Быстро собирайся в дорогу!
Не дай бог, если из-за стремления к богатству
Обрешь от меня боль, ущерб и страдания!
/I, I4, 86-87/

... Убивать гостей не в моих правилах,
Поэтому я изгоняю тебя из своей страны...
/I, I4, 89, джим/

В октябре 1842 года сын Шуджа ал-Мулка Фатх Джанг, плененный Акбар-ханом, бежит из тюрьмы в крепости Бала-Хисар. Файз Мухаммад пишет об этом событии так: "... Фатх Джанг с помощью Мухаммад Заман-хана и нескольких других разобрал потолок зиндана и убежал по крыше" /4, 184/. Кашмири упоминает другого человека, спасшего Фатх Джанга:

... Ночью Хан Ширин вывел его из тюрьмы
Доставил принца в английское войско,
И сам остался готовый к войне... /I, 36, 12-13/

5 апреля 1942 года по дороге из Кабула в Желалабад был убит шах Шуджа. Убийство совершил Шуджа ад-Дауле. Описав это событие Хамид Кашмири приводит сведения, которые до сих пор не встречались в известных нам источниках и исследованиях. По его данным подозрение в убийстве шаха Шуджи пало на Акбар-хана, который из-за этого вынужден был бежать. Кашмири описывает это так:

... Один человек сказал на ухо Акбару,
Что все войско находится в ярости и волнении,
Пронзенное известием об убийстве шаха.
"Подозрение в убийстве пало на тебя,
В этом войске нет у тебя ни одного друга,
Нет человека, который не желал бы тебе зла..."
/I, 33, 227-229/

... Когда Акбар-хан услышал об этом событии,
Он с проворством дичи выскочил.
Имевшихся в войске своих людей,
В преданности которых он был уверен,
С собой увел, бежал двумя переходами,
Пока не достиг Тизина ...
/I, 33, 232-234/

Этот эпизод может иметь логическое обоснование, если учесть, тот факт, что шах Шуджа ал-Мулк был прямым наследником дурранийского престола, сыном Тимур-шаха, внуком Ахмад-шаха Дуррани, основателя афганского государства, и убийство такого человека могло

естественным образом вызвать недовольство воинов.

Заканчивая главу об убийстве Шаха Шуджи, поэт, как бы, сбрасывает с себя тяжесть этого описания и взывает:

... О виночерпий! Подай влагу, что подобна огню,

Тому огню, который отраднее живой воды.

Как прекрасно, что есть эта пламенная влага,

Которая вскипает под лучами солнца!

Вот я освободился от повествования о шахе,

Язык мой поведал то, что слышали мои уши. /I,22,232-234/

Заканчивая краткую характеристику поэмы Хамида Кашмири "Акбар-нама" хочется отметить: хотя автор поэмы неоднократно подчеркивает, что, именно, англичане принесли в Афганистан войну, смерть, грабежи и несчастья, тем не менее, в целом, он относится к состоянию войны, как к явлению естественному, дающему возможность героям его произведения проявить свои человеческие качества. Война в глазах автора поэмы – это данность, а задача людей состоит в том, чтобы проявить себя в ней.

В нашу задачу не входит полная характеристика поэмы как художественного произведения и исторического источника, которую можно было бы проиллюстрировать десятками примеров. Наша цель представить поэму, ознакомить с ее наиболее общими характеристиками. Представляется, однако, целесообразным привести краткий пересказ событий, изложенных в поэме.

Краткое содержание поэмы "Акбар-нама"

После сражения между шахом Шуджой и его братьями с одной стороны и вазиром Фатх-ханом и его братьями с другой стороны власть в Кабуле перешла к Дост Мухаммад-хану, а Ранджит Сингх получил Кашмир. На правление в Пешаваре Ранджит Сингх уполномочил Хари Сингха, которых направил Дост Мухаммад-хану послание, предлагая ему сдаться или готовиться к битве. В намерения Хари Сингха входило сначала подчинить Кабул, а затем Иран.

Дост Мухаммад-хан отдал свое войско под командование сыновьям сардару Афзаль-хану и сардару Мухаммад Акбар-хану, а также братьям Джаббар-хану и Шамс ад-Дин-хану и послал их в сторону Хайбара. В битве, которая произошла, Хари Сингх был убит. Акбар-хан написал отцу письмо с изложением событий и просил указаний для дальнейших действий. Дост Мухаммад-хан дал приказ своему войску возвращаться, затем написал письмо Ранджит Сингху, в котором упрекал его за нарушение договора и враждебные помыслы в

отношении Кабульского эмирата. Ранджит Сингх сделал вид, что ничего не знал о тех мероприятиях, которые проводил Хари Сингх. После возвращения войска эмира в Кабул сардар Мухаммад Акбар-хан взял в жены дочь Гулям Мухаммад-хана, племянницу вазира Шах Вали-хана. По этому поводу в Кабуле состоялся праздник.

В Кабул под видом купца приезжает Александр Бернс. Эмир Дост Мухаммад-хан принимает его с почетом при дворе. В это время шах Ирана в своем письме эмиру уведомляет его о дурных намерениях Бернса. Эмир изгоняет Бернса, и тот уезжает в Индию. Сведения, которые привез из Кабула Бернс способствовали мятежу Шуджа ал-Мулка. Англичане с большим войском вслед за Шуджой нарушают границу Афганистана. Кохендель-хан и Мехрдель-хан, которые правили в Кандагаре, бежали в Иран. В Газни сардар Гулям Хайдар-хан из-за предательства Махмуд Джан-Шера попал в плен к Шудже. Дост Мухаммад-хан отправляется с войском в Газни, но из-за отсутствия хорошего проводника проходит лишь пол-дороги, оставляет войско и бежит в Хольм. Там он получает письмо от эмира Бухары и находит прибежище при его дворе со своими семейством и приверженцами.

Англичане привозят в Кабул Шуджу и сажают его на престол.

Эмир Бухары проникается недоверием к Дост Мухаммад-хану и устанавливает за ним надзор, эмир Афганистана со своими приверженцами переходят на положение пленников. Эмир бежит из плена и добирается до Хольма. Его сыновья сардар Мухаммад Акбар-хан и сардар Султан-джан остаются пленными в Бухаре. Эмир во главе войска правителя Хольма вступает в борьбу с англичанами, но проигрывает битву. До эмира доходит письмо от правителей Кухистана с приглашением приехать и принять командование над кухистанскими войсками. Эмир соглашается и вместе с кухистанцами во второй раз бьется с англичанами. Однако часть правителей Кухистана оказывается подкупленной английским офицером Макнотеном, кухистанцы выходят из-под повиновения эмира. Эмир покидает войско и в одежде гонца ночами добирается до Кабула, где сдается в плен Макнотену. Через некоторое время англичане отправляют его в Индию. Водворившись в Кабуле, англичане усиливают притеснения жителей эмирата.

Бернс дает совет Шудже отправить в Лондон часть афганских сардаров, чтобы обеспечить себе спокойное правление. Шуджа обсуждает этот вопрос с вождями племен. Мухаммад Заман-хан Баракзай, Усман-хан Навваб, Абд ас-Самад-хан, племянник сардара Паинда-хана, Джаббар-хан, сын сардара Паинда-хана, Абдулла-хан Ацакзай, Мухаммад-шах, Абд ал-Азиз-хан, Мухаммад Амир-хан, Абд ас-Салам-хан и другие, в тайне от которых обсуждалось предложение

Шуджи, решают, что в первую очередь, чтобы прекратить интриги, нужно убрать с дороги Бернса.

Дом Бернса поджигают, а самого его толпа разрывает на куски. Казна, находившаяся в доме, разграблена. После этого ханы Кабула называют своим падишахом Мухаммад Заман-хана. Происходит кровопролитная битва между войсками Макнотена и афганскими патриотами. Войска Макнотена разбиты.

В это время с помощью правителя Шахрисябза сардары Мухаммад Акбар-хан и Султан-хан освобождаются из плена бухарского эмира и прибывают в Хольм. В Хольме до Акбар-хана доходит письмо Мухаммад Заман-хана, в котором тот по причине своей слабости и немощи просит Акбар-хана прибыть в Кабул и возглавить борьбу за свободу. Акбар-хан прибывает в Кабул, убивает Макнотена, затем на основании просьбы англичан дает им разрешение покинуть земли Афганистана. Однако по пути в Джелалабад почти все английское войско уничтожают народные повстанцы.

До этого шах Шуджа договаривается с руководителями освободительного движения о том, что он некоторое время остается на престоле. Однако сфера его влияния значительно сужается, и он вынужден отправиться в Индию вместе с английскими войсками. По дороге на Джелалабад его убивает Шуджа ад-Дауле, сын Мухаммад Заман-хана. В афганском войске проходит слух, что это убийство организовано Акбар-ханом, который из-за этого вынужден покинуть Кабул.

Аминулла-хан Логари начинает со своими сторонниками борьбу за то, чтобы посадить на престол сына Шуджи Фатх Джанга. Между сторонниками Аминулла-хана Логари и сторонниками Мухаммад Заман-хана происходит кровопролитное столкновение, которое длится несколько дней. Во время заключительной битвы, которая произошла в Дашти-Маранджане, Аминулла-хан был разбит и пленен вместе со своим сыном.

В Кабуле Аминулла-хан отдает свою дочь за Акбар-хана, а сторонники Фатх Джанга уговаривают Мухаммад Акбар-хана принять титул визиря и признать падишахом Фатх Джанга. Мухаммад Заман-хан отвергает это решение Акбар-хана и готовится к битве с тысячами своих сторонников. Однако против Заман-хана обнажают мечи Акбар-хан и его брат Султан-хан, и Заман-хан проигрывает войну.

Вскоре открывается сотрудничество Фатх Джанга и генерала Поллака. Акбар-хан берет Фатх Джанга под стражу, но тот бежит из крепости с помощью Хан Ширин-хана и отправляется к генералу Поллаку в Джелалабад. Акбар-хан приносит свои извинения Заман-хану, и они вместе вступают в схватку с врагами.

Битвы, которые они вели, еще не подошли к концу, когда Акбар-хан получает от отца письмо следующего содержания: "Я пришел к соглашению с англичанами в том, что ты должен уйти из Кабула под предлогом поражения от английских войск. Англичане войдут в Кабул и уничтожат тех, кто является их истинными врагами. После того, как англичане уничтожат своих врагов и восстановят поруганную честь, они покинут Афганистан. Если взамен ныне существующего правления будет признано правление нашей семьи, то честь англичан будет отмыта от пятна позора. С другой стороны, будут уничтожены противники эмирата, которые завтра, возможно, будут претендовать на престол".

Акбар-хан признает это письмо недостойным своего отца, но, тем не менее, подчиняется и тайно выезжает в Хольм. Его отъезд, причину которого никто не может понять, вызывает в Кабуле замешательство.

Английские войска входят в Кабул, поджигают дома, уничтожают тысячи людей и после недели владычества покидают город. Мухаммад Акбар-хан возвращается в Кабул, освобождает невольников англичан и дает им дорогие подарки. Фатх Джанг уезжает из Джелалабада в Пенджаб. Хан Ширин-хан скрывается с "пустыми руками и разбитым сердцем".

Эмир Дост Мухаммад-хан отправляется в Кабул. На протяжении всего пути его сопровождают крупные чиновники британской Индии с дорогими дарами. Мухаммад Акбар-хан выезжает навстречу отцу. Сторонники Дост Мухаммад-хана привозят его в Кабул и сажают торжественно на престол. Эмир приказывает зажечь в городе огни, устраивает праздник и таким образом отмечает свое восшествие на престол.

---

1. Хамид Кашмири. Акбар-нама. Кабул, 1957.

2. Саидулла Хабиб. Джонбиш-и джанг-нама сарайи дар ше'р (Традиции героического эпоса). Хорасан. (журн.) 1982 г., № 5, с. 47-64, № 6, с. 36-51.

3. Файз Мухаммад. Сирадж ат-Таварих. Т. I. Кабул, 1912.

4. В.М.Массон, В.А.Ромодин. История Афганистана. Т. 2. М., 1965.

ФОРМАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЖАНРА МАКАМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СААДИ

В становлении жанров классической персоязычной литературы прослеживаются две противоречивые тенденции. Первая из них связана с огромным влиянием арабской литературы, арабского языка, мировоззрения ислама, а вторая, наоборот, фиксирует определенную самостоятельность развития, которая нашла свое отражение в различных особенностях генезиса отдельных жанров, пришедших в новоперсидскую литературу из арабоязычной. С этой точки зрения интересен генезис жанра макамы в классической персоязычной литературе.

Жанр макамы возник в арабской литературе. Сам термин "макама" буквально означает "место собрания, место стоянки племени", позднее этим словом стали обозначать само собрание людей, а впоследствии беседы, которые велись в этом собрании. Макамами называли повествования, которые звучали из уст рассказчиков во время привалов и стоянок на вечерних собраниях племени. С переходом к оседлому образу жизни макамами стали называть литературные собрания горожан, где читались стихи, присутствующие выступали с их оценкой, где звучали развлекательные истории, рассказчики которых, упражняясь в красноречии, сочетали разговорную речь с литературным языком, насыщенным сложнейшими тропами и средствами художественной изобразительности.

В самом конце X века появляется первый сборник новелл, получивших название макам. Автором их был Ахмед ибн аль-Хусейн аль-Хамадани, известный под прозвищем Бади' аз-Заман ("чудо эпохи"). В 994 году он начал писать свой цикл развлекательных рассказов, куда вошла пятьдесят одна макама. Все они изложены от лица Исы ибн Хишама. Путешествуя по городам, он в различных ситуациях встречает главного героя макам, веселого плута и балагура Абу-ль Фатха Александрийского и становится свидетелем, а порой и жертвой его проделок. Бади' аз-Заман придал всем макамам особую художественную форму: он впервые в арабской литературе изложил новеллы рифмованной прозой - садж'ем. Садж' часто прерывается стихотворными вставками, насыщен шутками и афоризмами.

Другим автором, чье творчество явилось новой ступенью в развитии жанра макамы, стал Абу Мухаммед аль-Касим ибн Али аль-Харри (1054-1122). Появление его пятидесяти макам ознаменовало собой расцвет макамописания на арабском языке. Следуя за Бади' аз-Зама-

ном, он излагает все макамы от лица единого рассказчика. Аль-Харис ибн Хаммам описывает свои встречи в разных городах с Абу Зейдом, проходивцем и плутом, добывающим хлеб насущный как своим умом, красноречием, находчивостью и знаниями, так и попрошайничеством и обманом. Что касается формальной стороны макама аль-Харири, то здесь автор пошел по пути усложнения художественной формы: садж' насыщен средствами художественной изобразительности, изобилует разного рода графическими фокусами и полиндрами.

Жанр макамы в арабской литературе был очень популярен и любим. Он дожил и до наших дней. Более семидесяти авторов известны своим творчеством в области макамописания, но ни один из них не может встать в один ряд с Бади' аз-Заманом и аль-Харири. Именно этим двум авторам принадлежит заслуга утверждения в литературе особого жанра макамы, который, как и любой другой жанр, характеризуется определенным единством формальных и содержательных элементов, другими словами, как определенное формально-содержательное единство.

Попытаемся выделить основные характерные особенности данного жанра.

Макама - это жанр плутовской новеллы, которому свойственна особая художественная форма - рифмованная проза, так называемый садж', насыщенный стихотворными вставками и кораническими цитатами. Язык макама изобилует изощренными и сложнейшими средствами художественной изобразительности. Его отличает большое количество тропов, параллелизмов, крылатых выражений, что позволяет говорить об особом украшенном стиле макама.

Макамы объединены в циклы. Все они имеют стандартный зачин и одинаковую концовку. Макамы называются по городам и местностям, в которых происходит действие. Для цикла макама характерно огромное разнообразие тем: в них поднимаются нравственные, научные, литературные, религиозные, философские вопросы. Встречаются иносказательные, сатирические макамы.

Подтверждением того, что макама родилась из устного рассказа, служит образ рассказчика единого для всего цикла. Это либо любитель путешествовать, либо купец, вынужденный разъезжать по торговым делам. В каждой макаме в новом городе происходит его встреча с главным героем - ловким плутом, хитрецом и обманщиком, человеком без определенного рода занятий, скитающимся по свету и вынужденным добывать себе пропитание любыми способами. Его поступки чаще всего противоречат религиозной морали. Он умеет обманым путем вызывать сострадание и восхищение людей, получает от них день

ги и исчезает.

Действие в макамах развивается примерно по одной и той же схеме. Нет большого разнообразия сюжетных линий, частой смены ситуаций. Сюжет обычно разворачивается на каком-либо многолюдном месте: мечеть, базар, дом судьи и т.д. Это как бы арена, на которой главный герой демонстрирует свой ум, красноречие и находчивость.

В персоязычную литературу жанр макамы пришел в середине XII века, когда судья из Балха Хамидаддин Абу Бакр Умар Махмуди в 1156 году написал сборник макам на персидском языке. В то время макамы Бади' аз-Замана и аль-Харири были чрезвычайно популярны и любимы. Хамидаддин, человек высокообразованный и хорошо владеющий арабским языком, был под большим впечатлением от их произведений. В предисловии к своему сборнику¹ он поясняет, что приступил к написанию своих макам с целью дать возможность "простым иранцам", не владеющим арабским языком, познакомиться с макамами Бади' аз-Замана и аль-Харири. Однако, его собственные макамы настолько изобилуют арабскими словами, фразами, стихотворными вставками, что для полного их понимания знание арабского языка крайне необходимо. Это одна из причин того, что широкий круг читателей так и не получил доступа к творчеству Бади' аз-Замана и аль-Харири. Вторая же причина кроется в том, что Хамидаддин имитирует макамы арабских авторов лишь с точки зрения художественной формы, но никак не с точки зрения содержания. И лишь одна макама является точным переводом макамы Бади' аз-Замана, а две макамы вольным парафразом макам аль-Харири.

Основное отличие в содержании макам Хамидаддина и арабоязычных авторов обусловлено отсутствием в персидских макамах единого для всего цикла главного героя, плута и попрошайки. Поэтому тема нищенства и попрошайничества в них представлена менее яркое, а вместе с ней отходит на задний план и элемент плутовства.

Повествование во всех макамах ведется от лица безымянного любимого друга автора. Он делится своими впечатлениями об увиденном во время странствий по различным городам и странам, о встречах с разными людьми.

Все макамы имеют одинаковый зачин: "Рассказывал мне один друг, который был мне...", далее следуют слова автора о том, насколько этот друг был ему мил и дорог. Заканчиваются макамы тем, что рассказчик бежит вслед героям в надежде продлить общение с ними, но не успевает их догнать. Концовка макам представляет собой стихотворение, где рассказчик с горечью сообщает, что ему ни-

чего неизвестно о дальнейшей судьбе героев. Например, концовка третьей макамы:

Мне не открылось, каков был его конец,
И чашу каких тяжких испытаний он испил.
Из рук кравчих притеснения судьбы
Какое ему выпало угощение и что стало с его чаяниями?²

Еще одного автора, попробовавшего свои силы в макамописании на персидском языке, называет Дж.Моррисон.³ Это Садидаддин А'вар, чьи произведения были лишь недавно обнаружены. О нем самом известно лишь то, что он был современником Хамидаддина.

Иранский литературовед Дж.Матини предлагает продолжить ряд произведений, относящихся к жанру макамы, еще двумя выдающимися памятниками классической персидско-таджикской литературы "Гулистаном" и "Бустаном" Саади.⁴ При этом Дж.Матини приводит имена целого ряда авторов, которые разделяют эту позицию относительно "Гулистана". Среди них Малек аш-шо'ара Бехар, Хусейн Хатиби, Фарис Ибрахим Харири и др. Что касается "Бустана", то Матини впервые поднимает вопрос о принадлежности этого произведения к жанру макамы, делая акцент на том, что "Бустан" следует рассматривать как макамы в стихах.

Что же позволило этим авторам сделать такой вывод?

Во-первых, если говорить о "Гулистане", это художественная форма. "Гулистан", как и макамы Хамидаддина, написан рифмованной прозой, которая прерывается стихотворными вставками, но, по словам Бехара, с той лишь разницей, что "Саади углубится в арабскую прозу прошлого, и все, что казалось ему несостоящим и неприемлемым, устранил, а все, что нашел нужным и ценным, привлек и использовал".⁵

Во-вторых, структура произведений: и "Гулистан", и "Бустан" распадаются на отдельные рассказы и притчи.

В-третьих, многие рассказы имеют традиционный зачин: 'аварде-анд', 'гофте-анд', 'гуйанд', что позволяет с формальной точки зрения говорить об образе неизвестных рассказчиков, присутствующих в рассказе. Иногда Саади ведет изложение от первого лица, и тогда Дж.Матини трактует это как совмещение образа рассказчика и образа героя в одном лице.

В-четвертых, данные авторы оспаривают мнение некоторых исследователей, считающих, что "Бустан" можно считать отчасти автобиографическим произведением. Дж.Матини на примере рассказа о посещении героем Капица Суминатского доказывает, что изложение повествования от первого лица нельзя рассматривать как свидетельство того,

что Саади был в Индии и посетил капище Суминатское, приводя в доказательство некоторые ошибки в описании, найденные им в тексте. Дж.Матини приходит к выводу, что рассказ является полностью художественным вымыслом. Саади ставит себя на место героя с одной лишь целью: создать более увлекательный и захватывающий сюжет. Это всего лишь художественный прием.

Со всеми этими доводами следует согласиться. Однако, является ли это достаточным, чтобы отнести "Гулистан" и "Бустан" к жанру макамы? Все доводы иранских ученых касаются лишь формальной стороны произведений, и лишь последний отчасти затрагивает содержание. К тому же в случае с "Бустаном" Дж.Матини не берет в расчет основной элемент художественной формы жанра макамы-рифмованную прозу. Если руководствоваться таким подходом, то и другие произведения вполне можно отнести к жанру макамы. Например, у Саади есть трактат известный как "Сахибово послание" (Ресале-йе сахебийе).⁶ По своему идейно-дидактическому содержанию он перекликается с "Гулистаном" и "Бустаном". В качестве примера приведем два небольших рассказа из этого трактата:

РАССКАЗ

Один из халифов обратился к Бахлулу: "Дай мне [какой-нибудь] совет. Бахлуль сказал: "Из [этого] мира в загробный мир ничего нельзя унести [с собой], разве что вознаграждение или возмездие. Отныне ты свободен в выборе".⁷

РАССКАЗ

Рассказывают, что от одного человека остался кошелек с золотом и ребенок. Тогдашний правитель послал гонца к опекуну ребенка и потребовал золото. Опекун положил золото рядом с ребенком, отнес его правителю [и] сказал: "Это золото не принадлежит мне, оно принадлежит этому ребенку. Если ты его забираешь, то забирай у него, чтобы в день страшного суда вернуть ему же". Хаким загрустил, заплакал и расцеловал ему голову и глаза и, приблизившись лицом к лицу ребенка, все повторял: "Как мне пережить судный день из-за мысли об этом золоте?!" Он отдал назад золото опекуну и собрал хлеб, одежду и все необходимое для ребенка вплоть до его совершеннолетия.⁸

По форме своей эти рассказы вполне отвечают канонам жанра макамы в понимании Дж.Матини, с одной лишь разницей – они написа-

ны прозой. Но если поэтическая форма не является препятствием, чтобы отнести "Бустан" к жанру макамы, то, очевидно, форма прозаическая тоже не должна быть помехой в этом. Однако, этого делать не следует, так как набор формальных признаков, к тому же неполный набор, никак не может быть доказательством принадлежности произведения к тому или иному жанру, так как жанр всегда представляет собой определенное единство формы и содержания.

Надо обратиться к содержательной стороне произведений Саади. Г.В.Степанов выдвигает в качестве критерия принадлежности произведения к тому или иному жанру судьбу отдельных "слов-понятий" в данном произведении.⁹ Так, нарушение морали в пасторали является лишь ошибкой, а в произведениях мистиков грехом. Нарушение религиозной морали героями оценивается Саади и авторами макама по-разному: в первом случае это грех, а во втором лишь плутовство. В первом случае герой грозит наказание или возмездие, в лучшем случае раскаяние, во втором авторы лишь слегка пожурят своего героя, и хотя они сами являются жертвой плутовства, они симпатизируют бродяге и проходимцу, так как в макамах есть оправдание тому, что не имеет никакого оправдания в произведениях Саади. В чем же эти оправдания?

Во-первых, образ главного героя был взят авторами макама из жизни. Это было время децентрализации власти в Багдадском халифате, время феодальных распрей и междоусобиц. Крестьяне оставляли свои поля и бежали в города в поисках пропитания, где они были обречены на нищенство и бродяжничество. Типичной фигурой времени стал нищий бродяга. Образ его был перенесен в литературу таким, каким был в жизни: не плохим и не хорошим. Это образ разноплановый. Авторы макама предприняли попытку отказаться от однозначной трактовки художественного образа. В этой попытке создать образ реального человека "впервые в арабской классической литературе проявился интерес к человеку как личности".¹⁰

С другой стороны, всякий раз, когда рассказчик пытается наставить героя на путь истинный, он оказывается обезоруженным его умом, знаниями, находчивостью и красноречием. Проходимец и плут выступает, говоря словами Дж.Матини, как кладезь мудрости (ганджине-йе адаби),¹¹ и в этом кроется второе оправдание его поступкам, неблагоприятным с точки зрения религиозной морали. В.М.Борисов и А.А.Долинина отмечают, что в макамах аль-Харири постоянно борются две морали.¹² Первая - мораль религиозная, вторая - мораль "детей Сасана", своеобразной корпорации нищих бродяг, которая явилась порождением определенной исторической эпохи.

У Саади этого нет. Образы его однозначны. Перед поэтом стояла иная цель, чем перед авторами макама. Она порождена той эпохой, когда страны Востока, в том числе и Иран, подверглись опустошительному набегу монгольских полчищ. На территории Ирана образуется Хулагуидское государство во главе с Хулагу-ханом. Наступает время деспотии и беззакония, время крушения моральных и нравственных ценностей, и "гуманист Саади в "Гулистане" и "Бустане" учит трудному искусству выжить, уцелеть физически и морально в тягчайших условиях тирании и порожденного ею нравственного упадка. Вместе с тем он учит и ненависти к тиранам".¹³ Отсюда главная цель Саади - научить оставаться человеком. Элемент дидактики превалирует над остальным. Это само по себе исключает альтернативу морали, исключает любое оправдание нарушений этой морали.

Все это в равной степени относится и к трактату "Сахибово послание", написанному по просьбе Шамсаддина Мухаммеда Джувейни, который пошел на службу к Хулагу-хану и стал главой гражданского управления. В историю он вошел как Сахибдиван.

Подводя итог, хочется отметить, что в произведениях Саади и в макамах присутствуют и развлекательность, и дидактика, однако, соотношение их различно. У Саади на первый план выступает дидактика, а в макамах наоборот. Это одна из причин, которая определяет принадлежность этих произведений к разным жанрам, а не к одному - жанру макама. В них царят различные законы, согласно которым одни и те же понятия и явления получают различную трактовку и оценку. На наш взгляд, правильнее бы было говорить о формальных элементах жанра макама в произведениях Саади, а не в принадлежности этих произведений к жанру макама.

К общим формальным элементам можно отнести следующие:

1. Структура произведения (цикл рассказов).
2. Садж' - художественная форма макама и "Гулистана".
3. Стихотворные вставки в "Гулистане", в "Сахибовом послании" и макамах.
4. Иногда встречается стандартный зачин в произведениях Саади.
5. Иногда присутствует образ рассказчика в произведениях Саади.

Эту общность формальных моментов можно объяснить тем, что и макамы, и произведения Саади связаны с народной литературой, у них есть общий источник. Однако, авторская оценка описываемых событий в этих произведениях бывает прямо противоположной. При сопоставлении их можно говорить лишь о формальном сходстве данных произведений.

С точки зрения содержания можно проследить общие черты между

макамами и отдельными городскими новеллами, вошедшими в сборник персидской народной литературы "Плутовка из Багдада".¹⁴ Так, в рассказе "Вор и судья" главный герой напоминает героев арабских макамов. Однако, точно так же, как различия в содержательной стороне произведений Саади и макамов не позволяют отнести эти произведения к одному жанру, так и различия в оформлении содержательного материала относят народные городские рассказы и макамы к разным жанрам.

-
1. حميد الدين عمر بن محمود بلخي. مقامات حميدى. اصفهان، ۱۳۳۶، ص. ۷۰.
  2. Там же, с. 25.
  3. G.Morrison. Persian Literature (belles-lettres) from the earliest times to the time of Jāmī. - History of the Persian Literature from the beginning of the Islamic period to the present day. Köln, 1981, p. 76.
  4. جلال مینین مقامه ای منظوم به زبان فارسی - "ایران نامه"، سال سوم، شماره ۷، واشنگتن، ۱۳۷۴، ص. ۷۳۲-۷۰۵.
  5. بهار ملك الشعر سبب شناسی، جلد دوم، تهران ۱۳۳۱ ص. ۱۲۷.
  6. سعدی. رساله صاحبیه - جلد دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه فردوسی. شماره اول سال دوم شماره مسلسل ۳۶، مشهد، بهار ۱۳۵۳، ص. ۳۲-۷۶.
  7. Там же, с. 34.
  8. Там же, с. 36.
  9. Г.В.Степанов. О специфике художественного текста. - Язык. Литература. Поэтика. М., 1988, с. 150.
  10. В.М.Борисов, А.А.Долинина. Макамы аль-Харири и принцип их художественного перевода. - НАА. М., 1972, № 2, с. 115.
  11. Дж.Матини. Стихотворные макамы на персидском языке с. 714.
  12. В.М.Борисов, А.А.Долинина. Предисловие к кн. Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири. Макамы. М., 1978, с. 9.
  13. А.Н.Болдырев. Персидская литература с VIII по начало XIX века. - Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции. Л., 1971, с. 43.
  14. Плутовка из Багдада. М., 1963.

М.С.Пелевин

ЧЕТЫРЕ ГАЗЕЛИ ХУШХАЛЬ-ХАНА ХАТТАКА

Единственная в СССР крупная коллекция паштунских рукописей, хранящаяся в ЛО ИВ АН, не располагает собраниями сочинений Хуш-

халь-хана Хаттака. Однако, как это было выяснено В.В.Кушевым,^I в одном из списков имеется небольшое приложение, в состав которого входят четыре газели Хушхаля, идентифицируемые по тахаллусу и современным изданиям его произведений.

Сама рукопись под шифром В 245I представляет собой список дивана Мирзы-хана Ансари (1580-1630/33), внука знаменитого Баязида Ансари, основателя учения и политического движения рошани.

Диван занимает 138 листов и содержит не расположенные по разделам газели, касыды и мухаммас. В приложении на 7 листах даны отдельные стихотворения других поэтов: четыре газели Хушхаль-хана, по одной газели Абд ал-Кадира Хаттака (1651-1712), сына Хушхаля, Давлата Лаваная (XVI-1633) и Пайанды (XVII?), а также шесть газелей Абд ар-Рахмана Моманда (1650-1712). Начиная с газелей Хушхаля, на полях киноварью делается приписка **بیان افغانی**, а затем

بیان دیگر.

Текст дивана и приложенных стихотворений выполнен насхом. Имя переписчика - Ибрахим ибн Абдаллах.

Рукопись вместе с несколькими другими приобрел Н.В.Ханьков в 1858 г. в Герате у муллы Дост Мухаммада, обладавшего, по-видимому, солидной библиотекой из книг преимущественно светского характера.

Рукопись была переписана в 1767 г., во второй половине XVIII в., когда общеупотребительным стал официальный алфавит Ахмад-шаха Дуррани, основанный в свою очередь на графической системе Абд ал-Карима, сына известного богослова Ахунда Дарвезы, главного оппонента рошанитской ереси. Эта система оставалась без изменений вплоть до незначительной ее реформации 1936 года. Газели Хушхаль-хана, вошедшие в рукопись графически выполнены в рамках этой системы.

Основная ее особенность - использование буквы **ش** не только для звука /ц/, как в современном алфавите, но и для /дз/ (**شان** - дзāн). Кроме того можно отметить употребление сочетания **ز** для носового ретрофлексного /ң/ (**کنزل** - гаңэл) и буквы "шин" для фонемы, обозначаемой ныне графемой **ش** и различающейся в произношении по диалектам (**بنکاره** - хкāра). Графема **ش** также встречается в рассмотренном текстовом материале: она регулярно пишется в послелого **کنش** /ке/ и в основе наст.времени сов.вида глагола /иходэл/ **کنشپرد** /кхегд/.

Использование западно-диалектных вариантов произношения слов "день" (**روح** - рвадз) и "земля" (**زک** - мээка) - вост.соотв.

ورغ /врадз/ и **زیکه** /змэка/ - возможно, свидетельствует о тяготении переписчика к западным наречиям пашто.

Орфография текстов газелей имеет все характерные для того

времени особенности:

I. Отсутствие в написании слов конечных букв ه , ی , و , обозначающих соответствующие исходные безударные звуки /a/, /e/, /i/, /o/, /y/

-у существительных: تور ۋم. توره , شونډ ۋم. شونډی

- у прилагательных: ساز ۋم. سازه

- у местоимений: энклитических م ۋم. می , د ۋم. دی , определительного وار ۋم. واره , неопределенного هښ ۋم. هښی

- у глаголов: اوس ۋم. اوسه , کاند ۋم. کاندی , شو ۋم. شوی

- у частиц и послелогов: ت ۋم. ته , کښی ۋم. کښی , به ۋم. به

2. Слитное написание предлогов с именами и отрицаний с глаголами: مکوه ۋم. مکوه , لړپاره ۋم. لړپار , په ټیځ ۋم. په ټیځ

Однако все эти черты старой орфографии не образуют на первый взгляд сколько-нибудь стройной системы и их последовательность не прослеживается (тем более на таком незначительном текстовом материале). Так, например, в часто встречающихся формах повелительного наклонения глаголов окончание /a/ иногда выписывается, а иногда нет. Имеются формы написания کړه и کړم , причем в обоих случаях глаголы находятся в одинаковом безударном положении. То же можно отметить и в отношении окончания множ.числа косв. падежа существительных /o/ (ترڅلو و د زلف تار). Встречаются также (хотя и значительно реже) полные написания послелогов ته , کښی , частицы به .

Окончательно ответить на вопрос о существовании или отсутствии устойчивых норм правописания у переписчиков афганских рукописей, по-видимому, довольно сложно. Внешний анализ текстов не позволяет установить какие-либо строгие закономерности в орфографии. Однако хочется думать, и это не противоречит логике, что переписчики паштунских сочинений, прежде всего профессиональные, все-таки руководствовались какими-то, возможно чисто индивидуальными, соображениями, мотивами или даже правилами при выборе того или иного варианта написания слова.

Графическое изображение неоднократно переписанной стихотворной фразы иногда может ввести в заблуждение относительно правильного ее произнесения или понимания. Ошибки при переписке неизбежны. В рассмотренных газетях Хушхалия мы обнаружили ряд явных опечаток: اداڼ ۋم. اعلا , اعلاج ۋم. اخله , چه ۋم. جهان , جمعيات ۋم. ادنی و т.д.

К тому же паштунская письменная культура не имела долгой и развитой традиции, сравнительно, например, с соседней персидской.

Самая ранняя из известных ныне афганских рукописей датируется 1651 г. По мнению В.В.Кушева число профессиональных паштунских каллиграфов едва превышало десять человек.² Возможно, все это сказывалось на качестве тех рукописей, что находились в руках образованных и состоятельных паштунов той эпохи. Нет уверенности в том, что эти рукописи сохраняли подлинный дословный авторский текст произведений как прозаических, так и поэтических. Предполагаемые погрешности в письменной передаче стихотворных произведений особенно важны, т.к. они могли вызывать нарушения в метрическом строе текстов.

Мы придерживаемся мнения Д.Н.Маккензи и А.Хабиби о силлаботоническом характере классического паштунского стиха.³ Поэтому с нашей точки зрения одним из главных критериев в восхождении к авторскому оригиналу является силлабо-тонический метр, очевидно, имеющий истоки в народной поэзии. Его определяющей чертой можно считать повторяемость ударных слогов, занимающих фиксированное положение в строке.

При переписке паштунских стихов могли теряться или наоборот добавляться отдельные слова, чаще всего односложные, что характерно для афганского поэтического языка в целом. Общий смысл и синтаксическое построение фразы при этом обычно не нарушались, но происходил сбой в размере. Вот лишь несколько примеров из разбираемых стихотворений Хушхаль-хана. В газели, имеющей 13 бейтов, две мисра выпадают из общего ритма:

зāhid хвах кундж-и хилват кэр
 'āшik? дэй пэ балā
 ? мисвāк кхегда пэ сар ке
 йā йе вутomba тэр млā

زاهد خوش کونج خلوت کمر
 عاشق دی په بلا
 مسواک کښېده په سرکښ
 یای وتونبه تر ملا

Маловероятно, что сам поэт допустил здесь слишком явный при звуковом воспроизведении промах. Для сравнения мы можем представить только литографированный вариант тех же газелей из пешаварского издания 1952 г., осуществленного Д.М.Камилом на основе нескольких рукописей и предыдущих изданий:⁴

... 'āшik хвах дэй пэ балā
 йā мисвāк кхегда пэ сар ке ...

عاشق خوش دی په بلا
 یا مسواک کښېده په سرکښ

Или же пример с наращением слогов:

یارد پشایست کښ د بهار تر کلو به دی ولی ته لسمه ولاړ گل تر کوی نظر

йāр де пэ хāйист ке дэ bahār тэр гуло биh дэй
 вале йе тэ лэ мэхa вэ лāлагул та кре назар

В литографии вторая мисра этого бейта выглядит так:

... вале йе лэ мэхa лāлагул та кре назар

Кроме того, как уже отмечалось, орфографические особенности разных рукописных текстов (невывисывание отдельных букв) могли обусловить неправильное их прочтение. Таким образом возникало как бы противоречие между первоначально задуманным, живым, ритмически звучащим и написанным, зависящим от руки, а может быть и воли, переписчика.

Не это ли послужило поводом для того, что в период становления и расцвета классической афганской поэзии почти каждый крупный поэт претендовал на первенство в ведении метрической системы в поэзию пашто. Такие заявления встречаются, например, в строках Давлата Лаваная, рошанитского поэта, одного из первых нам известных афганских стихотворцев. Позже Хушхаль-хан неоднократно хулил своих знаменитых предшественников за "безразмерность" их стихотворных произведений, называя себя основоположником паштунской метрической системы. Еще позднее уже Хушхалю доставалось за якобы дурной слог от других поэтов, в том числе Казым-хана Шайда, утверждавшего свой приоритет в изобретении размеров для паштунского стихосложения.

Конечно, это можно считать лишь поэтическим приемом для собственного возвышения и унижения других. Однако обращает на себя внимание то, что именно метр служил тем мерилом, пусть даже худо жественным, по которому оценивалось качество поэтического текста.

Нам мало что известно о реальной жизни афганского общества той поры и его выдающихся представителей, прежде всего интересующих нас литераторов. Все имеющиеся в источниках сведения носят характер отдельных фактов, позволяющих описать в основном историю военно-политических событий и отчасти социально-экономических процессов. Для восстановления более полной картины жизнедеятельности Паштунистана XVI, XVII, пер.пол. XVIII в. необходимо глубже подходить к изучению художественной литературы, которая, очевидно, еще не конца поделилась с нами всеми своими секретами.

Биографические сведения о ее творцах весьма скудны. Даже на сыщенная событиями биография Хушхаль-хана, доступная нам во многих деталях и подробностях, оставляет немало неясного, но существенного для представления о нем как о живом человеке, а не схематичном образе поэта-воина, национального вождя.

Большой интерес представляет проблема о действительных взаимоотношениях паштунских поэтов, их возможных знакомствах, поэтических спорах и т.д. На данный момент из-за отсутствия достоверных данных этот вопрос может решаться лишь на уровне легенд и гипотез. (Например, о встрече Хушхала и Рахмана Баба).

Несомненно одно - поэты прекрасно знали творчество своих собратьев по перу, прежде всего предшественников, по рукописным сборникам, имевшим, очевидно, широкое хождение среди них. Так, Хушхаль в одной из касид, посвященных поэтическому ремеслу, упоминает об имеющемся у него списке дивана Мирзы Ансари. Как выглядел письменный текст стихов Мирзы, разумеется, неизвестно, но Хушхаль насмеялся над их "безразмерностью", правда уже в другой касиде.

Вернемся к газелям Хушхаль-хана из рукописи собрания ИВ АН. Сравнивая их с литографским вариантом, можно увидеть, что расхождения между ними незначительны и тексты практически совпадают. Помимо огрехов переписчика, отмеченных выше, встречаются и некоторые разночтения, везде в общем не меняющие смысловое содержание:

ملهم، کلبور - یک طره (литография) معلوم (рукопись) - شکاره
 زدی به شرم ننگ خون اوردی - زدی به شرم ننگ خون اوری، آسمان - مولی، مرهم
 و کنج خلوت (с персидским изафетом) - کنج خلوت и т.д.

Пожадуй, только в одном бейте первой (по рукописи) газели рукопись и литография обнаруживают чуть разные образы:

Развернулась скатерть любви для угощения влюбленного. (рук.)

Распустился цветок любви как призыв к влюбленному. (лит.)

Эта же газель в рукописи имеет на один бейт больше, чем в литографии. Он следует за бейтом с тахаллусом автора и графически оканчивается на другую, нежели остальные строки, букву. Скорее всего дописан переписчиком:

مرد هفت کنگر خوشحال   پدی کبری مشغولا
 که حلال بخیل حرام کا   هفت مرد الا الله

Что касается содержания газелей, то оно традиционно для лирических произведений Хушхаль-хана этого жанра. Две газели выдержаны в едином, каждая в своем, смысловом ключе. Одна может быть отнесена к любовной лирике с учетом, конечно, возможной ее суфийской интерпретации. Вторая, написанная видимо в прсникнутые пессимизмом годы затухания антимогольской борьбы, развала паштунской коалиции и конфронтации поэта с собственной семьей и племенем, представляет собой жалобу на жестокий век, людскую ложь и лицемерие, отсутствие истинной дружбы и добродетели. Две другие газели носят философско-назидательный характер и тематически в чем-то схожи. Воспевание явно мистической любви и призывы к вступлению на ее путь сменяются в одном стихотворении едким порицанием показной набожности официальных шейхов, в другом - советом задуматься над своим праздным времяпрепровождением и начать готовить провизию из добрых дел для предстоящей дальней дороги.

Трудно, если вообще возможно, сказать почему именно эти газели оказались в списке дивана Мирзы Ансари. (Тем более, что сам диван нами не изучался). Может быть переписчик просто для заполнения оставшихся свободных листов вписал сюда несколько стихов восточных афганских поэтов (недаром он начал с наиболее знаменитого Хушхалия), которые имел под рукой в каком-нибудь сборнике, либо знал наизусть.

-
1. В.В.Кушев. Описание рукописей на языке пашто Института востоковедения. М., 1976, с. 53.
  2. В.В.Кушев. Афганская рукописная книга. М., 1980, с. II6.
  3. D.N.Mackenzie. Pashto Verse. - BSOAS. Vol. 21. P. 2. 1958. Абд ал-Хайй Хабиби. Дэ пахто адабийато тарих. Кабул, 1947.
  4. Куллийат-и Хушхал-хан Хатак. Сара дэ мукаддаме ав хашийе дэ Дост Мухаммад-хан Камил Моманд. Пешавар, 1371/1952.

М.В.Торопыгина

ОТОГИ-ДЗОСИ В ИЗДАНИЯХ ТАНРОКУ-БОН

Отоги-дзоси – прозаические произведения небольшой формы на японском языке, созданные в эпоху Муромати (XIV–XVI вв.). Вторая часть термина "дзоси" ("соси") – записи, первоначально – записи сделанные в сброшюрованной тетради. Это слово употреблялось в названиях литературных произведений еще в эпоху Хэйан (IX–XII вв ("Макура-но соси" – "Записки у изголовья"), но особенно часто слово "соси" встречается в названиях произведений и литературных жанров эпохи Эдо (XVII–XIX вв.): кана-дзоси, укиё-дзоси, куса-дзоси и т.д. Первая часть термина, слово "отоги", подробно разбирается в книге Итико Тэйдзи "Тюсэй сёсэцу-но кэнкю" ("Изучение средневековых сёсэцу"). По мнению автора слово "отоги" впервые появилось в произведении под названием "Мумё-дзоси" ("Записки без названия" (1196–1202) в предложении:

"Ко ёхи ва отогиситэ ягатэру акасан, цуки мо мэдзураси".¹
("Эту ночь будем коротать за беседой, луна так прекрасна".)

Итико Тэйдзи приводит семнадцать примеров употребления слова "отоги" ("отогу") (о – вежливый префикс), во всех примерах оно имеет смысл "коротать время за беседой".

В эпоху Муромати и несколько позже при дворах сёгунов и знатных даймё существовала специальная служба, которая называлась

отогисю (букв. группа отоги), люди из этой службы должны были знакомить своих хозяев с различными новостями, развлекать беседой и чтением. Непосредственной связи между существованием службы отогисю и появлением литературы отоги-дзоси, вероятно, не было, но, возможно, название отогисю сыграло определенную роль в появлении термина отоги-дзоси.² Со второй половины XVII века слово тоги (отоги) употреблялось в самых различных сочетаниях, список таких сочинений приводит Фудзии Отоо в работе "Отоги-дзоси".³

Отоги-дзоси известны, в основном, в рукописях. Барбора Рух говорит о трех основных типах рукописных изданий, связанных с бытованием отоги-дзоси. Это, во-первых, горизонтальные свитки с иллюстрациями; во-вторых, рукописные книги с иллюстрациями, которые в истории японской книги называются Нара-эхон (букв. книги с иллюстрациями Нара); считается, что создателями этих рукописных изданий с иллюстрациями в наивном стиле были монахи района Нара; эти книги начали появляться с XV века; и, в-третьих, копии - неиллюстрированные рукописи, где воспроизведен только текст (сяхон).⁴ Однако термин отоги-дзоси связан не с рукописями отоги-дзоси, а с изданием этих произведений ксилографическим способом. 23 рассказа, созданные в эпоху Муромати, были напечатаны между 1716 и 1735 годами в Осака, в типографии, владельцем которой был Сибукава Сэйюэмон. Все книги серии имели названия "Отоги-дзоси" и "Отоги бунко" ("Библиотека отоги"). В серию вошли следующие рассказы: "Бунсё соси" ("Записки о Бунсё"), "Хатикадзуки", "Комати соси" ("Записки о Комати"), "Ондзоси сима ватари" ("Путешествие Ондзоси на острова"), "Караитё соси" ("Записки о Караито"), "Ковата кицунэ" ("Лисица из Ковата"), "Нанакуса соси" ("Записки о семи травах"), "Сару Гэндзи соси" ("Записки об обезьяньем Гэндзи"), "Монокуса Таро", "Садзарэйси", Хамагури-но соси" ("Записки о хамагури"), "Ко Ацумори" ("Маленький Ацумори"), "Нидзюси ко" ("Двадцать четыре почтительных сына"), "Бондэнкоку" ("Страна Брахмы"), "Носэ сару соси" ("Записки об обезьяне из Носэ"), "Нэко-но соси" ("Записки о котках", это единственный рассказ из помещенных в серии, который не относится к эпохе Муромати, а был написан позже), "Хамайдэ соси" ("Выход в море"), "Идзуми-сикибу", "Иссумбоси", "Саики", "Урасима Таро", "Сютэн Додзи", "Ёкобуэ соси" ("Записки о Ёкобуэ"). Первоначально термин отоги-дзоси обозначал именно эти 23 произведения, потом его стали употреблять, имея в виду все рассказы эпохи Муромати. Но издание Сибукава Сэйюэмон не было началом истории издания этих произведений, отоги-дзоси начали издавать еще в начале XVII века, многие произведения этого жанра

были изданы как книги танроку-бон.

Книги танроку-бон – библиографическая редкость. Обычно они лишь упоминаются в историях японского книгопечатанья. Вышедшая в 1984 году монография Ёсида Когоро "Танрокубон"⁵ позволяет подробнее говорить об этих изданиях.

Термин танроку-бон состоит из трех иероглифов: тан – свинцовый сурик, оранжево-красный цвет, року (рёку) – зеленый, бон (хон) – книга. Этим термином обозначают издания, в основном ксилографические (но не только, есть ряд старопечатных изданий, где текст напечатан с деревянных литер), иллюстрированные, причем напечатанная с доски иллюстрация раскрашена вручную. Основными при раскраске являлись цвета, обозначенные в названии этого типа изданий: оранжево-красный и зеленый. Кроме этих могли употребляться и другие цвета: сиреневый (мурасаки) и желтый – довольно часто, – реже индиго, коричневый, серый, светло-зеленый. Особенностью иллюстраций изданий танроку-бон является наивный рисунок (унаследованный от рукописных книг Нара-эхон) и свободное наложение цвета, несовпадение границы цвета с контуром рисунка, что придает иллюстрациям колорит непрофессионального, детского рисования. Возможно, раскрашиванием рисунков действительно занимались не профессионалы, а члены семьи издателя. Книги танроку-бон печатали в Киото. Многие издания не имеют коллофонов, поэтому трудно датируются. История создания этих изданий не продолжительна: первые книги относятся к годам Кэйтё (1596–1615), к годам Гэнна (1615–1624) относится большинство старопечатных книг танроку-бон, годы Канъэй (1624–1644) – расцвет танроку-бон, в годы Сёхо (1644–1648) и Кэйан (1648–1652) эти книги теряют популярность, а в следующие годы Мэйрэки (1655–1658) и Мандзи (1658–1661) печатать танроку-бон практически перестали.

Книги танроку-бон подразделяют на четыре группы по формату, формат связан с типом используемой бумаги. Интересно, что для произведений разных жанров, как правило, использовался определенный формат.

Обон (букв. большая книга) – для этих изданий использовался сотр бумаги Мино (они, поэтому, иногда называются Мино-бан, т.е. издания Мино) размером 37 х 28 см. Сброшюрованы книги способом фукуро-тодзи (букв. брошюровка мешком): каждый лист сложен вдвое, текст напечатан только на внешней стороне, со стороны обреза лист прикреплен к корешку, соответственно перегиб листа становится внешним краем. Размер книги обон 28х18,5 см. Таким форматом выпущены Гунки и довольно много произведений отоги-дзоси.

Тюбон (букв. средняя книга, книга среднего размера) – для этих изданий использовалась бумага ханси размером 34x24 см. Формат книги соответственно 24x17 см. Для этого формата характерны издания ковака.

Ёкохон (букв. боковая книга, т.е. вытянутая в длину, книга, у которой длина листа превышает его высоту) – размер издания 15,6 x 23 см. Характерны издания ко-дзёрури. Этот формат имеют несколько изданий отоги-дзоси, сходных с книгами Сибукава Сэйуэмон.

Кохон (букв. маленькие книги) – размером 19,5x14 см. Таким форматом изданы, в основном, ко-дзёрури и сэккё-буси.

Обычно издания книг танроку-бон связывают исключительно с изданиями произведений художественной литературы эпохи Муромати: отоги-дзоси, ковака, ко-дзёрури.⁶ Ёсида Когоро специально останавливается на вопросе репертуара книг танроку-бон. Он выделяет издания произведений классической японской литературы (вернее, издание произведения японской классической литературы, поскольку Ёсида Когоро под этим термином понимает литературу эпохи Хэйан, а таким образом был издан лишь один памятник этого времени – "Исэ моногатари" (X в.), издания гунки, отоги-дзоси, кана-дзоси, текстов ковака, сэккё-буси и ко-дзёрури. Кроме этих жанров Ёсида Когоро отмечает также два свитка (эмакимоно), выполненные в технике танроку-бон, это свитки "Канъэй гёкоки" ("Императорская процессия годов Канъэй") и "Гион сайрэй гёрэцу эмаки" ("Свиток праздника Гион"). Вопрос включения свитков в танроку-бон остается спорным.

Издание "Исэ моногатари" особенно интересно для выяснения особенностей книг танроку-бон, поскольку почти в то же самое время, когда была выпущена эта книга, памятник был также издан в типографии Сага (т.е. был издан как книга Сага-бон).⁷

Из произведений жанра гунки как книги танроку-бон были изданы: "Хогэн моногатари" ("Повесть о годах Хогэн"), "Хэйдзи моногатари" ("Повесть о годах Хэйдзи"), "Хэйкэ моногатари" ("Повесть о доме Тайра"), – это из гунки эпохи Камакура (XIII в.), а также все три произведения этого жанра, относящиеся к периоду Муромати: "Гайхэйки" ("Повесть о великом мире"), "Гикэйки" ("Повесть о Ёсицунэ") и "Сога моногатари" ("Повесть о братьях Сога"). По объему произведения жанра гунки намного превосходят отоги-дзоси или ковака, издание "Гикэйки" состоит из восьми томов, "Сога моногатари" – из двенадцати. В этих изданиях особенно много иллюстраций. В 37-ом томе серии "Японской классической литературы"⁸ воспроизведены иллюстрации из издания "Гикэйки" танроку-бон, но в уменьшен-

ном формате и в черно-белом варианте.

Ковака (или ковакамаи - танец ковака) - сценическое искусство, расцвет которого приходится на вторую половину XVI - первую половину XVII столетий. Тексты ковака печатали двумя способами - с пометами для исполнения и без помет, как чисто прозаические произведения. В этом случае ковака практически ничем не отличаются от отоги-дзоси. Существует 36 "стандартных" текстов ковака, создание которых приписывают легендарному основателю этого искусства Момонои Наоаки (1403-1480), кроме этих 36-ти сохранилось еще 14 текстов.⁹ Ёсида Когоро называет 32 названия произведений ковака известных в изданиях танроку-бон.

Жанровая характеристика произведений кана-дзоси не совсем ясна. Этот термин можно пояснить двумя оппозициями. С одной стороны, кана-дзоси - произведения на японском языке, т.е. написанные каной, японской слоговой азбукой, а не кандзи, китайскими иероглифами. С другой стороны термин включает в себя понятие печатной книги в отличие от произведений, известных в рукописях (как отоги-дзоси). Кана-дзоси - переходная форма от отоги-дзоси к укиё-дзоси, это популярные издания 1600-1685 годов (в 1685 году появилось произведение, которое считается первым в жанре укиё-дзоси: повесть Ихара Сайкаку "Косёку итидай отоко" ("Мужчина, непревзойденный в любви").

Сэккё-буси (букв. мотив, мелодия для проповеди) - жанр устного повествования. Он развивался с конца периода Камакура. Проповеди читали монахи и монахини, обращая их к простому народу. В годы Кэйтё устное повествование переросло в форму сценического искусства: изменился стиль чтения и исполнитель стал использовать куклу. Расцвет искусства - годы Канъэй. Как и тексты других сценических жанров этой эпохи сэккё-буси не отличаются значительно от отоги-дзоси, иногда их рассматривают как отоги-дзоси. Известно пять названий сэккё-буси, изданных как танроку-бон. Четыре из них - ксилографические издания, одно - старопечатное. Эти книги отличаются особенной простотой, при окраске иллюстраций использованы всего два цвета - оранжево-красный и зеленый.

Происхождение термина дзёрури связано с легендами о Минамото-но Ёсицунэ (1159-1189) - любимом герое японской средневековой литературы. Дзёрури - возлюбленная Ёсицунэ, героиня отоги-дзоси "Дзюнидан дзоси" ("Записки в двенадцать данов"). Окончательное формирование этого искусства связано с именем Тикамацу Мондзаэмон (1653-1724), который написал свою первую пьесу дзёрури в 1684 году. Термин ко-дзёрури относится ко времени формирования этого жан-

ра, времени "до Тикамацу". Основные элементы искусства - куклы, это кукольный театр, особый стиль пения, или декламации текста, аккомпанемент сямисэна - трехструнного щипкового инструмента. Сохранилось довольно много ко-дзёрури в изданиях танроку-бон, в общей сложности 32 названия. На изданиях ко-дзёрури чаще, чем на изданиях других жанров есть дата публикации.

Наибольшее количество изданий танроку-бон приходится на произведения отоги-дзоси. Ёсида Когоро отмечает 57 изданий (43 названия).

Среди изданий отоги-дзоси выделяется особая подгруппа, это произведения из "Отоги бунко". Они того же формата, что и книги, напечатанные в начале XVIII века, иллюстрации те же, но книги Сибукава Сэйуэмон - черно-белые, а танроку-бон раскрашены. Для окраски применены кроме оранжево-красного и зеленого также красный, индиго, светло-абрикосовый (усу-момо иро), белый, желтый, коричневый и серебряный. Ёсида Когоро считает, что первоначально все произведения "Отоги-бунко" были напечатаны в Киото, и, возможно, продавались целой серией (как и книги Сибукава). Ёсида Когоро предполагает, что Сибукава Сэйуэмон мог приобрести эти доски и с них же напечатать свою серию, а поскольку ко времени выхода в свет серии Сибукава Сэйуэмон раскрашенные книги уже не были в моде (либо по финансовым соображениям), они были оставлены черно-белыми. По мнению Ёсиды книги танроку-бон должны быть датированы годами Канъэй. Это книги формата ёкохон, напечатанные на бумаге маниай-гами. Если все эти предположения верны, то появление термина отоги-дзоси следует отнести к началу XVII, а не к началу XVIII века, как это принято сейчас. Сохранилось семь изданий отоги-дзоси танроку-бон, сходных с изданиями XVIII века: "Бунсё соси", "Комати соси", "Ондзоси сима ватарии", "Идзуми-сикибу", "Нанакуса соси", "Моногуса Таро", "Садзарэиси".

Несколько произведений из "Отоги-бунко" не являются сходными с книгами Сибукава, но были изданы как книги танроку-бон:

"Хатикадзуки" - старопечатная книга годов Канъэй формата обон, I т., 6 ил.

"Ёкобуэ Такигути-но соси" ("Записки о Ёкобуэ и Такигути"), другое название "Ёкобуэ соси" - старопечатная книга годов Гэнна или Канъэй формата обон.

"Урасима" (в "Отоги-бунко" - "Урасима Таро") - ксилографическое издание годов Канъэй, формат обон.

"Карайто соси" - этот рассказ сохранился в двух изданиях танроку-бон: ксилографическом годов Канъэй формата обон и старопечатном

годов Канъэй.

"Хамагури-но соси" - ксилографическое издание годов Канъэй, формат обон.

"Сару Гэндзи" (по "Отсги бунко" "Сару Гэндзи соси") - ксилографическое издание 1658 года, формат обон.

"Бунсё соси" - ксилографическое издание 1653 года, формат обон, 12 ил. размером 20x16 см.

"Комати соси" - два издания: ксилографическое годов Канъэй формата обон и старопечатное годов Канъэй.

Среди изданий отоги-дзоси выделяется группа произведений, названиях которых есть определитель "хондзи" (хон - корень, основа, дзи - земля, переводится как "легенда"). Произведения хондзи или хондзимоно, есть во многих жанрах, в том числе в жанрах эпо Муромати, например, многие проповеди сэккё-буси - хондзи. Эти произведения восходят к ранней литературе и протоистории, в них рассказываются легенды об основании буддийских храмов и синтоистских святилищ, происхождении богов, будд, Солнца, Луны, возникновении местных верований и топонимов. Вероятно, в числе произведений отоги-дзоси хондзи следует выделять в особую категорию. 9 таких произведений сохранились в изданиях танроку-бон:

"Тикубудзима-но хондзи" ("Легенды Тикубудзима") - старопечатное издание годов Гэнна, формат обон, 1 т.

"Кумано-но хондзи" ("Легенды Кумано") - ксилография годов Канъэй формата обон, 3 т., 63 ил. (20x15 см).

"Отака-но хондзи" ("Легенды Отака") - ксилографическое издание годов Канъэй формата обон.

"Тэндзин-но хондзи" ("Легенды о небесных божествах") - ксилография 1648 года, формат обон.

"Цукихи-но хондзи" ("Легенды о Луне и Солнце") - два издания: ксилографическое годов Сёхо или Кэйан формата обон и старопечатное (в нем рассказ называется "Цукимицу-но соси") годов Канъэй.

"Кобо Дайси-но хондзи" ("Легенды о Кобо Дайси") - ксилографическое издание 1654 года формата обон, 3 т., 24 ил.

"Бисямон-но хондзи" ("Легенды о Бисямон") ксилография 1654 года формата обон.

"Сяка-но хондзи" ("Легенды о Шакья") - ксилографическое издание 1656 года, формат обон.

"Кибунэ-но хондзи" ("Легенды Кибунэ") - ксилографическое издание годов Канъэй формата обон.

Таким образом, Ёсида Когоро доказывает, что уже в первой половине XVI века многие произведения отоги-дзоси были изданы,

не только существовали в рукописях.

-----

1. Итико Тэйдзи. Тусэй сёсэцу-но кэнкю (Изучение средневековых сёсэцу). Токио, 1956, с. 7.
2. Putzar Edward. The Tale of Monkey Genji - Sarugenji-zoshi. - Monumenta Nipponica, 1963, v. 18, n. 1-4, p. 286-312.
3. Фудзии Отоо. Отоги-дзоси. Токио, 1932.
4. Ruch Barbara. Otogi-zoshi. - Kodansha Encyclopedia of Japan. Tokyo, 1983, v. 6, с. 129-130.
5. Yoshida Kogoro. Tanrokubon. Tokyo, New York and San-Francisco, 1984.
6. См. напр.: Chibbett David. The History of Japanese print and book illustration. Tokyo, New York and San-Francisco, 1977.
7. Создателем стиля Сага-бон был Хоннами Коэцу (1558-1637), каллиграф, живописец, мастер прикладного искусства, издатель. Типография Сага существовала 15 лет, было напечатано 13 названий книг. См.: В.В.Завадская. Японское искусство книги (XV-XIX века). М., 1986.
8. Гикэйки. Токио, 1959 (Нихон котэн бунгаку тайкэй, т. 37).
9. См. М.В.Иванова. Тексты ковака в истории японской средневековой литературы. - Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1986, ч. I, с. 168-176.

С.Хойслер

"ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ШЕСТЕРЫХ ВАССАЛОВ" НАМ ХЁНА И ТРАДИЦИИ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

"Жизнеописание шестерых вассалов" ("Юксин джон") написано корейским ученым и литератором Нам Хёном (1454-1492) во второй половине XV века. Язык памятника - ханмун. Произведение содержит шесть самостоятельных жизнеописаний, посвященных жизни и деятельности знаменитых конфуцианских ученых, поэтов, государственных деятелей Кореи середины XV века. Общим для всех шестерых выдающимся деянием является их участие в заговоре 1456 года, предпринятом ими с целью восстановления на престоле государя Танджона (1453-1455), свергнутого узурпатором Седжо (1455-1468). Заговор был раскрыт, и в результате все шестеро - Сон Саммун, Пак Пхэннён, Ли Гэ, Ха Виджи, Лю Сонвон и Ю Ынбу - подверглись пыткам и были казнены. Для последующих поколений их имена стали символами пре-

данных государю подданных, и шире – верных своим принципам люде
В историю они вошли как "Сарюксин" – "Шестеро казенных вассало

Произведение Нам Нёона дошло до наших дней только в рукопи
ном виде. Нам пока известны два его варианта. Упомянутый выше в
риант "Юксин джон" хранится в библиотеке академии наук КНДР. П
мимо этого существует вариант, носящий название "Пу юксин джон"
"Жизнеописание шестерых вассалов с приложениями". Он хранится в
Рукописном фонде ЛО ИВ АН СССР. Кроме жизнеописаний "Шестерых к
зенных вассалов" в него включены жизнеописания близких им по ду
или судьбе людей: жизнеописания Хо Ху, Ли Чинока, Чон Бона, Ким
Сисыпа, а также самого автора "Юксин джон" – Нам Хёона. Время и
место создания обоих памятников не обозначены. Однако можно пре
положить, что "Пу юксин джон" написан не ранее 1627–1636 гг. В
нем даются ссылки на ряд памятников XV–XVI вв., самый поздний и
которых датируется 1627–1636 гг.

"Жизнеописание шестерых вассалов" относится к жанру биогра
фии – чон (кит. чжуань), но – к особому типу – неофициальной би
графии, т.е. не включенной в официальное историческое сочинение
Такого рода произведения создавались частными лицами, далекими
службы при дворе, по собственной инициативе (ср. "Кюнё джон" –
"Житие Кюнё", составленное буддистом Хёк Нёнчхоном в 1075 г., "
дон ко сын джон" – "Жизнеописания выдающихся монахов страны к
Востоку от моря", составленные буддистом Какхуном в 1215 г., би
графии в неофициальной истории "Самгук юса" – "События, оставши
ся от времен трех государств", созданной буддийским монахом Ким
Ирёном в 1285 г.).

"Жизнеописание шестерых вассалов" также не было написано по
указу государя. Сложившаяся ситуация подразумевала создание тол
ко неофициальной биографии. Для Седжо и его окружения "Шестеро
казенных" были преступниками, и, естественно, ни о каких их би
графиях речи быть не могло. Однако для оппозиционно настроенных
по отношению к Седжо конфуцианцев действия "Шестерых казенных"
их смерть, были утверждением высшей нравственности. И с этой то
ки зрения их биографии должны быть написаны: имена и деяния эти
людей следовало сохранить для потомков, защитить от суда "вульга
ного" мнения (2, 234), следовало показать правоту их принципиал
ного отношения к долгу верного подданного.

Одним из тех, кто посвятил свою жизнь этой цели, был Нам Х
он. Он с детских лет находился под впечатлением событий 1456 г.
много читал и размышлял о преданности "Шестерых казенных" свое
государю. В 1481 г. (по другим сведениям – в 1478 г.) он подал

имя государя Сонджона (1470–1494) прошение, в котором ходатайствовал о восстановлении усыпальницы Сорын – места погребения матери свергнутого государя Танджона. Не добившись успеха, Нам Хёон оставил мысли о службе и бродил по стране. Именно в этот период он составил "Жизнеописание шестерых вассалов". До конца последовательный в своем решении – не служить до тех пор, пока дело о заговоре 1456 г. не будет пересмотрено, он скончался от болезни во время странствий. Произведение его долгое время хранилось в земле. Его официальное издание стало возможным лишь в годы правления государя Сукчона (1675–1720), когда было воздано должное "Шестерым казненным", а также тем, кто боролся за признание их заслуг.

Таким образом, по логике событий биография "Шестерых казненных" могла быть только неофициальной. Однако, по своему содержанию, стилю, оценке деятельности человека и т.д. она должна была быть разновидностью официальной биографии. Ее традиции в корейской культуре ко времени создания "Жизнеописания шестерых вассалов" насчитывали много веков. В этой области корейские авторы вплоть до конца XIX в. ориентировались прежде всего на известный труд китайского историографа Сыма Цяня "Шицзи" – "Исторические записки".

Героями биографий, включенных в "Жизнеописание шестерых вассалов" избраны, как и в официальных биографиях (2, 235; 5, 135–142; 7, 101), лишь незаурядные личности: известные конфуцианские ученые, литераторы. Некоторые из них принимали участие в создании корейской национальной письменности. Их поведение могло служить примером в деле нравственного воспитания будущих поколений. Таким образом, задачи, которые ставил перед собой Нам Хёон, были одинаковы с задачами авторов исторических сочинений. В его произведении были отражены лишь выдающиеся деяния персонажей. Подчеркивалось усердие каждого в изучении конфуцианских классических книг, рвение на государственной службе, их таланты. Особо отмечалось расположение государей Седжона и Мунджона, ценителей науки и искусства, к данным ученым. Больше всего обращено внимания на стойкость и мужество "Шестерых казненных" при допросах, во время пыток. Отмечалась также особая почитательность к родителям.

Персонажи "Жизнеописания шестерых вассалов" изображаются прежде всего в официальной государственной сфере. В этом произведении также следует традициям официальных биографий. Сведения о семейной жизни героев попадали в произведение лишь постольку, поскольку они имели отношение к центральной проблеме произведе-

ния - исполнение подданными своего долга перед государем. К примеру, под этим углом зрения в произведение включены сведения о женах Пак Пхэннёна и Сон Саммуна, сохранивших до конца жизни верность своим мужьям.

Образы героев в "Жизнеописании шестерых вассалов" характеризуются большой статичностью. "Шестеро казненных" с самого начала характеризуются как преданные подданные, то есть высвечена их основная сущность. Все прочие перечисленные выше и другие их свойства и поступки рассматриваются лишь как проявление в различных ситуациях этого изначально присущего им качества, а не как доказательство его развития или постепенного накопления.

В отличие от официальных биографий в "Жизнеописании шестерых вассалов" уделено значительное внимание душевному состоянию героев. Так, например, рассказывается о попытке самоубийства Пак Пхэннёна, потерявшего надежду на счастливый исход дел своего государя. Пак Пхэннён меняет свое решение, поскольку друзья уговаривают его присоединиться к их заговору. Такой подход к изображению героя нам кажется чуждым официальной биографии: в ней человек всегда действует с уверенностью, он не колеблется, и тем более его никто не должен уговаривать в чем-либо, чтобы изменить решение.

То же самое относится и к описаниям эмоциональных переживаний героя. Они были нежелательными в официальной биографии (3, 61; 5, 148). Между тем, в "Жизнеописании шестерых вассалов", в биографии Сон Саммуна, дается довольно подробное описание переживаний Сон Саммуна и его отца, Сон Сына: "Услышав весть о том, что Танджон отрекся от престола, Сон Сын несколько раз посылал раба в канцелярию вана с вопросом, но Саммун долго не отвечал ... Потом он обратился к Небу и, глубоко вздохнув, сказал: 'Все кончено!' Раб передал эти слова Сон сыну. Тот тоже глубоко вздохнул и, погоняя коня, поспешил домой ... Слезы у него лились как из родника. Он сразу же сообщил [вану], что заболел, лег в своей комнате и не вставал. Члены семьи тоже не могли видеть его ..." Здесь передан весь драматизм ситуации, безысходность положения героев.

Своей сосредоточенностью на изображении душевного состояния героя в "Пу юксин джон" особо выделяется жизнеписание Ким Сисыпа. В нем передан смятенный дух Ким Сисыпа, его возмущение и скорбь по поводу испорченности нравов в его век, его стремление к абсолютной внутренней свободе. Автор этого жизнеописания пытается проникнуть во внутренний мир своего героя, понять, почему Ким Сисып так странно себя вел. Но он часто вынужден признавать, что

"мысль Ким Сисыпа выходила за пределы обычных чувств" и что "вход его мыслей трудно проникнуть".

Такое повышенное внимание к мыслям и чувствам героя, как в жизнеописании Ким Сисыпа, не характерно ни для официальных, канонических жизнеописаний, ни для неофициальных жизнеописаний буддийских подвижников предшествующего времени. При всей сосредоточенности буддистов на психологии, на мыслительных операциях личности, в буддийскую агиографию обычно не попадали сведения о внутренней жизни героя, которая, судя по обстоятельствам жизнеописания того или иного подвижника, должна была быть весьма напряженной (6, 10; 5, 166). В то же время именно эта проблема — напряженная духовная жизнь человека была центральной в жизнеописаниях жрецов-поэтов периода Объединенного Силла (УП-Х вв.), помещенных в неофициальной истории "Самгук юса", поскольку считалось, что мобилизация всех внутренних сил личности в определенной (ритуально значимой) ситуации имела непосредственное влияние на благополучное состояние общества и даже всего космоса. Причем она отражалась в поэтическом тексте, который в ходе ритуала сочинял жрец, а не в прозаическом описании ритуала, которое и составляло, по существу, жизнеописание жреца-поэта.

Однако надо признать, что эта тенденция (стремление проникнуть во внутренний мир героя и передать его эмоциональное состояние в критическую минуту), явно связанная с местной традицией жизнеописаний, не является в памятнике абсолютной. Наряду с ней в "Жизнеописании шестерых вассалов" дает о себе знать и другая, идущая от официальной биографии, — использование при описании такого рода ситуаций стандартных формул, констатирующих лишь сам факт отчаяния героя, например, выражений типа: "горько заплакал", "был печален", "залился слезами" — применительно к Сон Саммуну и Хо Ху.

Углубленное проникновение во внутренний мир персонажа, стремление высветить его психологическое состояние в трудную минуту реализуется в "Жизнеописании шестерых вассалов" в числе прочего и за счет такого приема: автор показывает отношение к герою в этот момент его родных и близких, не понимающих его и даже осуждающих его поступки. Так, о Ю Ынбу рассказывается, что несмотря на его высокое служебное положение, его семья терпела крайнюю нужду, так как Ю Ынбу проявил беспредельную честность и бескорыстие при исполнении своих служебных обязанностей. "Жена и дети его были недовольны этим и ругали его. В день его смерти они плакали и говорили прохожим: 'когда он был жив, он не мог никого защитить. Когда умер, тоже свалилась беда!' Можно, конечно, предположить, что

упоминание этого эпизода продиктовано желанием автора создать идеальный образ Ю Ынбу, подчеркнуть необыкновенную его честность, бескорыстие, преданность государю. Однако поведение жены и детей Ю Ынбу противоречит конфуцианской морали: семья благородного мужа не должна конфликтовать с ним, а наоборот, — проявить такое же нравственное совершенство как он сам, тем более после его смерти. Естественным, что включение такого рода эпизода в официальную биографию было бы нелепо. Возможно, что здесь сказывается воздействие литературы пхэсол, которая очень внимательно относилась к бытовым, поведенческим моментам (I), во всяком случае, в большей степени, чем официальная историография.

Связь "жизнеописания шестерых вассалов" с местной традицией прослеживается в отношении его автора к стихам, введенным в текст отдельных жизнеописаний. Как известно, официальная биография обычно выстраивает события жизни героя в хронологической последовательности (3, 51-68; 5, 28, 134). Эта же закономерность прослеживается и в "жизнеописаниях шестерых казенных". Однако в некоторых из них обнаруживаются инверсии, которые могут быть связаны со стихами — с обстоятельствами их создания и т.д. Стихи обычно вынесены в конец жизнеописания. Так обстоит дело в жизнеописаниях Пак Пхэннэна, Соң Саммуна, Ли Гэ и Ю Ынбу. Во всех этих случаях стихи связаны с утверждением героем своей верности свергнутому государю (исключением является жизнеописание Ха Виджи, где стихотворение находится в середине жизнеописания и не связано с временной инверсией. Это может объясняться тем, что стихотворение по своему содержанию связано с клятвой верности не государю, а своему другу и единомышленнику — Пак Пхэннэну). Инверсии, связанные со стихами, наблюдаются в трех жизнеописаниях. Так, в конце жизнеописания Ю Ынбу рассказывается о положении в его семье до и после его смерти, затем цитируются его слова, произнесенные в начале заговора. А после этого следует следующий фрагмент: "Когда-то раньше он [сочинил] стихи, [которые он] посвятил начальнику округа, подчиненного воинскому начальнику провинции Хамгильдо:

Полководец взял верительную бирку
и усмирил варваров на границе.

На заставе нет пыли [войны],
воины [спокойно] спят.

Пять тысяч резвых коней —
их ржание раздается под ивами.

Три сотни лучших соколов —
они сидят перед башней.

В этом [стихотворении] тоже проявился его моральный дух. Он не имел сыновей, у него были [только] две дочери". "Возможно, что вынесение поэтического текста с соответствующим прозаическим обрамлением в конце жизнеописания восходит к местной традиции. Известно, что текст хянга также приводился в конце жизнеописания жрецов-поэтов Объединенного Силла (4, 16-178).

Оба варианта "Жизнеописания шестерых вассалов" представляют определенный этап на линии эволюции корейской биографической литературы. Они являют собой своего рода синтез традиций официальной историографии и неофициальной, традиций китайских и корейских, и, что особо следует отметить, они свидетельствуют о большой живучести именно древних корейских представлений об элитарной личности и значимости ее биографии.

Литература

1. Елисеев Д.Д. Корейская средневековая литература пхэсоль. М., 1968.
2. Кроль Ю.Л. "Записи историка" как литературное произведение. - Литература древнего Китая. М., 1969.
3. Кроль Ю.Л. Сыма Цянь - историк. М., 1970.
4. Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.
5. Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV века. М., 1969.
6. Lives of Eminent Korean Monks. The Haedong Kosung Chon. Harvard University Press. Cambridge, 1969.
7. Twitchett D.C., Chinese Biographical Writing, - Historians of China and Japan. London, 1961.

МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКУ КОРЕЙЦЕВ КИТАЯ

Настоящие материалы собраны мной в Ленинграде в ноябре 1988-январе 1989 г. от стажерки ЛГПИ им.А.А.Герцена по русскому языку и литературе Чань Поксун (張福順 кит. Чжан Фушунь), 23 года, уроженки города Киллим (吉林, кит. Цзилинь) одноименной провинции КНР. Отец информантки - уроженец провинции Хамгён Пукто, в настоящее время входящей в состав КНДР. Мать родилась в провинции Кёнъсандо, сейчас находящейся на территории Корейской Республики, но в раннем детстве была вывезена в Китай.

Чань Поксун закончила русское отделение Шанхайского университета, а затем в течение года с лишним стажировалась в Ленинграде до момента нашего знакомства. Таким образом, в течение более шести лет она была оторвана от корейской языковой среды, что не могло не сказаться на ее владении корейским языком. В первую очередь это выразалось в том, что она во всех случаях общения со мной предпочитала говорить по-китайски или по-русски. Во-вторых, Чань Поксун забыла целый ряд корейских слов, в том числе относящихся и к базисной лексике, несмотря на то, что в детстве она долгое время прожила в корейской деревне. Корейское письмо Чань Поксун читает с трудом.

Таким образом, ценность собранных мной материалов значительно снижается вышеприведенными обстоятельствами. Тем не менее, их публикация мне представляется целесообразной по следующим причинам: 1) по языку корейцев Китая в настоящее время опубликовано достаточно мало - из двух известных мне работ одна имеет дело с другим диалектом,¹ вторая - с китаизмами в языке корейцев Китая;² 2) степень владения родным языком у моей информантки очевидно отражает ассимиляционные процессы, идущие среди представителей национальностей КНР, в первую очередь среди молодежи, которая вынуждена учиться по-китайски для того, чтобы получить образование в престижных университетах; 3) как представляется, в речи моей информантки сохранились некоторые архаизмы, которые довольно интересны с точки зрения истории корейского языка.

Материалы³

I. Фразы

нёму талсо

"очень сладко"

ноллэвайо "приходите в гости" (букв. "приходите развлечься")
и сарам хим с'еда "этот человек силен"
и сарам йэг'е сё иссо "этот человек стоит здесь"
йэг'е сё иссэра "стоять здесь"
сэдза "давай встанем"
сарам канда "человек идет"
нә ма:м'еро и сарам канда "я думаю, что этот человек придет"
нубэцадза "давай спать"
ури цибе ка^лза "пойдем к нам" (букв. "пойдем в наш дом")
и джиби квенцантха "этот дом хороший"
и джиби х'еанада "этот дом красивый"
цхубын Дуньсами "холодная зима"
ирыл кырә ан супта "дело не такое легкое"
кобын йэ^лза (йэза) "красивая женщина"
кори апхыда "болит голова"
тәсинын Гук "горячий суп"
тыбун кук "горячий суп"
пабыл мэкко наньн нубэ^лзассо "поев (букв. поев рис), я легла
спать"

мури маси^лза "выпьем воды"
сури маси^лза "выпьем водки"
саньдзэм'е ка^лза "пойдем в магазин"
п'эньвэн'е каза "пойдем в больницу"
ситтань'е каза "пойдем в столовую"
ноллэказа "пойдем гулять"
чиб'е каза "пойдем домой"
нә чиб'е вассо "Я пришла домой"
нә чиб'е торэвассо "Я вернулась домой"
нә самбар'е канда "Я иду на работу"
нә сор'эн'и кассо "Я уехала в СССР"
эн^лз'е канынде "Когда уезжаешь?"
мури эпта "нет воды"
мәза "давай свяжем"
пучхиза "давай приклеим"
тамбә пхиудза "давай покурим"
ни хондза кара "ты иди один"
чо мөнде пада поинда "там вдали виднеется море"
нә кхо кхыда "у меня большой нос"
нә сон килда "У меня длинные руки (букв. кисти рук)"
нә пхари килда "У меня длинные руки"
наньн наму човаханда "Мне нравится дерево"

нанын и наму човаханда "Мне нравится это дерево"

нанын и джип човаханда "Мне нравится этот дом"

2. Слова⁴

солнце	хари/хори	сегодня	оньл
луна	та́л (вспомнила с трудом)	завтра	на́ри
звезда	-	вчера	озе
небо	ханыри	послезавтра	море
ветер	парам	послепослезавтра	-
облако	курум	позавчера	кыдзэге
камень	то:л	позапозавчера	-
дерево	наму	час	си
трава	пхул	минута	пун
гора	сан	секунда	-
река	парак, канъя	голова	ко:л
поле	патхе	волосы	мэри
озеро	-	лицо	э́лгул, нат
море	пада	затылок	-
берег	-	темя	-
скала	-	висок	-
снег	ну:н	лоб	има
дождь	пи	ухо	кү
град	-	глаз	нун
ветка	-	рот	ип
лист	-	щека	-
песок	морä	губы	ипсул
волна	-	зубы	иппал
земля	хыл	язык	хәттәги, хә
вода	мул	нос	кхо
огонь	Бул	брови	нунсуп
лето	йэрым	ресницы	-
осень	ка:ыл	веко	-
зима	тонъсам/Дунъсам	шея	-
весна	поми	горло	моганьдзи
день	назе	плечо	оккә (вспо
ночь	пами		нила с тру
утро	ачким		дом)
вечер	чән'эге	грудь	касым
год	н'эн	рука	пха:л
этот год	олгә	кисть руки	сон
месяц	тол/тел	локоть	-
неделя	чури	палец	сонгара

большой палец	-	собака	кә
указательный палец	-	лошадь	мел
средний палец	-	корова	ссот
безымянный палец	-	птица	сәби
мизинец	-	курица	талги
ладонь	сонпадак	куриное яйцо	талг'а
запястье	сонмоги	свинья	твәдзи
живот	пә	соль	согум
ребро	-	мед	ккул
женская грудь	дзэ́т	мир	сезань
пуп	хәккумёнь, пәккоп	дом	джип
бедро	тари	комната	паньә
поясница	хэри	кухня	цәнъдзе
нога	тари	стол	саньи
ступня ноги	пал	стул	кылсань
колено	-	шкаф	күщань
подошва	палпадак	письменный стол	кылссынын сань, чхәксань
палец ноги	палкарак	телевизор	диәншы (< кит. 电视)
ягодицы	куньи	холодильник	диәнбиньсань (< кит. 电冰箱)
ноготь	-	стиральная машина	сийидзи (кит. 洗衣机)
кожа	-		
кровь	пхи	утюг	тарими
слюна	чхум	кастрюля	сутхи
сопли	кхомул	пол	ттань
слезы	нунмул	стена	п'эк
моча	озум	потолок	цхэнгү
кал	тфонь	крыша	чүбынь уйе
волосы на теле	тхэл	дверь	мун
усы	-	окно	цхань
борода	-	труба	йенгилтхонь
кость	-	лампа	тынь
пятка	палкыры	двор	маданье
сердце	симдзань	ограда	-
печень	кам	ворота	мадань мун
почки	-	я	нә
кишки	цхандза	мы	ури
лиса	-	ты	ни
тигр	бэ́ми	вы	нэ́на
лев	саза	Вы	таньсин
медведь	-		

он	ка	пять дней	тассэтыл
они	кадыл	шесть дней	йэссэдыл
этот	ицэккэ	семь дней	илгодыл
тот	цэцэккэ	восемь дней	йэдэддыл
здесь	йэге	девять дней	аодыл
там	цэге	десять дней	йэлдыл
где	эде	ножницы	касиге
кто	нуги	дыра	кумэнь
что	мусыги, мвэге	часто	цакку, цазуп
сколько	элма	редко	-
какой	мусын	обычно	потхонь
который	энынги/энынге	всегда	-
один	хана/ханна	иногда	эттынтта
два	ту:л/ду:л	быстро	пари, патха
три	сеи	медленно	тымуге,
четыре	неи		цхэнцхэ ² и
пять	тасэ	много	мантха
шесть	йэсэ	мало	цэтта
семь	илго	белый	с'етхейань
восемь	йэдэя	синий	пхурын
девять	ахо	красный	пулгын
десять	йэл	зеленый	-
одиннадцать	йэранна	черный	сикмын
двенадцать	илдул	старый	нылгын,
двадцать	сумэл		нылгэсо
двадцать один	сумэрханна	поздний	нызын
тридцать	сөнсип	сильный	с'еда
сорок	сасип	пустой	п'уза
пятьдесят	осип	хороший	цотха
шестьдесят	йуксип	холодный	цхупта
семьдесят	чхилсип	имя	ирым
восемьдесят	пхалсип	метис	хон'энья
девяносто	кусип	бежать	ттинда
сто	илпак	дуть	пунда
тысяча	чхэнын	делать	ханда
десять тысяч	-	резать	ккыныра
сто миллионов	-	бить	ттэринда
один день	ханыл	хромать	тари цэлда
два дня	итхыл	знать	анда
три дня	седыл	не знать	морунда
четыре дня	недыл	покупать	санда

продавать	пхалдза	писать	ссэза
читать	-	приходить	оза
мыть	ссицца	идти	каза
подниматься	оллэказа, оллэканда	стоять	сэра
спускаться	нирэказа, нирэканда	цаза	спать
выбирать	колдинда	ложка	суккараги
жить	санда	отец	абэдзи
умереть	цуньинда	мать	эмма, эмэ
убить	цугинда	старший брат	оппа
лизать	-	жена	сқкси
считать	-		

3. Текст

Нанын цосэн сарамийо. Ури абэдзи койаньины цосэн идзимэ. Ханьг'эндо сарам идзэ, эмэнын к'эньсаньдо сарамийо. Нанын чунгу'есэ наччимэ. Т'игым чиб'енен эм... абэдзинен санн'эндзэн'е сесань ттэго т'игым оппанын цэньге... мэндзэ мэндзэ (вм. пэлссэ) касэ т'игым цэгэ секси хаго эмма хаго тоньс'ань хаго калчки калчки салджимэ. Нанын т'айак пхирэпхаго йэге сор'эн'е ваччимэ. Вэлла ду:н'эн ду:н'эн коньбу хайадыччимэ. Т'игэм ханн'энманна нэмэччимэ. Торэ Торэваго кырэ санья торэ санья торэгайтвеччимэ. Кырэ сэнс... тайаксэ сэнсаньи халджимэ. Санганэн кхын синьнде ч'оччимэ. Нанын намбанье исэ канын нэму тэпчимэ, нэму тэбэ тэпчимэ. Сарамдо манкхо кырэ эммага кы... кырадо кырэкке сеньганьханынде тто койанье киллим сиро торэ: торэгамандо ч'оччимэ.

Перевод

Я - кореянка. Родина моего (букв. нашего) отца - Корея. [Он] родом (букв. человек) из провинции Хамгён, а мать родом из провинции Кёнсан. Я родилась в Китае. Сейчас дома ма[ть]... отец умер три года назад, сейчас старший брат сперва (вм. уже) женился и сейчас [он] живет вместе вместе со своей женой, мамой и младшим братом. Я окончила институт и приехала сюда в СССР. С самого начала [мне] нужно было учиться [здесь] два года. Теперь осталось около (букв. около только) одного года. Вернувшись, таким образом вернувшись в Шанхай, надо возвращаться в Шанхай. Таким образом, [я] буду преподават[елем]... преподавателем в институте. Шанхай - большой город, [и это] хорошо. Мне на Юге [Китая] слишком жарко, очень-очень жарко. Людей [в Шанхае] тоже много, поэтому и мама так думает, что лучше вернуться на родину в город Цзилинь.

Комментарий

1. Фонетика. Сдвой из наиболее ярких фонетических особенностей данного диалекта является ослабление смычки фонемы /-ц-/ в ин-

лаутной позиции, приводящее в конечном итоге к превращению ее в звонкий целевой /-з-/, например: кор. лит. йёджа "женщина", сада "лев", мэ:джа "давай свяжем" ср. с вышеприведенными йэ^лза/йэза, саза, маза. В ряде случаев /з/ появляется на месте стандартного /т/ в повествовательной форме глагола на -та, например: оза "приходить", каза "идти", цаза "спать" вместо литературных форм ода, када и чада. Логично было бы предположить развитие /т/ > /д/ > /р/ > /з/ (ср. сэра "стоять" вм. литературного сэда), однако против такой интерпретации свидетельствует форма пхалдза "продавать" (лит. пхалда), которая заставляет предполагать развитие /д/ > /д/ > /з/, однако при этом остается неясным причина перехода /д/в /дз/.

В ряде слов фиксируется рефлекс среднекорейского /л/ в вид /ɸ /, /ʈ / или /ǃ/. Традиционно считается, что рефлекс этой осбой среднекорейской фонемы сохранился только в диалекте острова Чечжудо, однако для ряда слов, аналогичным среднекорейским словаи имевшим в первом слоге /л/ мы отметили рефлекс, тождественный рефлексу диалекта Чечжудо:

	среднекорейский	диалект Чечжудо	диалект Чань Поксун
"солнце"	хли		хъри
"луна"	тал	тэл	тъл, тъл, та
"лошадь"	мал	мэл	мъл

В речи Чань Поксун происходит нерегулярное отпадение конечных имплозивных смычных, например сонгара < сонгарак "палец", тасэ < тасэт "пять", но палпадак "ступня", тэйак "институт". В одном случае отмечается замена конечного имплозивного при присоединении к нему суффикса с вокалическим началом не соответствующи полувзвонким взрывным, а гортанной смычкой: чуньгу[?]есэ вм. чуньгу Гесо или чуньгугесо "в Китае".

2. Лексика. В области бытовой лексики имеются китайские заимствования недавнего происхождения (см. слова "холодильник", "стиральная машина" и "телевизор" в вышеприведенных списках слов Из лексических архаизмов, не засвидетельствованных даже самыми ранними памятниками на национальном алфавите середины ХУ в., следует отметить слово парак "река" пара "река" + -ак (слово пара "река" засвидетельствовано словарем "Чосэнгван йёгэ", составленным в 1403-1424 гг.).

3. Морфология. В ряде слов наблюдается удлинение основы за счет присоединения к ней показателя именительного падежа -и, в некоторых случаях развившегося в более широкий гласный /е/ или

/ä/, например: паньä "комната", пами "ночь", ханьри "небо", назе "день" вместо соответствующих литературных пань (панъи), пам (пами), ханьл (ханьри), нат (наджи) (в скобках дана форма именительного падежа).

Для повествовательной речи характерна повествовательная форма конечной сказуемости на -чимё.

Деепричастие на -а/-э имеет только один ааломорф -э, в том числе и в тех случаях, когда корневым гласным является /р/, например, торэга = "возвращаться" вместо ожидаемого торага =.

Названия десятков, начиная с тридцати заменены исключительно китайскими заимствованиями. Числительное чхэнын "1000", восходит, по-видимому, к числительному чхэн "1000" + -ын (показатель топика), однако вполне вероятным представляется и то, что оно может восходить к среднекорейскому чмын "1000", с ассимиляцией /м/, последующему /н/, диссимиляцией гласного первого слога и развитием вторичного придыхания, примеры которого в речи Чань Поксун имеются, например: т^хайак вм. тэхак "институт", чхоччимэ "хороший" вм. чочхимэ.

Показатель топика помимо форм -ын и нын встречается также в форме нэн, представляющей собой рефлекс формы /нн/, типичной для среднекорейского языка.

I. 전학식. 훈음 제방 말의 어음학적 특성. - «조선어문», 석사 논문집. 료녕, 1987.

(Фонетические особенности говора района Хунчун. - "Корейский язык и литература", сб. научных статей, Ляонин, 1987).

2. 沈希燮. 我国朝鲜语中的新词 (Новые слова в языке корейцев нашей страны. - "Миньцзу юйвэнь", 1988, № 3).

3. Все материалы приводятся в фонетической транскрипции на основе русской графики, отличающейся от общепринятой в советском корееведении фонологической транскрипции следующим: 1) звук /э / передается знаком э̇; 2) полужонкие аллофоны слабых смычных обозначаются соответствующими прописными звонкими, например, Г, Д, Б, звонкие аллофоны - строчными звонкими /г, д, б/ и глухие аллофоны - глухими строчными /к, т, п/; 3) фонема /ε / передается знаком э̇; 3) палатализация обозначается апострофом ' , например, йэг'е "здесь"; 4) в речи Чань Поксун встречаются как /ч/, так и /ц/, которые, по-видимому, не противопоставлены фонематически, но в данной работе они различаются; 5) поднятие буквы над строкой обозначает ослабление соответствующей артикуляции, например дэ - ослабление смычки, т^х - ослабление придыхания.

4. Список слов приведен в форме русско-корейского словаря, поскольку в него включены также те слова, которые информантка забыла.

МЕСТОПРЕДИКАТИВЫ В ЯЗЫКЕ РОМАНА "СИ Ю ЦЗИ"

История китайского языка (байхуа) прослеживается почти непрерывно. К настоящему времени уже подверглись всестороннему лингвистическому анализу и подробному описанию наиболее репрезентативные памятники, представляющие важнейшие хронологические этапы его развития. Тем не менее существует ряд текстов, изучение которых необходимо как для составления полной истории китайского языка, так и для надежной ее периодизации. Одним из таких текстов является роман У Чэньэня "Си ю цзи" ("Путешествие на Запад"), написанный в XVI веке, когда происходит переход от среднекитайского к новокитайскому состоянию языка. Прежде текст романа "Си ю цзи" привлекался исследователями истории китайского языка лишь для сравнения.¹

Язык романа неоднороден. В нем сосуществуют грамматические формы, свойственные и современному языку (что сближает его с языком романа "Жулинь вайши" - "Неофициальная история конфуцианцев", начало XVIII в.), и средневековому байхуа (как в "Шуй ху чуань" - "Речные заводи", XIV в.); кроме того, он насыщен заимствованиями из вэньяня, второго литературного языка, основанного на нормах древнекитайского. Ниже мы остановимся на особенностях употребления местопредикативов в тексте романа.

Местопредикативы, составляющие часть слов-заместителей, входят в категорию предикатива и, следовательно, как и предикативы, самостоятельно выступают в функции сказуемого. Кроме того, они могут функционировать как определение к сказуемому.

В романе "Си ю цзи" в пределах просмотренного текста² нами отмечены следующие местопредикативы:

а) вопросительные: 怎 цзэнь, 怎 э цзэмма, 怎 шэ цзэньшэн, 怎 ди цзэньди, 如何/何如 (хуэ/хэжу); они имеют значение "в каком состоянии?", "как?", "каким образом?";

б) невопросительные: 这 э цзэбань/набань (чжэдэн/надэн), 这 э бань/набань (чжэбань/набань), 如此 жуцы; они имеют значение "в таком состоянии", "так" или "такой".

Все перечисленные местопредикативы уже отмечаются в языке предшествующего периода: цзэмма (одновременно с цзэнь, цзэньшэн и цзэньди) появляется в эпоху Сун,³ регулярное употребление цзэмма в качестве сказуемого и определения к сказуемому встречается в двадцатиглавном варианте романа "Шуй ху чуань" (с девяностой главой по сто девяту)⁴ и в ваньских пьесах. В таких памятни-

ках, как "Цзин бэнь тунсу сяшо" и "Шуй ху чжуань" (кроме указанных выше глав), использование цзэмма ограничивается единичными примерами. Местопредикатив цзэнь функционирует как определение к сказуемому в "Цзин бэнь тунсу сяшо", в обоих вариантах романа "Шуй ху чжуань" и в юаньских пьесах. В семидесятиглавном варианте романа "Шуй ху чжуань" часто встречается устойчивое выражение 怎生 [尾] 好 цзэньшэн /ши/ хао "как будет хорошо"; в юаньских пьесах местопредикатив цзэньшэн употребляется одновременно и в функции определения к сказуемому, и в функции сказуемого; в "Юань-чао би-ши" формы с цзэнь не встречаются. Местопредикативы чжэдэн, чжэбань, жэньбань впервые фиксируются в текстах сунской эпохи ("Цзин бэнь тунсу сяшо"), при этом чжэбань выступает и как определение к сказуемому и как сказуемое. В романе "Шуй ху чжуань" (в обоих вариантах) и юаньских пьесах функционируют местопредикативы надэн и цздэн, а набань встречается только в юаньских пьесах.⁵ Заимствованные из вэньяня жуцы и жухэ (хэжу) употребляются и в языке Ш-У вв.⁶

В рассматриваемом тексте вопросительные местопредикативы используются следующим образом.

В функции сказуемого из всех приведенных выше вопросительных местопредикативов чаще всего выступает заимствованный из вэньяня жухэ (хэжу), являющийся живым словом и встречающийся в предложениях, написанных разговорным языком. Например: 悟空, 你來了, 袈裟如何? У-кун, ни лай ляо, цзяша жухэ? "У-кун, ты пришел, а как быть с рясой?" (I94, 8); 我有一個不動刀鎗之法, 不知你尊意如何? Во ю игэ бу дун даоцянь-чжи фа, бу чжи ни цзунь и жухэ? "У меня есть один способ, не [требуемый] применения оружия, не знаю, каково будет Ваше уважаемое мнение?" (I83, I).

Местопредикатив жухэ может разрываться местоимением 之 чжи; сочетание 如之何 жу чжи хэ выступает в функции сказуемого безличного предложения: 倘或餓死, 却如之何? Тан хо эсы, цюэ жу чжи хэ? "Что же делать, если [вы] умрете с голоду?" (I50, I).

Самым распространенным вопросительным местопредикативом является цзэмма, сохранившийся в современном языке, который в функции сказуемого встречается редко; в пределах просмотренного текста он отмечен четырьмя примерами; 但如今你思慮? Дань жу-цзинь ни цзэмма? "Но как же вы теперь поступите?" (56, 2).

Такие формы с цзэнь, как цзэньды и цзэммаян встретились в функции сказуемого по одному разу: 不還你, 便待怎的! Бу хуань ни, бянь дай цзэньды! "Что же [ты] собираешься делать, если не верну тебе [коня]!" (4, I2); 裏面怎麼樣? Лимянь цзэммаян?

"Как там внутри?" (169-1).

Из всех форм с цзэнь в роли сказуемого и определения к сказуемому используются местопредикативы цзэмма и цзэньды, в функции определения к сказуемому эти местопредикативы имеют разные значения в зависимости от места местопредикатива в предложении. В позиции перед сказуемым, кроме "как?", "каким образом?", они могут иметь также значение "почему?" (обычно перед отрицанием). Например: 他却怎麼成精? Та цзе цзэмма чэн цзин? "Как он мог превратиться в духа?" (198,1).

Выступая в роли определения к сказуемому, цзэмма в большинстве случаев стоит либо непосредственно перед сказуемым, либо перед группой сказуемого, т.е. может быть отделен от сказуемого наречием, обстоятельством времени, вынесенным вперед дополнением с предлогом 把 ба и т.д.

Как и цзэмма, местопредикатив цзэньды может стоять и перед сказуемым и после него, а также быть отделенным от него косвенным дополнением с предлогом. В постпозиции цзэмма и цзэньды имеют значение "зачем?", например: 師公，你怎麼的? Шигун, ни ку цзэньды? "Наставник, зачем вы плачете?" (182,7); 鐘已響了，還撞鐘怎麼? Бай и бияло, хай чжуан чжун цзэмма? "Моление уже закончено, зачем еще звонить в колокол?" (179,8).

Кроме приведенных выше примеров употребления цзэмма, в просмотренной части текста отмечено цзэмма перед связкой 為 вэй и сочетание 怎麼是好 цзэмма ши хао, по смыслу совпадающее с устойчивым сочетанием 怎麼 [是]好 цзэньшэн /ши/ хао "как будет хорошо".

Местопредикатив жухэ в функции определения к сказуемому может употребляться и перед отрицанием; предшествуя сказуемому, жухэ может быть отделен от него различными обстоятельствами, наречиями, названием субъекта действия в пассивной конструкции. Например: 婆婆的眼，如何都昏了? Попо-ды янь, жухэ ду хуньяло? "Почему оба бабушкиных глаза ослепли?" (96, 10).

Вопросительные местопредикативы цзэнь и цзэньшэн в пределах просмотренного текста встречаются только как определение к сказуемому, всегда предшествуя глаголу-сказуемому. Примеры: 你們見他怎麼打扮? Нимэнь цзянь та цзэньшэн дабань? "Вы посмотрите, как он одет?" (21, 10).

Перед отрицанием цзэнь употребляется в значении "почему?": 我怎麼不知? Во цзэнь бу чжи? "Почему я не знаю?" (186,9).

Местопредикатив цзэньшэн входит в состав устойчивого выражения 怎麼是好 цзэньшэн ши хао "как быть?", "что поделаешь?",

во всех примерах находящегося после законченного предложения.

В сочетании с модальными глаголами 肯 кэнь, 敢 гань "смочь", 能 нэн "мочь", а также глаголами, оформленными суффиксом 得 дэ, вопросительные местопредикативы цзэмма, цзэнь, цзэньшэн и жуэ выражают риторический вопрос. Примеры: 怎惡敢與他爭持? Цзэмма гань юй та чжэн чи? "Как же /ты/ посмеешь драться с ними?" (159,13); 我怎肯進去? Во цзэнь кэнь цзинцзой? "Как же я осмелюсь войти?" (65,9); 如何成得甚麼功業! Жуэ чэндэ шэмма гункэ! "Как же /я/ смогу добиться каких-то наград!" (172, 8).

Из невопросительных местопредикативов в исследуемом тексте встречаются чжэдэн (надэн), чжэбань (набань), жуцы; случайными примерами представлены женьбань, чжэян и цзэдэн.

Функция сказуемого свойственна местопредикативам жуцы, чжэдэн, чжэбань (последний в составе связочного сказуемого). Чаще всего в качестве сказуемого в тексте встречается местопредикатив жуцы, главным образом в таких устойчивых выражениях, как 既如此 цзи жуцы (в большинстве случаев), 既是如此 цзи ши жуцы и 既然如此 цзижань жуцы, имеющих значение "если так", "в таком случае". Имеет тенденцию быть устойчивым выражение 願來[是]如此 ваньлай /ши/ жуцы "вот так". Приведем один пример: 既如此不敢人留 Цзи жуцы бу гань жэнь лю "Если так, не смею задерживать людей" (163,4).

В двух случаях жуцы выступает в роли сказуемого самостоятельно, в первом случае подлежащее опущено и жуцы стоит в начале предложения, во втором - в конце предложения после модального глагола 該 гай "необходимо". Примеры: 如此三度 Жуцы саньду "Так было три раза" (163,4); 正該如此 Чжэн гай жуцы "В самом деле, должно поступать так" (89,9).

Местопредикатив чжэдэн выступает с предшествующим союзом 既 цзи и связкой 是 ши - 既是這等 цзи ши чжэдэн и переводится как "в таком случае", "если так"; близкое к этому значение имеет и сочетание чжэдэн с глаголом 說 шо "говорить" (который в этом случае мы оставляем без перевода). Пример: 這等說, 却是個天地生成的 Чжэдэн шо, цзе ши гэ тянь ди шэнчэн-ды "Если так, /ты/ действительно рожден небом и землей" (II,10).

Вне устойчивых выражений в пределах просмотренного текста чжэдэн встречается дважды в функции сказуемого.

В составе связочного сказуемого (со связкой ши) в тексте отмечен местопредикатив чжэбань; в одном случае чжэбань встречается в сочетании с местопредикативом чжэдэн.

Обычная для невопросительных местопредикативов функция - определение к сказуемому. В этой функции чаще всех выступает чжэбань (набань), реже чжэдэн (надэн); жуцы в пределах просмотренного текста в этой функции встречен дважды: 我斤鏡這般與你說了,你還不看? Во фанцай чжэбань юй ни шолло, ни хай бу син? "Я только что так с тобой говорил, ты все еще не понял?" (9, 12).

Местопредикатив жэньбань в пределах просмотренного текста встречается только в качестве определения к сказуемому и при этом очень редко.

Кроме указанных двух функций, невопросительные местопредикативы могут выполнять и функцию определения к существительному, имея значение "такой". В этой функции в пределах просмотренного текста отмечены: чжэдэн (надэн), чжэбань и цздэн. Примеры: 不意學得這般手段! Бу и сведэ чжэбань шоудуань! "/Мы/ и не думали, что /он/ сможет овладеть этим способом!" (23, 3); 定不這此等事 Дин бу цзао цздэн ши "Уверен, что такое (букв. такое дело) не произойдет" (104, 4).

Современный местопредикатив чжэян необычен для текста памятника, встречаются лишь единичные примеры, один из них: 這樣官兒,最低最小 Чжэян гуаньэр, цзуй ди цзуй сяо "Такая должность самая низкая, самая маленькая" (39, 16).

Местопредикативы, выступающие в роли определения к существительному, не требуют оформления суффиксом 的 ди и не встречаются в сочетании с числительным и классификатором. Исключение составляет случай употребления надэн с числительным, за которым следует существительное: 我也是那等一夢,與你一般 Во е ши надэн и мэн, юй ни и бань "Я тоже /видел/ такой сон, что и ты" (151, 12).

Итак, для рассматриваемого текста наиболее распространенным вопросительным местопредикативом является обычный в современном языке местопредикатив цзэмма, который в памятниках повествовательной литературы предшествующего периода ("Цзин бэнь тунсу сяошо", "Шуй ху чжуань" в обоих вариантах) отмечен лишь единичными примерами (он широко используется только в ваньских пьесах и главах 90-110 пространной версии романа "Шуй ху чжуань", по общему мнению исследователей представляющих явную интерполяцию). Однако функция сказуемого для цзэмма по-прежнему оказывается достаточно редкой (она редка для него и в ваньских пьесах); из остальных местопредикативов с корнем цзэнь цзэньды и цзэммаян возможны в функции сказуемого, но это также бывает крайне редко. Таким образом в функции сказуемого обычно выступает лишь заимствованный из

вэньяня местопредикатив хэжэ (хэжу), употребительный не только в текстах III–V вв., но и в среднекитайском языке, и являющийся живым словом. В функции определения к сказуемому встречаются все местопредикативы, при этом, как и в среднекитайском языке, одни из них – цээмма и цээнды – могут находиться и перед сказуемым, и после него, другие – цээн и цээншэн – перед сказуемым; язык романа "Си ю цзи" отличается отсутствием формы цээнды, представленной во всех текстах предшествующего периода.

Что касается невопросительных местопредикативов, то местопредикативы с корнем жэнь, употребительные в текстах предшествующего периода, практически исчезают; современный местопредикатив чжэян еще не стал обычным (появляются лишь единичные примеры), так что наиболее широко используются два местопредикатива – чжэдэн и чжэбань (в составе связочного сказуемого); в функции сказуемого чаще всего выступает заимствованный из вэньяня хуи. Язык романа "Си ю цзи" характеризуется частым использованием таких устойчивых выражений, как чжэдэн шо и цзи / ши / чжэдэн, имеющих в общем близкое значение.

-
1. См.: В. Karlgren. New excursions in Chinese grammar. – "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities". N 24. Stockholm, 1952; И. Т. Зограф. Очерк грамматики среднекитайского языка (по памятнику "Цзин бэнь тунсу сяошо"). М., 1962.
  2. Нами использовано следующее издание романа: 是承思, 西遊記, 北京, 1954 (У Чэньэнь. Путешествие на Запад. Пекин, 1954), т. I, с. I–200; при примерах первая цифра указывает страницу тома, вторая – строку на ней.
  3. 王力. 漢語史稿, 上, 中册. 北京 1958 (Ван Ли. Опыт истории китайского языка. Пекин, 1958).
  4. О лингвистическом своеобразии глав 90(91)–110 см.: В. Karlgren. New excursions in Chinese grammar; P. Demieville. Au bord de l'eau. – "T'oung pao". Vol. 44. Livr. I–3, с. 242–265; Пан Ин. О первоначальном варианте романа "Речные заводы" Ши Найяня. – "Страны и народы Востока". Вып. II. М., 1971, с. 166–172.
  5. И. Т. Зограф. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.
  6. И. С. Гуревич. Очерк грамматики китайского языка III–V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы). М., 1974.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОТО-ДУН-ШУЙСКОГО ВОКАЛИЗМА

Исследования в области реконструкции гласных большинства изолирующих языков значительно отстают от аналогичных исследований в области реконструкции инициалей. Не составляют исключения в этом плане и тайские языки. Для собственно тайских языков реконструкция гласных была выполнена в работах А.Одрикура и Ли Фангуя,¹ причем их результаты отличаются друг от друга.

целью настоящей статьи является реконструкция вокализма языков дун-шуйской группы, особой ветви тайской семьи языков. Такая реконструкция еще не производилась. В целях сопоставления прото-тайского (ПТ) вокализма с прото-дун-шуйским была использована реконструкция Ли Фангуя.² В ряде случаев предлагаются и общие прото-дун-тайские реконструкции, но они носят предварительный характер. В работе был использован материал по всем известным в настоящее время языкам дун-шуйской группы: шуй, мак, тхен, мулао (мул.), маонань (маон.).

ПДШ^{х̄}а̄ , ПДТ^{х̄}а̄

Долгий гласный сохранился во всех дун-шуйских языках и может быть реконструирован для прото-дун-шуйского (ПДШ). Он встречается во всех типах слогов. В ПТ этому звуку соответствует долгий ā при всех типах слога. Таким образом, фонема реконструируется на прото-дун-тайском (ПДТ) уровне:

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
тетя	CI	pā	pā	pā	pā	pā	pā	pā
глаз	AI	dā	dā	?dā	tā	lā	dā	trā
толстый	AI	?nā	nā	nā	nā	nā	nā	hnā
дед	AI	tā	tā	tā	tā	tā	tā	tā
хлопок	VI	fāi	wāi	xwāi	--	--	--	fāi CI
три	AI	hām	sām	thām	sām	tām	sām	sām
тонкий	AI	bān	?bān	mān	mān	?wān	bān	?bān
мясо	C2	nān	nān	nān	nān	--	nān	--
мыться	DI	?āp	?āp	?āp	?āp	--	(zap)	?āp
ступка	DI	hāk	.hāk	-	-	-	-	sāk
лоб	DI	pjāk	pjāk	pāk	pjāk	pjāk	pjāk	phrāk
нести на								
шесте	DI	tāp	tāp	tāp	tāp	kūāp	tāp	thrāp

Имеется значительное число слов, в которых ПДШ долготу ā в слогах с финалями j, w соответствует ПТ краткий а. Данное со-

ответствие является регулярным и к нему относится подавляющее большинство лексем со слогами данного типа.

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
идти	AI	pāi	pāi	pāi	pāi	pāi	pāi	pai
грязь	AI	zāi	žāi	-	-	-	-	khlai/hi
курица	VI	qāi	kāi	kāi	?āi	(ci)	kāi	kai
кишки	CI	hāiC2	žāi	thāiC2	sāi	kḥāi	sāi	zai
рог	AI	qāu	kāu	pāu	pāu	(ku)	qāu	khau
старый	VI	qāu	kāu	kāu	?āu	(kɔ)	kāu	kau
гнилой	B2	nāu	nāu	nāu	-	-	-	nau
вино	CI	khāu	lāu	lāu	khwāu	kḥāu	khāu	lau

Это соответствие пока не получило объяснения, и реконструкция гласного в ПДТ затруднительна.

В ряде случаев ПДШ долготу ā соответствуют дифтонги в ПТ:

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
молодая								
курица	VI	Rāŋ	hāŋ	γāŋ	-	-	-	khiaŋ
жабры	DI	?hak	-	-	-	-	-	ɲiek
веревка	DI	lak	žak	-	-	-	-	čhiak D2
дом	AI	γāŋ	zan	zan	jan	γāŋ	jan	ri'an A2
братъ в								
долг	AI	?jam	-	-	-	-	-	jiəm
ночь	A2	sān	zān	jān	tān	-	-	γi'an
забыть	A2	lām	lām	-	-	lām	lām	lium
ребенок	D2	lāk	lāk	lāk	lāk	lāk	lāk	li'uk
ростить	C2	hān	žān	thān	sān	-	zān	lien

Для ПДТ на месте этих соответствий реконструированы фонемы, представленные в ПТ.

В ряде случаев находим соответствия ПТ простых инициалей u, i(ei).

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
ухо	AI	qhā	thā	khā	khā	kḥā	khā	hū
длинный	CI	?āi	jāi	zāi	jāi	γāi	?āi	rei(ri)
этот	B2	nāi	nāi	nāi	nāi	nāi	nāi	ni/nai
старший								
брат	C2	fāi	vāi	xwāi	tāi	fāi	vāi	bī

В слове "восемь" ПДШ соответствует ПТ ē̄, но различия, возможно, вызваны тем, что Слово было заимствовано из китайского независимо от ПТ и в ПДШ.

восемь	DI	pāt	pāt	pjāt	pet	pāt	pjāt	pēt
--------	----	-----	-----	------	-----	-----	------	-----

ПДШ *а, ПДТ *а.

Краткий а сохранился во всех дун-шуйских языках. Встречается только в закрытых слогах.

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ'
прясть	VI	paŋ	paŋ	paŋ	-	-	pjaŋ	paŋ
низкий	VI	daŋ	daŋ	zaŋ	thaŋ	hjaŋ	djaŋ	taŋ
носить								
(одежду)	VI	taŋ	taŋ	taŋ	-	taŋ	taŋ	taŋ
яйцо	VI	kai	tai	kai	kɔi	kɔi	kai	khrai
новый	VI	mai	mai	mai	mai	mai	mai	hmai
получать	CI	?dai	?dai	lai	-	lai	?daiC2	?dai
дерево	C2	mai	mai	mai	mai	mai	mai	mai
печень	DI	taɸ	taɸ	taɸ	taɸ	taɸ	taɸ	taɸ
блоха	DI	mat	mat	mat	mat	mat	mat	mat
обломок	DI	tak	tak	tak	-	-	-	thrak

В слове "умирать" находим долгий ā в ПТ. Причина этой иррегулярности не ясна.

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
умирать	AI	tai	tai	tai	tai	tai	tai	trāi

ПДШ а восходит не только к ПДТ а, но и к некоторым дифтонгам, которые сохранились в ПТ.

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
глухой	DI	?dak	?dak	lak	lak	lak	ɸak	nuɸk
молодой								
самец	D2	tak	tak	tak	-	-	-	di'ak

ПДШ *ε, *ə, *iə, *uə

Гласный представлен как ē в открытом слоге во всех языках, кроме шуй, где нет противопоставления по долготе/краткости. В закрытом слоге он представлен вариантом фонемы, ə, во всех языках, кроме мак, маонань и тхен. В тхен находим в закрытом слоге краткий e, в маонань - i, ə, а в мак - ə, u, i. Различия в гласных, представленных в мак трудно объяснить позиционно, т.е. влиянием на гласный инициали или финали. Трудно объяснить их и происхождением из различных фонем ПДТ (ср. "дождь" и "муравей"). Поэтому приходится реконструировать в закрытом слоге три фонемы для ПДШ, отражающие разные рефлексы в мак и отчасти в маонань. В открытом слоге ПДШ ε соответствует в большинстве случаев ПТ дифтонгу ai, а в двух примерах - ī и ĩ. Для ПДТ мы реконструируем фонемы, представленные в ПТ. Для закрытых слогов ввиду указанной сложности с рефлексией в мак, трудно предложить и ПДТ реконструкцию.

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
кончик	AI	phe	phē	phē	-	-	-	plai
поздно	AI	fe	-	wē	we	-	fɛ	sai
продавать	AI	qe	tē	pe	pe	ce	pje	khāi
полоть	A2	ne	nē	nē	-	-	-	dai
метка	AI	le	lē	zē	le	lɛ	lɛ	lai
низ	CI	te	-	tē	-	te	-	tai
левый	C2	sje/si	ze	sje	ce	ce	te	siai
плотать	CI	ñe	-	-	-	-	-	thrai
завтрак	AI	qe	qai	qe	-	-	-	qai
год	AI	be	bē	?bē	-	me	be	pi
сеть	AI	xe	hē	-	-	-	-	hɛ

ПДШ *ə

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
муравей	D2	mət	mət	mət	met	mʏət	mət	muɪt
хвост	D2	zət	žət	thet	sət	khʏət	sət	-
звезда	DI	zət	-	-	ɕət	mət	zət	-

ПДШ *iə

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
дождь	AI	fən	vin	xwen	pjən	kwən	fin	fuɪn
человек	AI	zən	din	?jin?	-	cən	zən	ɣuɪn
железо	DI	khət	lit	let	kwət	khʏət	chit	lek
утро	DI	šət	hit	het	hət	hət	jit	-
семь	DI	sət	sit	thet	sət	thət	cit	šet
дрова	DI	djət	kit	zət	tet	-	dit	-
короткий	C(I)	djən	din	zen	thən	hʏən	din	tiən
стрекоза	CI	tjən	-	-	-	kʏən	tin	-
чешуя	BI	kən	-	?djen	-	kʏən	cin	-

ПДШ *uə

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
волосы	AI	tsən	žun	sun	pjen	tsən	sən	kuən
ленивый	DI	khət	lut	let	-	-	khət	-
копать	D2	tsət	kut	-	-	-	tsət	khut
газы в								
желудке	DI	tət	tut	tet	tət	kʏət	tət	tloit
тело	A(I)	dən	dun	zen	ɕən	hʏən	dən	-

ПДШ *o, ПДТ *o

Фонема представлена как долгое $\bar{o}$ в открытом слоге и как краткое o в закрытом слоге в языках мак и тхен. В шуй и дун она повсюду представлена как o , а в мулао и маонань - как $\bar{o}$. В ПТ ей соответствуют $\bar{u}$, uo , au в открытом слоге и o , u - в

закрытом слоге. Для ПДТ реконструируются гласные, представленные в ПТ. Однако отдельные случаи пересечения соответствий между ПДШ и ПТ с соответствиями ПДШ и труднообъяснимы (ср. "свинья", "дядя", "кислый" и др. с. 105).

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
дверь	AI	to	tō	to	-	tō	tō	tū
крыса	CI	no	nō	nō	nō	nō	nō	nū
знать	CI	yo	zō	-	wō	yo	wō	ruo
пять	C2	no	no	no	no	no	no	(ha)
холодный	AI	no	-	nō	-	-	-	nau
желчь	BI	?do	-	-	-	muo	do	di
сахарный								
тростник	CI	?oi	?oi	-	-	-	-	?oi
лес	AI	?doŋ	?doŋ	loŋ	-	-	-	doŋ
падать	DI	tok	tok	tok		(py)	tok	tok
шесть	D2	ljok	lok	ljok		ljok	ljok	hok
птица	D2	nok	nok	nok	mok	nok	nok	nok
веялка	CI	?doŋ	don	loŋ		loŋ	doŋ	doŋ
стоять на								
коленях	D2	tšok	-	kok	tok	-	-	khuk
спелый	D2	sok	zok	-	-	-	-	suk

ПДШ ɿ , ПТ ɿ .

Гласный сохранился в шуй при всех типах слога. В мак он дифтонгизировался vɿ в открытом слоге, а в слоге, оканчивающемся на полугласный w перешел в ə , сохранившись в остальных типах слогов. Есть два неясных случая, где вместо ɿ находим в мак e . Довольно запутанная картина соответствий этого гласного наблюдается в тхен. ɿ сохранился здесь после полугласного j и дифтонгизировался в $\text{ɿ}/\text{ei}$ в открытом слоге. В слоге с носовой финалью он перешел в e в позиции после щелевых, а в позиции после смычных - в ie . В слогах, оканчивающихся на смычный он также перешел в ie . В дун, мулао и маонань находим здесь i , хотя есть отдельные случаи иррегулярностей (см. "огонь" - дун, "короткий" - дун, мулао, "верхом" - маонань).

При сравнении с ПТ оказывается, что ПДШ i соответствует ПТ $\text{i}(\text{ia})$, дифтонг ia , который Ли Фангуй реконструирует в случае некоторых отклонений в чуанском языке при реконструкции ПТ i , а также ПТ ē и ПТ $\text{ai}(\text{i})$. Почти все слова с ПТ ē являются китайскими заимствованиями, однако их много и среди слов с ПТ i . Мы реконструируем ПДТ i на месте соответствий ПДШ и ПТ i , оставляя остальные без реконструкций.

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
четыре	B1	ʃi	sai	thei	si	ti	si	sī ^{ʃi}
верхом	B2	tʃi	se	kji	-	ci	ce	khī ^{ʃi}
два	B2	ñi	ñai	nji		ñi	ñi	jī ^{ʃi}
мать	C2	ni	nai	nei	nai	ni	ni	-
усталый	B1	?ni	ne	-	-	-	-	nai
огонь	A1	wi	wai	wī	pui	fi	vi	fai
жир	A2	pi	v i	puai		pi	pi	bī ^{ʃi}
развязать	B1	tsi	-	kji		tsi	tsi	kē
вянуть	C1	tiu	tjəu	-		khjo	-	khiau ^{ʃi(a)}
зуб	C1	ʃiu	jəu	-	-	-	jəu	hiau ^{ʃi(a)}
лететь	C1	win	vin	wen	pən	fən	vin	bin ^{ʃi}
нога	A1	tin	tin	tien	tin	tin	tin	tian ^{ʃi( )}
трубка	A2	lin	lin	-	-	-	-	lin ^{ʃi}
ветка	B1	tsiŋ	-	-	tin	-	-	kiŋ ^{ʃi}
короткий	C1	din	din	zen	tən	hʃən	din	tian ^{ʃi( )}
быть	A1	ʃin	fin	xwen	-	-	-	-
камень	A2	tin	-	tin	tin	-	-	hin ^{ʃi}
дорогой	A1	biŋ	biŋ	-		miŋ	biŋ	phēŋ
рука	A1	tʃhin	hin	khjin	?in	-	chin	khēn
сквозняк	A1	liŋ	liŋ	?bieŋ	-	-	-	lēŋ
имбирь	A1	siŋ	siŋ	siŋ	ʃiŋ	hiŋ	siŋ	xiŋ ^{ʃi}
рвать								
цветы	D1	?bit	?bit	mit		-	bit	bit ^{ʃi}
нож	D2	mit	mit	miet	mit	mit	mit	mit ^{ʃi}
шить	D1	tip	tip	tiep	-	-	-	jiəp ^{ʃi,ie}
целый	D1	tik	tik	tiek	tik	pik	tik	-

ПДШ^{ʃi}.

Дифтонг встречается и в открытом и в закрытых слогах. В мак и маонань он перешел в долгое ī, в шуй и тхен - в звукосочетание ja, которое спорадически встречается и в других языках, где в большинстве случаев дифтонг превратился в а. В ПТ этой фонеме соответствуют разные звуки: ie, i, ua, a. Соответствие звука f в ПТ в большинстве приведенных примеров дает немаловажные основания для реконструкции ПДШ дифтонга 'ia, а не ia, который реконструирован на месте другого соответствия. Для ПДТ мы реконструируем здесь фонемы, представленные в ПТ. В слове "рассада риса" j в большинстве случаев ДШ языков появилось в результате упрощения ПДТ стечения k1, которое перешло в kj. В мак сочетание ja перешло в 'ia, после чего упростилось в ī. Сходное развитие полугласного j и в слове "таро". Однако наличие ə в мак, представляющее собой единичный случай, труднообъяснимо.

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мулао	маон.	ПТ
есть	AI	tsjan	sɿn	tsin	tan	tsan	-	kin
сад	AI	fian	fɿn	wjan	-	-	-	suɿn
канавка	AI	?djaŋ	mɿŋ	mjaŋ	-	njaŋ	-	mɿeŋ
месяц	A2	njan	nɿn	njan	nan	nan	nan	?dɿ'eŋ
просо	CI	fjaŋ	vɿŋ	-	-	-	-	fuaŋ
голодный	DI	?jak	?ɿk	jāk	jāk	?jāk	-	jāk
девушка	DI	?bjak	bɿk	mjāk	mjek	?jāk	bɿk	-
башмак	CI	tsak	sɿk	tsjāk	ʃak	-	tsɿk	kɿak
река	AI	njā	nɿ	njā	nā	njā	ni	-
рука	AI	mjā	mɿ	mjā	mjāA2	njā	-	mɿA2
мерзкий	BI	?bjā	?bɿ	-	-	-	-	bɿe
рассада								
риса	CI	?djā	tɿ	kjā	-	-	-	klā
таро	DI	?jak	pāk	zjāk	-	-	-	phlɿ'ek

ПДШ ɿ_a

Следующее ниже соответствие состоит из двух подгрупп. В первую входят слова с ПДШ дифтонгом ia , имеющим в ПТ соответствия i , ia . Впоследствии дифтонг упростился в e в тхен, i перешла в ряде случаев в полугласный j в других дун-шуйских языках.

Во вторую группу входят слова, также содержащие гласный e в тхен и промежуточный j в других дун-шуйских языках. Однако родственные корни в ПТ содержат в инициали стечение согласных с промежуточным $r(l)$. Поэтому j происходит здесь из ПДТ r . В тхен звук j сначала перешел в i , после чего произошедший таким образом дифтонг ia , как и исконный дифтонг, упростился в e .

Группа № 1

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
вождь	CI	sau	sau	seu		tsɕ	cau	ciəu
нести	A2	tai	tai	tei	tei	-	-	thɿAI
купить	CI	djai	dai	zei	ʃɿi	hɿai	djai	sɿC2

Группа № 2

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
лягать	BI	khau	ʃau	kheu	-	khɿau	chau	hrəu
голубь	A2	rau	kau	peu	rau	kū	pjau	khɿəuAI
волосы	AI	pjam	pjam	peŋ	pjam	pjam	pjam	phɿoŋ

ПДШ ɿ_u .

Гласный сохранился в языке шуй при всех типах слога. В открытом слоге он как правило дифтонгизировался в $əu$ в мак и отчасти в тхен. В тхен после среднеязычных и переднеязычных инициалей u перешел в iu . В дун, как правило, находим здесь u , но в

двух случаях - au, причем в обоих словах соответствием является ПТ финаль au (əu), поэтому не исключено, что в дун звук перешел непосредственно из ПДТ. В мулао u дифтонгизировался в u после целевых. В маонань u в открытом слоге сохранился. В полуоткрытых слогах в мак гласный перешел в ə после целевых, а в закрытых слогах, оканчивающихся на p - в i или ə. После губных смычных взрывных он также перешел в ə. В тхен в полуоткрытых слогах u дифтонгизировался в ue, в полузакрытых слогах как правило перешел в e, в закрытых с финалями t, k обычно в ue, а с финалью p - в e. В дун, мулао и маонань u сохранился перед k, ŋ, а также в полуоткрытых слогах; в остальных случаях перешел в ə (исключение - слово "спать", где повсеместно сохранился u).

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
зеленый	AI	ʒu	ʒəu	ʒiu	su	həu	jū	xiau
свинья	VI	mu	məu	məu	nu	mu	mu	mū
отец	C2	pu	pəu	pū	pu	-	-	phō
голова	CI	ku	ʃau	kəu	kāu	-	-	kləu
смеяться	AI	ku	tū	kū	ko	-	cu	hrue
вошь	AI	tu	təu	kiu	tau	kʏo	tu	həu
девять	CI	tsu	təu	ku	tu	səu	cu	kʃəu
чешуя	AI	khui	ʃhui	khuei	-	-	khūi	hōi
ручей	CI	kui	kui	-	-	-	-	huəi
чаша	C2	tui	-	tuei	-	-	-	thuai
сидеть	B2	fui	ʒəi	thuei	sui	tui	zui	-
буйвол	A2	kui/kwi	həi	wei	-	-	-	khwai
след	AI	ʒui/ʒi	ʒui	-	-	-	-	-
змея	A2	hui	ʒui	thuei	sui	tui	zui	-
дядя	A2	luŋ	luŋ	-	-	luŋ	luŋ	luŋ
ткацкий								
станок	A2	ʃuŋ	-	-	-	tuŋ	zuŋ	-
много	A2	kuŋ	-	-	kuŋ	kʏuŋ	coŋ	-
спать	A2	nun	nun	nun	nun	nun	nun	nfən
дорога	AI	khun/khwən	khun	khen	khuen	khun	khun	-
игла	AI	sum	sum	tshəm	ʃhəm	tshəm	səm	khien
ветер	AI	lum	lum	zem	ləm	ləm	ləm	luom
грязь	VI	khum	lum	lem	-	-	-	lom
кислый	CI	fum	sum	them	səm	khʏəm	səm	som
держать								
в руке	CI	?um	?um	?əm	-	-	?ūm	?um
отхожее								
место	C2	fum	-	-	-	-	-	suem

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
окружать	CI	zum	-	-	-	-	həm	khum
земля	BI	hum	-	-	-	-	khəm	
тигр	C2	mum	mum	mem	məm	məm	məm	-
рыба	B2	mum	mum	mem	-	-	-	-
личинка	AI	?nun	nen	nuen	nən	nyu	nun	
москитная								
сетка	CI	hun				tun	sun	-
легкие	DI	put	pət	put	pup	-	put	pi'ot
борода	D2	njut	nut	nuet	-	-	-	nuat
слепой	DI	?mut	?bət	met				bət
полосы								
бамбука	DI	djuk	duk	-	-	-	-	tək
выходить	DI	?uk	?uk	?uek	?uk	?uk	?uk	?ək
цветок	D2	nuk	-	nuek	nuk	-	-	biək
обернуть	DI	tuk	-	-	-	-	tuk	
слизь в								
носу	D2	muk	muk	muek	muk	muk	muk	muək
снаружи	DI	?nuk	nuk	nuek	?uk	nuk	nuk	nək
дуть	D2	fup	žəp	thep	sep	sep	zəp	čuəp
лягушка	DI	qur	-	-	-	kəp	kəp	

ПДШ *ua.

Дифтонг встречается и в открытом, и в закрытом слогах. В мак и в отдельных случаях в дун он перешел в долгое $\bar{u}$, в маонань - в о, в остальных языках - в долгое $\bar{a}$. В ПТ ему соответствуют различные дифтонги, либо w после заднеязычной инициали. Как и при реконструкции дифтонгов ia и 'ia находим здесь случаи, когда дифтонг происходит в результате упрощения полугласного, в данном случае w. ПДТ стечение перешло в kw в языках шуй и частично в дун и тхен; частично же в двух этих последних языках оно упростилось в w. В мак wa упростилось в дифтонг ua, а затем - в $\bar{u}$. Для ПДТ мы реконструируем гласные, представленные в ПТ.

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
высокий	AI	waŋ	vūŋ	wāŋ	-	foŋ	voŋ	sūŋ
край	BI	?bjaŋ	?būŋ	māŋ	-	-	-	bi'eŋ
красить	AI	?jam	num	?jam				juəm
мыть	DI	lak	zūk	-				sik
белый	DI	pak	phūk	pak	phūk	pāk	pok	phīak
топор	AI	kwan	kūn	wan	kwān	-	-	khwān
мотыга	DI	kwak	kūk	kwāk	-	-	-	khwāk

ПДШ uo, которое мы реконструируем на месте следующего ниже

соответствия, представленного одним примером, проблематично и, возможно, относится к соответствию ПДШ ua:

	тон	шуй	мак	тхен	дун	мул.	маон.	ПТ
кость	DI	?dak	?dɔk	zāk	lāk	hyāk	dāk	dūk

1. A.G.Handricourt. *Les Phonemes et le vocabulaire du thai commun.*
- JA, 236, 1948; Fang-kuei, Li. *A Handbook of Comparative Tai.*
The University Press of Hawaii, 1977.
2. Fang-kuei, Li. *Op. cit.*

Ирене Квонг Лай Ю

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В индонезийском языке в связи с отсутствием префиксов, указывающих на направление движения, направленность движения у глаголов передается по-разному. В одних случаях значение направленности движения уже содержится в первоначальном значении глагола (masuk "входить", keluar "выходить"). В других - такое значение реализуется в предложении при помощи модификаторов¹ (lari keluar dari+kamar букв. убежать + выходить - из комнаты "выбежать из комнаты", membawa masuk barang ke gerbong букв. меш- + носить + входить - вещи в вагон "внести вещи в вагон"). Направленность движения нередко выражается локативными сложными предлогами в значении наречия (jalan ke depan "идти вперед", memanjat ke atas "карабкаться вверх").

В индонезийском языке использование субъектом при передвижении какого-либо вида транспорта не всегда указывается в значении глагола. Иногда это выясняется в широком контексте или об этом вообще не упоминается. Поэтому неслучайно утверждение, что глагол datang может одновременно обозначать: приходить, приезжать, прибывать.²

В данной статье рассматриваются глаголы, обозначающие самостоятельное перемещение субъекта в пространстве и каузативные глаголы. Глаголов же частичного движения, обозначающих движение на месте, мы коснемся постольку, поскольку это будет необходимо.

Семантический анализ глаголов проводился нами по данным толкового словаря³ на основе возможностей перифразирования данного глагола или предложения, его включающего. Так, например, словарь дает толкование berlari "бегать" как berjalan kencang "идти

(ехать) быстро". Таким образом, по сравнению с berjalan глагол berlari сложнее по смыслу.

Различаем две группы глаголов движения: 1) глаголы, обозначающие основные (первичные) значения движения и 2) глаголы, обозначающие производные (вторичные) значения движения. Из глаголов первой группы мы укажем два v_1^4 : /ber/jalan "идти (об одушевленном субъекте), ехать (о неодушевленном субъекте)" и bergerak "двигаться" и один v_c (каузации движения): -bawa "нести, вести, везти". Эти глаголы выражают первичные значения движения без какой-либо дополнительной смысловой нагрузки. Это элементарные перемещения. Значения остальных глаголов движения так или иначе связаны с этими основными значениями движения, но имеют дополнительные значения. Ср. Dan bendi sekarang berjalan pelan melalui jalan-jalan pagi hari yang sudah mulai ramai (РАТ, 283) "И сейчас бэнди⁵ медленно едет по утренним улицам, которые становятся оживленными" и Aku sering terbang ke sana (ИМ, 6) "Я часто летал туда" (дополнительное значение воздушной среды движения).

Глаголы, обозначающие производные значения движения, очень разнообразны по семантической структуре и характеру дополнительных значений. Важным смысловым компонентом является "направленность движения". На основе наличия или отсутствия значения направления эти глаголы делятся на две группы: I - глаголы с невыраженной ориентацией движения и II - глаголы направленного движения.

Из существующей литературы о семантике глаголов движения нам хотелось бы напомнить работу И.И.Басс, которая составила список элементарных смыслов, формирующих структуры значений глаголов движения в японском языке.⁶ В предлагаемой работе мы ограничимся выделением некоторых из этих элементарных смыслов, учитывая специфику лексических значений изучаемых глаголов движения. Часть глаголов содержит более одного дополнительного смысла и соответственно упоминается ниже в несколько рубриках, но мы не ставили цель дать исчерпывающее описание семантики каждого глагола.

I. Глаголы с невыраженной ориентацией движения. Основная масса глаголов движения представляет собой глаголы направленного движения. Глаголов же с невыраженной ориентацией движения употребляется в четыре раза меньше. В нашей картотеке насчитывается 88 единиц таких глаголов, содержащих следующие смысловые компоненты:

I.1. Способ перемещения субъекта. В эту группу входят глаголы различных способов перемещения субъекта: с поочередным отрывом и приземлением конечностей (melangkah "шагать"), с одновременным отрывом и приземлением конечностей (melompat "прыгать"), с помощью

мышечных усилий корпуса, конечностей, крыльев (*menjungkir* "кувыркаться"), с помощью транспорта (*terbang* "летать на чем-либо"), например: *Anak itu sudah bisa menjungkir di atas kasur* "Этот ребенок уже умеет кувыркаться на матрасе".

I.2. Темп движения. Выделяются два типа движения: а) ниже нормы и б) выше нормы.

I.2.a. Сюда входят не только глаголы, темп движения которых совершается субъектом ниже нормы (*bergeser* "медленно перемещаться"), но и такие глаголы, темп движения которых совершается в пределах нормы только для ползающих насекомых и животных, а для характеристики человека он окажется ниже нормы (*merangkak* "ползать"), например: *Pelan-pelan Vespa bergeser di batu krikil ...* (В, 3, 5) "Мотоцикл марки "Веспа" медленно тащится по каменной дороге..."; *Apa guna belajar ilmu ... kalau akhirnya toch harus merangkak, beringsut seperti keong dan menyembah seorang raja kecil...* (РАТ, II6) "Зачем изучать науку ... если в конце концов все равно нужно ползать, передвигаться как улитка и кланяться маленькому радже...".

I.2.b. Это глаголы повышенной скорости (*melesat* "мчаться"), например: *Para pelari melesat seperti anak panah* (В, 3, 36) "Бегуны мчались стрелой".

I.3. Плавность-неплавность движения. Здесь учитывается, совершается ли движение гладко, плавно или, наоборот, неплавно, неровно. Плавность движения: *meluncur* "скользить, плавно катиться", *menggelincir* "соскользнуть (с чего-либо)", например: *Dia meluncur di jalan yang beres* "Он катался по дороге, покрытой льдом". Неплавность движения: *terhuyung-huyung* "идти, шатаясь", например: *Dia terhuyung-huyung ke kiri, ke kanan, seperti orang mabuk* "Он шатался налево, направо, как пьяный".

I.4. Характеристика среды. Выделяются два типа среды движения: а) водная (*berenang* "плавать", *-ayuh* "водить") и б) воздушная (*mengangkasa, melangit* "высоко летать в небе"), например: *Gayatri bertepuk tangan ketika Erlangga mengangkasa* (PI, 50, 27) "Гаятри захлопала в ладоши, когда Эрлангга летел высоко /на самолете/".

I.5. Средство перемещения. Чтобы подчеркнуть, что субъект пользуется транспортом, употребляются специальные глаголы (*naik mobil* "ехать на машине", *ikut helikopter* "летать на вертолете", *tumpang bus* "ехать на автобусе"), используются также другие глаголы (*berperahu* "плыть на лодке", *bersepeda* "ехать на велосипеде"), образованные присоединением префикса *ber-* к существительным, обозначающим средство передвижения, можно употреблять и дру-

гие глаголы движения, к которым присоединяется предлог dengan "с", например: Mereka naik kapal terbang yang sama. Naik kereta api juga yang sama (VPI, 324, 18) "Они летели на одном и том самолете. Ёхали на одном и том же "поезде"; "Oke ... kalau beg tu antarkan aku kembali ke rumah dengan kapal perangmu (F, 4I, 62) "Хорошо ... в таком случае доставь меня обратно домой на твоём военном корабле".

I.6. Прекращение движения. Сюда мы отнесем только глаголы значение прекращения движения в которых не связано с направлением движения (berhenti "остановиться", berlabuh "причалить", -st "остановить"), например: Sebuah becak berhenti di depan rumah (AR, 233) "Какой-то рикша остановился перед домом".

I.7. Каузация ненаправленного движения. Сюда входят только V_t (-angkut "везти", -gandeng "вести"), например: Aku ganden gadis kecil itu ke sekolahannya (PAT, 43) "Я вел эту маленькую девочку в её школу".

II. Глаголы направленного движения. По направленности движения исследуемые глаголы делятся на две группы: А) глаголы, выражающие однонаправленность движения и Б) глаголы, выражающие ненаправленность движения.

A. Глаголы, выражающие однонаправленность движения. Среди глаголов направленного движения большинство глаголов имеет значение однонаправленности движения (90%). По характеру направленности движения эти глаголы делятся на следующие подгруппы:

A.1. Начало движения. Субъект перемещения отправляется от (из) исходного пункта. Наличие же конечного пункта движения в предложении необязательно. Эти глаголы делятся на две подгруппы а) начало движения от или изнутри исходного пункта (beranjak "пойти"), например: Ia telah beranjak ke sana (KU, 42) "Он пошел туда"; б) начало движения только изнутри исходного пункта (meluar "хлынуть потоком наружу"), например: Murid-murid melu dari gedung sekolah "Школьники потоком вышли из школы".

A.2. Окончание движения. Субъект перемещения прибывает на конечный пункт, исходная точка, от которой субъект начал путь, обычно не указана (mendarat "приземлиться"), например: Karena kerusakan mesin, pesawat terbang itu terpaksa mendarat di Den Pasar (KU, 186) "Так как машина не в порядке, самолет вынужде приземлиться в Ден Пасаре".

A.3. Начало или окончание движения. Глаголы этой группы употребляются для обозначения окончания движения, но они могут иметь и значение "начало движения" (balik, kembali, pulang "п

ти"). Ср. "Ya, Ibu, jadi Ita baru boleh nakal kalau Ibu sudah pulang"? (F, 39, 62) "Да, мама, значит, я смогу баловаться, когда ты уже придешь [домой]"? и Gemius pun turun, latihan bubar. Gayatri dan Erlangga pulang (PI, 50, 27) "И Гемиус спустился, тренировка закончилась. Гаятри и Эрлангга пошли [домой]".

A.4. Движение вовнутрь объекта. Движение субъекта направляется вовнутрь объекта, который может быть закрытым помещением или открытым пространством (menyelundup "быстро войти тайком", menyerbu "вторгаться"), например: Tentara Amerika menyerbu ke Nikaragua "Американские войска вторглись в Никарагуа".

A.5. Движение вперед. Субъект направляется вперед (шага "идти вперед", tampil "выступать вперед"), например: Marha ke arah pertahanan musuh (KU, 573) "Идти вперед по направлению к [линии] обороны противника".

A.6. Движение назад. Субъект, движущийся назад, может быть одушевленным и неодушевленным (mundur "идти назад", surut "двигаться назад"), например: Lokomotif itu mundur pelan-pelan "Этот локомотив медленно идет назад".

A.7. Движение вверх. Здесь учитываются глаголы, обозначающие движение вверх и диагонально, и вертикально (naik "подниматься", melambung "высоко взлетать", -daki "подниматься в гору"), например: Untuk mencapai puncak gunung ini kita masih mendaki beberapa undakan lagi (F, 39, 14) "Чтобы достигнуть вершины этой горы, мы поднялись еще на несколько ступенек".

A.8. Движение вниз. Как и глаголы со значением "движения вверх", глаголы со значением "движение вниз" отражают как вертикальное, так и диагональное направление (turun "спускаться", terjun "прыгнуть с высоты"). Сюда можно включить и глаголы, обозначающие движение верхней части предмета вниз относительно неподвижной (малоподвижной) нижней части (rebah "валиться", tumbang "рухнуть"), например: Dia langsung terjun ke sungai "Он прямо прыгнул в реку"; Banyak pohon-pohonan tumbang karena terserang badai (KU, 1030) "Множество задетых ураганом деревьев рухнуло".

A.9. Движение через-сквозь объект. Объектом, через который проходит субъект движения, может быть конкретный предмет или открытое пространство (menyeberang "переходить через что-либо на другую сторону", -lintasi "пересекать"), например: Ruang tamu luas itu kami lintasi (PAT, 14) "Мы прошли через эту просторную гостиную".

A.10. Движение за объектом. В эту группу входят глаголы, характеризующие не самостоятельное, а подчиняющее перемещение

объекта движение (-susul "следовать", -buntuti "следовать по стопам"), например: ... ke mana pun saya pergi dibuntuti (Sn, 90) "... куда бы я ни шел, /езде за мной/ идут по пятам".

A.II. Движение вокруг объекта. Движение совершается субъектом вокруг объекта (-kelilingi, -lingkari "обходить вокруг чего-либо"), например: Mereka mengelilingi benteng "Они обошли вокруг крепости".

Глаголы движения этой группы могут иметь также несколько расширенные значения (-kelilingi "обезжать"), например: Millioner itu ingin mengelilingi dunia "Этот миллионер хочет объехать /весь/ мир".

A.I2. Движению мимо объекта. Для обозначения "движение мимо объекта" обычно используются три корневых глагола и их дериваты с суффиксами -kan и -i, например: Orang-orang lalu di depan toko-toko itu "Люди проходят мимо этих магазинов"; Mobil merah itu melalukan motorfit yang tidak mau berhenti "Красная машина пропустила мотоцикл, который не хотел остановиться".

A.I3. Движение в сторону. Субъект перемещения отправляется куда-то не по центру дороги, а идет в сторону или по краю дороги с определенной целью, чтобы пропустить другие объекты, избежать столкновения или просто отойти в сторону (menyingkir "повернуть в сторону", menyusur "идти вдоль чего-либо"), например: Baik kita menyingkir, biarlah dia lalu (KU, 890) "Давайте отойдем, пусть он пройдет".

A.I4. Кратковременность пребывания субъекта перемещения. Сюда относятся глаголы, обозначающие кратковременность пребывания субъекта перемещения (ampir, singah "заходить") и кратковременность движения (keluar "выходить"), например: Kami singah untuk makan siang di Prapat (K, 104, 66) "Мы заехали пообедать в Прапат".

A.I5. Удаление предмета из исходного пункта. Сюда входят глаголы, обозначающие, что субъект сам удаляется из исходного пункта (menjauh "удалиться") и субъект удаляет объект из исходного пункта (-bajak "угонять"), например: Bukankah kalau pergi berarti kau menjauh dari Ibu? (SN, II.9.1984) "Не значит ли, что уезжая, ты удаляешься от матери"? Orang-orang yang membajak perahu-perahu dagang telah tertangkap (KU, 72) "Те, которые угонали торговые судна, уже схвачены".

A.I6. Результат перемещения в конечный пункт. Это группа глаголов конечного результата перемещения (merantau "переселиться на чужой остров, в чужую страну", berimigrasi "переселиться

в чужую страну"), например: Setelah perkawinan dan merantau ke pulau Jawa, para dan mama telah banyak meninggalkan adat istiadat batak (K, 104, 54) "После женитьбы и [после того, как] переселились на остров Яву, папа и мама позабыли нравы и обычаи батаков".

A.17. Соприкосновение субъекта перемещения с другими предметами в процессе движения. Действие совершается неожиданно, непредусмотренно, предмет сталкивается с другими предметами (-seruduk "налететь, столкнуть", -langgar "нападать"), например: Vesrapua jadi oleng. Hampir saja nyeruduk motor yang berhenti (B, 3, 5) "Его [мотоцикл марки] "Веспа" стал качаться. [Он] чуть не столкнул мотоцикл, который стоял".

Б. Глаголы, выражающие неоднаправленность движения. В эту группу мы включаем глаголы, обозначающие: 1) движение из исходного пункта в конечный и обратно, 2) движение из исходного пункта в различных направлениях и 3) движение из точек, лежащих в разных направлениях в один конечный пункт.

Б.1. По характеру возможности повтора движения выделяются две подгруппы глаголов, обозначающих движение из исходного пункта в конечный и обратно: а) разовое движение из исходного пункта в конечный и обратно и б) многоразовое движение туда и обратно.

Б.1.а. Сюда входят удвоения, непереходные сложные глаголы и переходные простые глаголы (bolak balik, pulang pergi "идти или ехать туда и обратно", -jemput "идти встречать") например: Dia baru saja pulang pergi dari Bandung ke Jakarta "Он только что ездил туда и обратно из Бандунга в Джакарту"; Besok kita ke pelabuhan menjemput kakakmu (KU, 241) "Завтра мы пойдем в порт встретить твою сестру".

Б.1.б. Глаголы этой подгруппы обозначают, что движение в одну сторону и обратно повторяется много раз (mondar mandir, hilir mudik), например: ... siang ini kami temukan bi Salmah, pembantu rumah Isti sedang hilir mudik di beranda rumah (VPI, 324, 81) "... днем мы встретились с тетушкой Салмах, домработницей Исти, которая ходила взад вперед по веранде".

Б.2. Движение из исходного пункта в разных направлениях. Во всех предыдущих группах глаголы направленного движения употребляются при единственном или множественном субъекте. Здесь же выделяются две подгруппы глаголов, обозначающих движение из исходного пункта в разных направлениях:

Б.2.а. Глаголы, при которых субъект перемещения может быть и единственным, и множественным (berkelana "странствовать", bepergian "ездить"), например: Seorang penyair yang bertahun-ta-

hun berkelana (KU, 406) "Некий поэт, который годами странствовал".

Б.2.б. Глаголы, при которых субъект перемещения только множественный (buuar "расходиться", kosag kacig "беспорядочно расходиться в разных направлениях"). Эти глаголы в свою очередь могут означать движение в двух плоскостях: горизонтальной и вертикальной. Если горизонтальное движение из исходного пункта в разных направлениях совершается на земле, то вертикальное движение осуществляется или снизу вверх (с земли в воздух), или сверху вниз (с воздуха на землю), например: Mendengar suara sirine Orang-orang buuar "Услышав сирену, люди разбежались"; Pecahan dinamit berhamburan ke mana-mana (B, 3, 5) "Осколки динамита разлетелись в разные стороны".

Б.3. Субъект передвижения при глаголах, обозначающих "движение из разных точек в один конечный пункт", может быть употреблен только во множественном значении (beradu "столкнуться", berdatangan "прийти со всех сторон"), например: ... banyak binatang berdatangan untuk menghadap raja kelinci (B, 10, 12) "... много зверей пришло со всех сторон, чтобы явиться перед раджей-зайцем".

Итак, на основе наличия или отсутствия значения направления движения исследованные глаголы делятся на две группы: 1) глаголы с невыраженной ориентацией движения (по нашей картотеке таких 88) и 2) глаголы направленного движения (232). В первой группе выделяются семь дополнительных семантических компонентов, которые могут входить в значение глагола. Глаголы второй группы выражают не только однонаправленность, но и неоднаправленность движения. По характеру направленности движения глаголы однонаправленного движения делятся на 17 подгрупп. В группе "глаголов неоднаправленности движения" рассматриваются не только глаголы со значением "движение в одну сторону и обратно", но и глаголы со значениями "движение в разных направлениях" и "движение из разных точек в один конечный пункт". Почти все глаголы неоднаправленности движения предполагают множественный субъект.

-
1. См. Ирене Квонг Лай Ю. Модификаторы со значением направления движения в индонезийском языке. - III и ПИИЧВ, XXI/2. М., 1989, с. 93-97.
  2. См., например, С.В.Кологривова. О некоторых семантико-синтаксических группах глаголов в индонезийском языке. - Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса. М., 1971, с. 62.

3. Kamus Umum Bahasa Indonesia. Disusun oleh W.J.S.Poerwadarminta. Cetakan ketiga. Dinas Penerbitan Balai Pustaka. Jakarta, 1961.
4. При перечислении глаголов движения сначала даются непереходные глаголы (V_1), затем переходные (V_t). В том случае, когда V_1 может употребляться в предложении и с определенным префиксом, и как корневая морфема, префикс значится в квадратных скобках. V_t же даются через дефис.
5. Двухколесная повозка.
6. И.И.Басс. Семантика глаголов движения в современном японском языке. АҚД. М., 1973.

Принятые сокращения (в периодических изданиях первая цифра после сокращения обозначает номер журнала, вторая - страницу):

- AR - Umar Kayam. Bawuk. - Ayip Rosidi. Laut biru langit biru. Bunga rampai sastra Indonesia mutakhir. Jakarta, 1977, h. 225-250.
- B - "Bobo". Jakarta, 1981, NN 3, 10.
- F - "Femina". Jakarta, 1981, NN 39, 41.
- IM - Ircham Machfeedz. Buahian Yang Hilang. Bonus KARTINI 230. Pemenang ketiga Sayembara Novelet KARTINI'83.
- K - "Kartini". Jakarta, 1978, N 104.
- KU - Kamus Umum Bahasa Indonesia. Disusun oleh W.J.S.Poerwadarminta. Cetakan ketiga. Dinas Penerbitan Balai Pustaka. Jakarta, 1961.
- PAT - Pramodya Ananta Toer. Bumi Manusia. "Manus Amici". Holland, 1980.
- PI - "Puteri Indonesia". Jakarta, 1980, N 50.
- SH - "Sinar Harapan". Jakarta.
- Sn - Senang. Edisi Gemilang. Jakarta, 1981.
- VPI - "Variasi PUTRA Indonesia". Jakarta, 1980, N 324.

И.Т.Канева

УСЛОВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ШУМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

В шумерском языке существует ряд способов выражения подчинительной связи предложений. Соотнесенность условного придаточного предложения с главным осуществлялась главным образом с помощью союзов tukum-bi "если" и ud-da (варианты ud, ù-da) "если/ког-

да" (восходит к имени существительному *ud* "день", употребленному в местном падеже - показатель морфема - "а"; *ud-da* < *ud-a "в день, в случае"), например, *ù-da nu-šè-šám-šám lú-gu-la-bé šub-lugal-ra libiš-bi na-na-tag-ge* (Ukg 5 XI 14-18) "если он не хочет продавать, вельможа по отношению к "шублугалу" гнев из-за этого не должен проявлять"; *tukum-^[bi] 60 guruš-^[am] Sur^x-ubur-^[a] ha-na-ab-sum-mu* (TCS I 59, 7-10) "если есть 60 рабочих, пусть он даст их Сурубуру!"; *lugal-mu tukum-bi kur-ra 1-in-ku₄-ku₄-dè-en^d Utu he-me-da-an-zu* (GLL 9) "мой господин, если ты хочешь войти в горы, пусть Уту узнает от тебя об этом!".

Наиболее распространенный тип подчинительной связи в шумерском - оформление предиката придаточного предложения (находится на его исходе) энклитикой -а, которая выполняет, по всей вероятности, анафорическую функцию и указывает на соотнесенность придаточного предложения со всем главным предложением или с находящимся в его составе опорным словом.

В письменных памятниках отмечены единичные случаи, где связь условных придаточных предложений с главным оформляется не только с помощью союзов *tukum-bi*, *ud-da*, но и осложнением предиката придаточного предложения энклитикой -а. Следует отметить, что подобные примеры встречаются в письменных памятниках, относящихся ко всем периодам развития шумерского языка, например, *ud nu-šè-šám-šám-a-a ugula libiš-bi na-na-tag-ge* (Ukg. 5 X 30-32) "если/когда он не хочет продавать, (то) надзиратель гнев из-за этого не должен проявлять на него"; *tukum-b^[i] giš nu-ra-tug-ga 'a-a-ni gul-a* (TCS I, 142, 7-9) "если (кто-либо) ослушается тебя, разрушь его дом!"; *tukum-bi kisal-Arat^{ki}-ka gur₇-šè mu-dub-ba* (вариант: *mu-dub-bé*) (EIA 284) "если отсыплет (зерно) в амбары во дворе Аратты"; *tukum-bi ad-da til-la dumu-ⁿⁱ-a-ni-ir ... ibila-giš-nam é-ni tuš-e-dè* (CL XV 45-51) "если отец жив, (то) его дочери ... как наследнице (в) его доме можно жить".

Наряду с собственно условными предложениями в шумерском существовал ряд способов выражения отношений подобного рода.

Поскольку условность действия предполагает его гипотетичность наиболее часто в качестве эквивалента придаточной части условного предложения используются предложения с финитными глагольными формами, осложненными следующими префиксами наклонений: *ù-* показатель наклонения допущения; *he-* показатель наклонения пожелания, разрешения; *ga-* формант увещательного наклонения (когортатив), употребляется только с финитными глагольными формами 1 лица ед. и мн. числа; показатель наклонения увещания к несовер-

шению действия на-, а также предложения с формами императива, например, *lú dam ù-tag₄ kug-5-gín-am₆ ensí-ke₄ ba-túm* (Ukg. 6 II 15-18) "допустим (если бы) человек оставил жену, (то) правитель забирал 5 сиклей серебра"; *lugal-zu giš³gigir ù-mu-silim anšū dūr^{ur} ù-ši-lal giš³gigir-bi kug-gi₉ za-gín-na šu ù-ma-ni-tag ... tur dug₄-ga-zu maḥ dug₄-ga-am šu ba-a-ši-ib-ti* (G Cyl A VI 17-VII 3) "допустим (если бы) ты сделал для своего господина колесницу, допустим (если бы) ты впряг в нее осла, если бы ты украсил эту колесницу серебром (и) лазуритом, ... (то) малое, что ты сказал, стало бы значительно сказанным (и) он выслушал бы тебя"; *dingir hé-me-en inim ga-šu-ra-ab-dug₄ ... lú-ulù hé-me-en nam ga-šu-rí-ib-tar* (LE 106-108) "пусть (если) ты бог, позволь я слово тебе скажу, ... пусть (если) ты человек, позволь я определю для тебя судьбу!"; *nar za-ra-ag hé-en-dug e-ne-am nar-am* (SP 2, 57) "пусть (если) у певца голос приятный, он - певец"; *lú...e-dingir-má-ke₄ igi-x-la na-ab-ag-ge mu-bi hé-pád-dè lú-bi ku-li-mu hé-am mu-šu hé-pád-dè* (G St I III 11-IV 7) "(если) человек ... на храм моего бога ... не сделает, (если) имя его назовет, (то) этот человек воистину мой друг, пусть он называет мое имя!", букв. "человек ... для/к храму моего бога ... пусть не сделает, имя его пусть назовет, этот человек воистину есть мой друг, мое имя пусть назовет"; *za-e má-e taḥ-ma-ab má-e za-e ga-šu-ra-taḥ a-pa-me lú ba-an-túm* (GIL IIO) "помоги ты мне, (а) я тебе позволь помогу, что нам кто-либо сделает!".

В шумерском языке в качестве эквивалентов придаточных предложений используются синтаксические конструкции с глагольным именем (чистая основа), оформленным по т.н. посессивному типу спряжения, в качестве ведущего члена.

Оформление по посессивному типу спряжения получают глагольные имена, употребляющиеся в функции атрибута. Эти имена, находящиеся на исходе конструкции, осложняются энклитикой - а, которая указывает на *соотнесенность определения с определяемым, и энклитическим притяжательным местоимением, выполняющим роль субъектного показателя, например, *dNin-gír-su-ke₄ Umma^{ki} zig_x-ga-bi i-ḥa-lam* (Ukg.6 IV 16'-19') "Нингирсу Умму, которая/ когда во-стала, погубил", букв. "Умму восставить-та ее он погубил"; *uḡu paḥ-tar-ra-a-ni á-bi ki-bé nu-g₁₄-gi₄* (SGL I 121, 20) "город, который он проклял, не восстановит свои силы", букв. "город проклинать-тот-его свои силы не восстановит".

В приведенных примерах конструкции с глагольными именами, оформленными по посессивному типу спряжения, имели опорный компо-

нент - определяемое в составе главного предложения.

Наряду с этим известны случаи, когда определяемое не входит в состав главного предложения, а вместе с определением передает ситуацию, обуславливающую последующую. Связь между главной и придаточной частями осуществляется с помощью пространственных послелогов, которые присоединяются к глагольному имени (после энклитических притяжательных местоимений) и выполняют роль союзов, например, a-a^d Nanna za-e eš-kug-še u₅-a-zu-dè ... a-a-zu igi-húl-la mu-e-ši-in-bar (MNS 44, IO, I6) "отец Нанна, ты, когда ты плыл к чистому святилищу, ... твой отец посмотрел на тебя радостно", букв. "отец Нанна, ты к святилищу плыть-тот-твой-при ... твой отец радостно на тебя посмотрел".

Определяемое может не получить графического выражения: é^d-mu-ul-líl-lá-še ku₄-ku₄-da-zu-dè i-bí^d-mu-ul-líl-lá-še ir šeš-a (IDNW 4I-42) "(ты), когда ты войдешь в храм Энлиля, пролей слезы перед Энлилем!"

Конструкции рассматриваемого типа могут также употребляться в функции условных придаточных предложений, например, Umma^{ki} e-bi bal-e-da-bi gir-bi Nin-ki-ke₄ ki he-da-kar-gé (Ean. T R V 37-4I) "следы ног уммийцев, если они захотят перейти через этот канал, пусть Нинки сотрет с земли!", букв. "(жители) Уммы этот канал переходить-возможность-те-их их ноги пусть Нинки уберет (с) земли!"; kaš nag-a-zu-dè di na-an-ne-e (IS I3I) "если/когда ты выпил пиво, пусть ты не вершишь суд", букв. "пиво пить-твое-при суд пусть ты не говоришь!"; i-bí-íl-la-zu a-ba ba-ra-éd duš-bad-du-zu a-ba ba-ra-šub-bu (MNS 45, 28-29) "(от тебя), если/когда ты взглянешь, кто уйдет, (от тебя), если-когда ты шагнешь, кто спрячется?";

В шумерских письменных памятниках представлены финитные глагальные формы, оформленные по посессивному типу спряжения. Они также могут выполнять функцию условного придаточного предложения. В следующем примере финитная глагольная форма осложнена еще префиксом наклонения ù-: igi kalam-še ù-ši-bar-ga-zu im-a he-gal-la-am (G Syl A III 4)² "если ты согласишься на страну, влажные ветры (и) изобилие будут", букв. "взгляд на страну допустим бросила-тот-твой, ветер-вода изобилие есть".

В функции условных придаточных предложений употребляются глагольные конструкции, сходные с инфинитивными других языков. Следует отметить, что в шумерском инфинитива как грамматической категории нет. Глагольное имя в зависимости от синтаксической функции может иметь значение имени действия или состояния, при-

частия или прилагательного. Глагольное имя сохраняет глагольное управление и обладает свойствами имени существительного (к нему могут присоединяться падежные показатели), например, *ur-sag-da gub-bu-dè zi-zu h́e-en-da-gál* (IS 76) "(если) стоять рядом с героем, (то) твоя жизнь непременно сохранится", букв. герой-с стоять-с/при твоя жизнь воистину у тебя есть"; *KAŠ kurún nag-nag-e bucu_x i_x-su-su-su* (IS 225) "(если) пьешь пиво (и) вино, (то) урожай утонет", букв. "пиво, вино пить-пить-при урожай утонет".

Как известно, сочинительная связь предложений могла выражать семантическое подчинение. Материалы письменных памятников представляют случаи, где подобным способом передается содержание условных предложений. Отметим, что сочинительная связь предложений в шумерском осуществлялась посредством простой постановки их рядом друг с другом, например, *gemé lú nam-ra-hul ju-na-ag nin-ané igi-na nig nu-ju-na-ni-ra* (G Syl A XIII 8-9) "рабыня по отношению к человеку проступок совершила, ее госпожа в ее лицо ничего ей не бросила". В данном отрывке соотнесены две ситуации, причем вторая оказывается зависимой, обусловленной первой, т.е. "если/когда рабыня совершала проступок по отношению к человеку, (то/тогда) ее госпожа в ее лицо ничего не бросала". Таким образом, способом сочинения здесь передано содержание условного придаточного предложения, ср. также *íid a-ba ju-u_n-na-ba-e-ne šu nam-l_{ba}-BU-i-en-zé-en a-šag₄ še-ba ju-un-na-ba-e-ne šu nam-ba-BU-i-en-zé-en* (IDNW 2, 243-244) "они дадут вам речную воду, пусть вы не берете, они дадут вам полевое зерно, пусть вы не берете", где ситуация следует, очевидно, понимать так: "(если/когда) они дадут вам речную воду, (то) вы ее не берите".

Шумерскому глаголу присуща категория вида. Видовые различия, которые были свойственны только финитным глагольным формам, передающим действие, осуществлялись наличием двух систем показателей субъекта действия. Категория вида связывалась здесь с выражением двух противостоящих друг другу значений заверщенного и незавершенного действия.

В придаточной части условных предложений употреблялись финитные глагольные формы обоих видов, таким образом, сообщение, содержащееся в придаточном предложении, могло расцениваться либо как возможное, предположительное (несов.вид), либо как совершившееся (сов.вид), например, *ud-da inim-ba šu i-bal-e va-šuš-gal-d_d En-líl-lá Umma^{ki} an-ta h́e-šuš* (Ean. I XVII I4-20) "если он нарушит / захочет нарушить (несоверш.вид) договор, (то) большая сеть Энлиля пусть покроет Умму сверху!"; *tukim-bi lú kiri₆-lú-ka*

giš in-siğ maš ma-na kuḡ-babbar i-lal-e (CL XIII I5-I9) "если человек в саду человека дерево срубил (соверш.вид), (то) половину мины серебра он должен отвесить".

В условных предложениях, где предикат придаточной части представлен финитными глагольными формами, передающими состояние, или глагольной основой, осложненной морфемой -а и энклитическим притяжательным местоимением (в роли субъекта), была также возможна модальная характеристика сообщения. Его будущность, предположительность передавалась посредством оформления предиката придаточного предложения формантом ed или редупликацией глагольной основы. Соответственно отсутствие этого форманта или единичная форма глагольной основы указывали на то, что событие имело место.

Помимо этого использовался лексический способ характеристики события в виде употребления супплетивных пар семантически тождественных глагольных основ (редко). Примеры: luḡal-mu tikum-bi kuḡ-ra i-in-ku₄-ku₄-dè-en ^dutu hé-me-da-an-zu (GLL 9) "мой господин, если ты хочешь войти (редупликация глагольной основы ku₄-ku₄ + суффикс -ed) в горы, Уту пусть узнает об этом от тебя!"; tukum-bi mušsa-tur é-ur₇-ra-na-ka i-in-ku₄ níḡ-mussa in-ag eger-bi-ta im-ta-an-éd-eš dam-a-ni ku-li-ni-ir ba-na-an-sum-uš níḡ-mussa in-tum-a-ni in-na-ab-ba-e-ne (CL XVII 39-47) "если зять в дом своего тестя вошел (единичная форма глагольной основы), брачный дар сделал (соверш.вид), затем его изгнали (соверш.вид), его жену отдали (соверш.вид) его другу, (то) брачный дар, который он принес, должны ему отдать (несоверш.вид)"; ud-da uru-šè i-du-un lú nu-ju-e-da-du-ù (LE 287) "если/когда в город ты пойдешь, никто не пойдет с тобой". Предположительный характер события, содержащегося в придаточном предложении, передается лексическим способом - использована глагольная основа du, член супплетивной пары du: gin "идти", ср. следующий пример, где употреблена глагольная основа gin: tukum-bi mi-ik-tum ní-te-a-ni-ta lú-ù un-ši-gin lú-bi nu-un-tag-tag (CL XIV 9-I3) "если миктум по своей воде допустим к человеку пришел, (то) этот человек не должен его задерживать".

В собственно условных предложениях (придаточная часть вводится при помощи союзов), представлены, как правило, глагольные формы изъявительного наклонения (они либо вовсе не содержат префикс наклонения (нулевой аффикс), либо оформлены префиксом наклонения посредством которого выражался негативный факт), например, tukum-bi lú-di-da-ka-ni giš la-ba-ra-an-ur₄ ká-'a gal-šè ju-luḡal paḏ-

шu-ni-ib (TCS I 39, 5-9) "если противник в судебном процессе не согласился (соверш.вид), поклянись именем царя у ворот дворца!"; giš la-ba-ra-an-ur₄ < giš nu-ba-ra-an-ur₄. Известно только несколько случаев из текстов позднешумерского периода с условными предложениями, где придаточная часть содержит финитную глагольную форму, осложненную префиксом наклонения допущения и просьбы ù-; например tukum-bi mi-ik-tum ní-te-a-ni-ta lú-ù un-ši-gin lú-bi nu-un-tag-tag (CL XIV 9-I3) "если миктум по своей воле допустим пришел к человеку, этот человек не должен его задерживать"; un-ši-gin < *ù-ì-nši-gin.

Разграничения условных предложений на потенциальные и ирреальные в шумерском не было. Ирреальные (судя по контексту) условия могли передаваться с помощью обычного условного предложения, например, anše-kur lú u₅-a-ni ù-шu-ni-in-šub tukum-bi gu-un-шu da-ri-še ne-en-nam al-sig-en e-še (E.Gordon, 1958, I9) "когда (допустим) лошадь сбросила человека, когда он ехал на ней верхом, (она сказала): "если бы моя ноша всегда была такой, я бы ослабла - мол".

Существовали частицы которые, очевидно, усиливали нереальный оттенок сообщения, например, gišen (в графике giš-en или giš-še-en, встречается очень редко и только в литературных текстах позднешумерского периода), ср. ga-nam ga-ug₅-ga-en-dè-en giš-en ga-an-kú ga-nam ga-tíl-le-dè-en giš-en ga-bí-ib-gar (BWL 244, 42-45) "Хорошо! Если мы (все) умрем, я бы (все) съел. Хорошо! Если мы будем жить, я бы (все)сберег", букв. "Пусть мы умрем как бы, пусть я съем! Пусть мы живем как бы, пусть я положу!".³ á шu-e-da-ág giš-še-en á-ág-gá ma-ab-шuшu-un e-še (A.Sjöberg, 1973, 43-44) "(если) бы я дал тебе приказ, (ты бы сказал): "ты даешь мне приказ!?", букв. "я дал тебе указание как бы, указание ты мне даешь - мол".

Возможно, в том же значении могла употребляться частица ì-ge₄-en (засвидетельствована пока только в двух текстах позднешумерского периода): ì-ge-en Aratta^{ki} ur-du₁₄-шú šu-ta im (вариант im)-ta-ri ma-e ud-ba ša-ba-na-gurum-e-dè-en (EIA 290-291) "если бы она (Инанна), прогнала Аратту (как) собаку, которая ищет драку, (то) я тотчас бы покорился ему!".

1. В данном примере не получило графического выражения местоимение za-e, выступающее в функции определяемого.
2. Поскольку субъектные показатели часто не получают графического выражения, финитными принято здесь считать глагольные формы,

осложненные префиксами пространственной ориентации. ù-šì-bar-
-ra-zu < *ù-ì-bšì-e-bar-a-zu.

3. В приведенном отрывке первое предложение с финитной глагольной формой, осложненной префиксом увещательного наклонения ga-, играет роль придаточной части условного предложения. Гипотетический характер сообщения (на это указывает присутствие префикса наклонения ga-), повидимому, усиливается частицей giš-en.

Список сокращений

- BWL - W.G.Lambert. Babylonian Wisdom Literature, Oxford, 1960.
CL - E.Steel. The Code of Lipit-Ištar. - American Journal of Archaeology 3, 1948.
DD - B.Alster. Dumuzi's Dream. Aspects of Oral Poetry in a Sumerian Myth. - Mesopotamia 1, Copenhagen, 1972.
Ean. I - H.Steible. 1982 I, 120-145.
ELA - S.Cohen. Enmerkar and the Lord of Aratta. Dissertation University of Pennsylvania, 1973.
G Cyl A-F.Thureau-Dangin. SAK, 88-123. A.Falkenstein, W.von Soden. Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete. Zürich-Stuttgart, 1953, 137 сл.
GIL - S.Kramer. Gilgamesh and the Land of the Living. - Journal of Cuneiform Studies I, 1947, 3-46.
E.Gordon 1958 - E.Gordon. Sumerian animal Proverbs and Fables: "Collection five", - Journal of Cuneiform Studies XII I, 1958, 19.
G St I. - F.Thureau-Dangin. SAK, 86-87.
IDHW 2 - S.N.Kramer. New Texts for "Inanna's" Descent to the Nether World". - Proceedings of the American Philosophical Society, 107, 6, 1963, 511-512.
IS - B.Alster. The Instructions of Suruppak. A Sumerian Proverb Collection. - Mesopotamia 2, Copenhagen, 1974.
LE - C.Wilcke. Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969.
MNS - Å.W.Sjöberg. Der Mondgott Nanna-Suen in der sumerischen Überlieferung, Stockholm, 1960.
SAK - F.Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, - Vorderasiatische Bibliothek, I, Leipzig, 1907.
Å.Sjöberg 1973 - Å.Sjöberg. Der Vater und sein misstratener Sohn, - Journal of Cuneiform Studies XXV, 3, 1973.
SP 2 - E.Gordon. Sumerian Proverbs (collections I and 2), Philadelphia, 1959.

- H.Steible 1982 - H.Steible. Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften. I.II. Wiesbaden, 1982.
- TCS I - E.Sollberger. The Business and Administrative Correspondence under the Kings of Ur. - Textes from Cuneiform Sources I, Locust Valley, New York, 1966.
- Ukg. 5 - H.Steible 1982, I, 288-312.
- Ukg. 6 - H.Steible 1982, I, 313-324.

Г.Х.Каплан

К УПОТРЕБЛЕНИЮ ПРЕТЕРИТА И ПЕРФЕКТА В АККАДСКОМ ЯЗЫКЕ

Претерит и перфект - две формы пунктива в аккадском языке. Обе формы используются для обозначения действия в прошедшем и будущем времени. Соотношения между претеритом и перфектом в каждой из временных сфер различны. В данной статье речь идет только о сфере прошедшего времени.

На средней стадии развития аккадского языка (среднеассирийский - XV-XI вв. до н.э. - и среднеавилонский - XVI-XI вв. до н.э.-диалекты) перфект превращается в форму сказуемого утвердительного самостоятельного предложения, а претерит - в форму сказуемого придаточного предложения, а также самостоятельного отрицательного и вопросительного предложений (правда, в ряде территориальных диалектов перфект встречается в самостоятельных отрицательных предложениях, например, в аккадоязычных письмах миттанийского царя Тушратты, XIV в. до н.э.).¹

В какой степени это разграничение синтаксических функций между претеритом и перфектом на средней стадии языка вытекает из различия в употреблении обеих форм на древней стадии аккадского языка (староассирийский XX-XIII вв. до н.э. и старовавилонский XX-XVI вв. до н.э. диалекты)?

Исследование американского ученого Дж.Мелони, посвященное употреблению перфекта в старовавилонских письмах, позволяет ответить на этот вопрос.²

Основной вид перфекта в этих письмах - т.н. объявительный перфект. Это перфект чаще всего от глаголов, выражающих идею послания, *šarāgu(m)*, *ṭarādu(m)* и *šūbulu(m)* (глагол *wabālu(m)* в породе III₁). Объявительный перфект обычно следует после изложения сути дела и предшествует различного рода распоряжениям. Этот перфект часто сопровождается наречиями *anšamma*, *inanna* "теперь",

"отныне":³

1) aš-šum ^dEN.ZU-ra-bi ša it-ti ^Pnu-ur-išt/ar/ ta-aṭ-ru-da-
aš-šu ^dEN.ZU-ra-bi šu-a-ti a-na ma-aḫ-ri-ja ú-še-ri-bu-nim-
-ma aš-šum i-din-^dEN.ZU ú-lam-mi-da-an-ni a-nu-um-ma ^dEN.ZU-ra-bi šu-a-
-ti a-na se-ri-ka aṭ-ṭar-dam ^Pi-din-^dEN.ZU ù ^lú-ši-i-bi ša i-qá-
-ab-bu-ku-a a-na ma-aḫ-ri-ja tū-ur-dam. Относительно Син-раби, ко-
торого с Нур-Ишт/аром/ ты послал, этого Син-раби ко мне привели.
Относительно Иддин-Сина он сообщил мне. Теперь этого Син-раби к
тебе я посылаю (букв. я посылаю). Иддин-Сина и свидетелей, которых
он (Иддин-Син) тебе назовет, пришли ко мне (AbB 2, 2, 4-15).

Мелони предлагает понимать объявительный перфект как дейст-
вие, завершённое не к моменту повествования, но к моменту отправ-
ки письма (Maloney, там же, с. 68).

Довольно часто встречается перфект в старовавилонских пись-
мах в т.н. ма-цепях, ма-цепь - это серия глаголов, соединённых
энклитикой -ма и описывающих последовательные, часто логически
связанные между собой события. Перфект обычно занимает конечную
позицию в такой ма-цепи после одного или нескольких претеритов:⁴

2) aš-šum 4 iku a.šà ^dEN.ZU-i-din-nam ša a-na a-ba-am-ra-ma
ka-na-ki-im ta-aš-pu-ra-am PA.PA ù dumu é ṭup-ra-a-ti iz-zi-zu-
-ni-ma i-na mu-uḫ-ḫi ^dEN.ZU-i-din-nam šu-a-ti aš-ši-ma 4 iku
a.šà a-na a-ba-am-ra-am ša ta-aš-pu-ra-am ak-ta-na-ak-šu ... От-
носительно 4 ику поля Син-иддиннама, которые ты велел мне закреп-
пить за Абам-рамой, PA.PA и чиновник архива явился ко мне и в
присутствии этого Син-иддиннама я(табличку) прочитал и 4 ику поля
за Абам-рамой, о котором ты мне писал, я закончил (AbB 6, 2I5,
II-20).

И в качестве объявительного перфекта, и в ма-цепях перфект
обычно обозначает недавно завершившееся по отношению к моменту
повествования (или моменту отправки письма) действие.

Но такое действие мог обозначать и претерит:

3) um-ma šar-ru-um-ma i-na a-li-šu bur iku a.šà-am li-id-
-di-nu-šum i-na qá-bé-e be-lí-ia aš-pu-ra-ak-ku-m šum-ma i-na
a-šà é ad.da.ni šum-ma i-na ni-še-er-tim ša i-ba-aš-šu-ú bur iku
a.šà-am i-di-iš-šum... Царь (приказал) следующее: в его общине
(I) бур поля пусть дадут ему. По повелению господина моего пишу
тебе (букв. написал тебе). Либо из поля его отцовского дома, либо
из отобранного надела, что имеется, (I) бур поля дай ему... (AbB
4, 54, 9-15).

Состоящая из претерита и перфекта ма-цепь может представ-
лять собой функциональное единство, т.н. гандиадис, когда по сути

одно действие выражено двумя глаголами:

4) P^d arduk-na-sir il-li-ka-ma kubabbar i_h-bu-ta-ma
u_h-ta-ad-di-na-an-ni kubabbar ša u-ša-bi-la-kum šu-bi-lam ...
Мардук-нацир пришел ко мне и силой заставил меня дать серебро
(букв. серебро отнял и заставил меня отдать). Серебро, которое
я послал тебе, пришли ... (AbВ 3, 8, 7-II).

Как видим, претерит и перфект обозначают одновременные види-
мо, недавно имевшие место действия. Мелони полагает, что только
механическое правило, ограничивающее перфект последней позицией
в ма-цепи мешает перфекту появиться в предпоследней позиции
(Maloney, там же, с. 127).

И действительно есть пример, где оба глагола в гандиадисе
стоят в перфекте:

5) a-na ma-ḥar ^dEN./Z/U-im-/g/ur-an-ni is-su-na-/t/i-m/a/
da-ba-ba-am ug-da-am-ne-er-na ad-da-bu-ub ù te₄-ma-am ga-a/ḥ-ra-
-am/ a-na ma-ḥar a-wi-lim ú-túl-ištar iš-ta-a/p-ra-am/...
К Син-имгуранни нас призвали, и (свои) претензии я полностью из-
ложил (букв. претензии собрал и изложил) и окончательное решение
авилуму Утуль-Иштару он послал ... (AbВ 7, 93, 37-40).

Распространена в письмах ма-цепь, включающая претерит и
объявительный перфект. Она часто предваряется наречиями aninna
и inanna и является по сути вариантом одного объявительного пер-
фекта (пример № 1):

6) a-nu-um-ma I/3 gín kù.babbar ak-nu-ka-ma u_h-ta-bi-la-
-ak-kum ša kù.babbar šu-a-ti ku₆-hi.a dam-ú-tim ša-ma-am-ma
a-na a-ka-li-ia šu-bi-lam Теперь I/3 сикля серебра запечатываю
и посылаю тебе (букв. запечатал и послал тебе). За это серебро
хорошее мясо купи и для моего пропитания пришли. (AbВ 5, 224,
I7-24).

В свою очередь ма-цепь, являющаяся вариантом объявительного
перфекта, может представлять собой гандиадис:

7) a-nu-um-ma i-lí-ir-ra-al-ša-am ugula.nuḥatim.meš a-na
sizkur_x ša urim^{ki} ú-wa-e-ra-am-ma at-tar-dam ... Сейчас Или-ип-
пальсама, начальника пекарей, на (праздник) жертвы г-да Ура по-
сылаю (букв. отправил и послал) (AbВ 2, 9, II-I3).

Таким образом в старовавилонских письмах претерит мог упст-
ребляться во временных значениях не отличимых от значений перфек-
та, обозначая действие, завершившееся непосредственно перед мо-
ментом повествования (равно отправкой письма). А ма-цепь из пре-
терита и перфекта, заменяющая объявительный перфект, представляет
собой скорее всего письменный штамп.

Тот принцип, что в ма-цепи перфект следует за претеритом, и что перфект, занимает только последнюю позицию, изредка нарушался:

8) ki-ma te-eš-mu-ú síg am-ta-ba-ar-na i-na a-ki-tim ak-ta-n/a/ak ù a-na kù-babbar šam ša qá-ti dam.gàr.meš a-na dam.gàr.meš iš-ta-su-ú i-na qá-bé-e a-wi-lim aš-pu-ra-ak-kum P^{ri}-ša-tum ... a-na ma-aš-r/i-k/a /a/ṭ-ṭar-da/m ki-ma is-sà-an-qa-ak-ku/m/ ga-me-er kù-babbar šam ša qá-ti-ka/ li-qí-a-am-ma it-ti-šu a-na ká-dingir.ra^{ki} al-kaš ... Как ты слышал, шерсть я получил и в "Акиту" опечатал. Затем по поводу серебра платы, которое (находится) в руках у купцов, к купцам обратились. По повелению авилу-ма пишу тебе (букв. написал тебе). Ришатума ... к тебе посылаю (букв. послал к тебе). Как только он к тебе явится, все серебро платы, что (находится) у тебя в руках, возьми и вместе с ним в Вавилон приходи ... (AbV 7, I62, I-I3).

Нередко ма-цепь, состоящая из претерита и перфекта, составляет только часть синтаксической конструкции, описывающей последовательные события в прошлом. За ней может следовать другая ма-цепь или формы претерита и перфекта, соединенные бессоюзно или при помощи других союзов, обычно ù. Таким образом можно выделить еще некоторое число контекстов, где при описании последовательных событий перфекту предшествует также перфект, и даже где перфект предшествует претериту:

9) a-na P^{dingir}-ra-bi ... a.šà-li a-na er-re-šu-tim ad-din-ma P^a-pil-utu ... i-na e-mu-qí-im i-da-az-zu-ma a.šà-li i-te-ri-iš še-a-am ša a.šà-ia a-na ma-aš-ka-ni-šu it-ta-ba-ak... Идум-раби... поле свое для обработки я отдал, а Апил-Шамаш ... притеснил его и поле мое обрабатывал (и) зерно моего поля на свой ток сыпал ... (AbV 4, 69, 22-28).

10) 35.še.gur... a-na šu-mu-li-ib-ši e-ri-ib-ma am-ta-da-ad ù sag.kud i-na za.^{ki}/šib-šu ak-nu-uk-ma uš-ta-bi-lam a-na še-me-e be-lí-ja aš-pu-ra-am 35 гур ячменя... Шуму-либши я возместил и отмерил, а остальной (ячмень) его печатью я запечатал и послал. К сведению господина моего я написал. (AbV 6, I87, I-10). (Ср. также пример № 8).

Следовательно, в старовавилонских письмах иногда и перфект мог употребляться во временных значениях, не отличимых от значений претерита, обозначая завершённое действие достаточно отдаленное от момента повествования.

Таким образом в пределах прошедшего времени грани между претеритом и перфектом начинают стираться. Обе формы могут обоз-

начать действие и давно и недавно завершившееся по отношению к моменту повествования.

Но перфект явно ограничен в старовавилонских письмах в своем синтаксическом употреблении по сравнению с претеритом. Так в сфере прошедшего времени перфект, как правило, не встречается в самостоятельных вопросительных и отрицательных, а также придаточных предложениях.

В аккадистике принято считать, что перфект при обозначении действия прошедшего времени – носитель некой особой модальности (типа аффектива, интенсива и т.п.). Отсюда его ограниченность в синтаксическом употреблении, т.е. он не может выражать нереализованное или второстепенное действие.⁵

Мелони оспаривает эту точку зрения, приводя следующие доводы. Перфект не используется в древних диалектах для образования различного рода модальных форм: уверения, побуждения, запрета. Перфект не присоединяет к себе эмфатическую частицу *-ла*.⁶

К этому можно добавить и другие соображения. Перфект – сравнительно молодая категория в аккадском языке. По происхождению это, видимо, претерит вторичных пород, который стал употребляться в семантических значениях неотличимых от значений основных пород.⁷ К этому времени все основные грамматические категории аккадского языка, видимо, были оформлены, в том числе и различные модальные формы. Не потому ли только в средневавилонских текстах начинают встречаться формы заверения, образованные на основе перфекта (GAG § 81 f)? Не этим ли объясняется неравномерное присутствие перфекта в самостоятельных отрицательных предложениях в разных диалектах: почти полное отсутствие в старовавилонских, средневавилонских и среднеассирийских текстах, и достаточно частое появление перфекта в этих предложениях в староассирийских текстах из Кюльтепес⁸ и упомянутых выше письмах митанийского царя Тушратты?

А отсутствие перфекта в придаточных предложениях в сфере прошедшего времени в древних диалектах объясняется как будто исходной функцией перфекта. Его основное назначение в древних диалектах, как хорошо показано в работе Мелони, – обозначать действие, непосредственно предшествующее моменту повествования. Такое действие могло быть прежде всего в самостоятельном предложении, поскольку действие придаточного предложения обычно предшествует действию главного.

Уже в старовавилонских письмах перфект начинает обозначать не только действие, непосредственно предшествующее моменту повествования, но и более отдаленное, т.е. начинают стираться временные

различия между перфектом и претеритом. Но различия синтаксические сохраняются: при обозначении действия прошедшего времени перфект встречается, как правило, только в утвердительных самостоятельных предложениях.

В среднеассирийских и среднеавилонских письмах перфект в основном вытеснил претерит из указанных предложений и превратился в форму сказуемого утвердительного самостоятельного предложения.⁹

Этот процесс произошел и в среднеассирийских хозяйственных текстах, но, видимо, только к концу среднеассирийского периода, как минимум, на сто лет позже, чем в письмах (ср. архив Нинурта-Тукуль-Ашшура - XII в. до н.э.).¹⁰ Такое отставание хозяйственных текстов объясняется, видимо, тем, что форма хозяйственного текста весьма подвержена стандартизации и менее чувствительна ко всякого рода изменениям в языке по сравнению с письмами.

-
1. Н.-P.Adler. *Das Akkadische des Königs Tušratta von Mitanni, Alter Orient und Altes Testament. Bd. 20I, Neukirchen-Vluyn, 1976, § 63.*
  2. J.Fr.Maloneу. *The t-Perfect in the Akkadian of Old Babylonian Letters with a Supplement on Verbal Usage in the Code of Hammurapi and the Laws of Eshnunna. Ph.D.Dissertation Harvard University 1982.* Работа основана на материале I294 царских и частных писем (времени Хаммурапи - I792-I750 гг. до н.э. - и позже), опубликованных в I-7 тт. серии старовавилонских писем *Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung, herausgegeben von F.R.Kraus. Leiden, 1964 (H.I), 1966 (H.2), 1968 (H. 3,4), 1972, (H.5), 1974 (H.6), 1977 (H.7)* (в сокращении AbV № выпуска, № письма, № строки). В нижеследующих примерах претерит подчеркивается одной чертой, а перфект - двумя.
  3. Согласно Мелони, в AbV I-7 встретились 726 бесспорных форм перфекта, 423 из них приходится на упомянутые глаголы послания (Meloney, там же, с. 32). Видимо, большая часть последних приходится на объявительный перфект.
  4. В AbV I-7 встретилось I36 примеров на *ma*-цепи, начинающихся с претерита и кончающихся перфектом (Maloney, там же, с.II7).
  5. Г.Х.Каплан. *Употребление презенса, претерита и перфекта в аккадском языке (к истории вопроса). Переднеазиатский сборник Ш. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979, с. I22-I30.*
  6. Maloneу. *Ук.соч., с. 77-90.*

7. W. von Soden. Grundriss der Akkadischen Grammatik. *Analecta Orientalia*, 33. Roma, 1952 (в дальнейшем GAG), § 80a.
8. K. Hecker. Grammatik der Kültepe - Texte *Analecta Orientalia* 44. Roma, 1968, § 76g.
9. J. Aro. Studien zur mittelbabylonischen Grammatik. *Studia Orientalia XX*. Helsinki, 1955, с. 87; Г.Х.Каплан. Употребление видовых глагольных форм аккадского языка для выражения времен (среднеассирийский диалект). - История и филология древнего Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН. М., 1976, с. 30-38.
10. W. Mayer. Untersuchungen zur Grammatik des Mittelassyrischen. *Alter Orient und Altes Testament. Sonderreihe. B. 2. Neukirchen-Vluyn*, 1971, с. 58, § 63.2.

Т.А.Пан

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Маньчжурское прилагательное традиционно относится к разряду именных частей речи и выражает свойство или качество предмета.¹ Несколько иное определение этому классу слов дано Е.П.Лебедевой, включающей их в состав так называемых "имен качества", которые автор определяет как "разряд слов, обозначающих качества мыслимые и субстантивно, и как признаки предметов, и как признаки действий".² Е.П.Лебедева подразделяет их на группу имен качества, выражающих наиболее общие представления о качестве предметов и действий (например, сайнь "хороший, хорошо, добро"; шуминь "глубокий, глубина"), и группу имен качества, обозначающих признаки предмета по цвету (например, сахалянь "черный"; ниовари "зеленый"), которые с большим основанием,³ чем другие подобные им могли бы быть названы прилагательными. Таким образом под именами качества автором подразумеваются слова, обозначающие субстантивные качества (существительные), адвербиальные качества (наречия) и собственно прилагательные. На самом деле выделенные Е.П.Лебедевой слова из группы "качества предметов и действий" представляют собой случаи употребления имен прилагательных в предложении в роли обстоятельств образа действия и дополнений.

Ниже мы также остановимся на синтаксических функциях прилагательных, однако в отличие от вышеизложенной точки зрения мы придерживаемся традиционного подхода к выделению частей речи в

маньчжурском языке и считаем прилагательные самостоятельной частью речи.

Маньчжурское прилагательное не имеет грамматических категорий рода и числа и, изменяясь по падежам, может принимать лишь некоторые падежные показатели.

По способу образования маньчжурские прилагательные могут быть коренными и производными. Коренные прилагательные обычно оканчиваются на согласный -нь или гласный, например: шуминь "глубокий", дэнь "высокий", амба "большой", фэ "старый".

Производные прилагательные образуются от различных частей речи аффиксацией, при этом конечный -нь основы слова опускается. От существительных прилагательные образуются с помощью суффикса =нга/ =нгэ/ =нго, например: моринга "конный" от моринь "лошадь"; госинга "милостивый" от госинь "милость"; хошонго "квадратный" от хошонь "квадрат", гэбунгэ "именуемый" от гэбу "имя". От глагольных прилагательные чаще всего имеют суффиксы =чука/ =чукэ, =хунь/ =хонь/ =схунь, =су, =ба: фэргувэчукэ "удивительный" от фэргувэмби "удивлять"; нимэчукэ "болезненный, ужасный" от нимэмби "болеть"; кичэбэ "старательный" от кичэмби "стараться"; ичжисхунь "гладкий" от ичжимби "расправлять"; хойласхунь "оборванный, запачканный" от хойламби "пачкать". Коренные прилагательные также могут быть основой для образования производных прилагательных с помощью суффиксов =ки, =конь, =нга и других, например: сакдаки "старообразный" от сакда "старый"; сохоконь "желто-белый" от сохонь "желтый"; илхунга "гладкий" от илхунь "прямой".

По семантическому признаку маньчжурские прилагательные делятся на качественные и относительные. Такое различие прилагательных проводится в "Грамматике маньчжурского языка" И.И. Захарова,⁴ в работах китайских ученых, правда, с небольшими различиями в классификации,⁵ его же можно вывести из списка маньчжурских суффиксов Л.Кларка.⁶ Другие исследователи маньчжурского языка такого деления прилагательных не проводят.

Относительные прилагательные, значение которых обычно соотносится с предметом, образуются от существительных с помощью суффикса =нга/ =нгэ/ =нго и от глаголов суффиксом =чука/ =чукэ: моринга "конный", чжувэ учжунга "двуглавый", байтанга "полезный", хиошунга "по-сыновнему почтительный", фэргувэчукэ "удивительный", бучечукэ "желанный". В маньчжурском языке как, например, и в монгольском отсутствуют относительные прилагательные со значением вещества или материала, из которого сделан предмет. Такого типа определения передаются сочетанием двух существительных, первое из которых

выступает в роли относительного прилагательного и может иметь показатель родительного падежи и: айсинь шогэ [Ш, 56] "золотой слиток";⁸ сукэ курумэ [Г, 32а] "соболий кафтан"; чжаринь и ва [Г, 276] "мускусный аромат"; сэлэ вэхэ и няля [Ш, 316] "железный, каменный человек".

Все остальные прилагательные маньчжурского языка относятся к разряду качественных прилагательных, как например, хочжо "красивый", шахурунь "холодный", хурунь "быстрый" и другие.

Качественные прилагательные обладают грамматической категорией степеней качества - сравнительной и превосходной.⁹ Соответствующие формы образуются морфологическим путем: присоединением к основе слова определенных суффиксов. Прилагательные в сравнительной степени имеют суффиксы =кань/=кэнь/=конь, =лянь/=саянь, например: амба "большой" - амбакань "больше", ухэкэнь "слабый" - ухэкэлянь "слабее", хэту "широкий" - хэтукэнь, хэтулянь "шире". Исследуемый материал не дает оснований четко определить основания выбора того или иного суффикса при образовании сравнительной степени, но последний пример хэтукэнь-хэтулянь "шире", данный по словарю И.И.Захарова, свидетельствует о том, что выбор суффикса относительно произвольный и возможен тот и другой вариант. Прилагательные в сравнительной степени, образованной морфологическим способом, обычно употребляются в качестве определений к имени в тех случаях, когда нет выраженного объекта сравнения: гороконь и бадэ [Г, 76] "дальнее место"; болгоконь и укчара [Г, 46] "отделиться чистеньким".*

Если в предложении имеется объект сравнения, то используется аналитическая конструкция, имеющая схему: предмет сравнения, выраженный именем в исходном падеже с показателем чи, и имя прилагательное:

арки олимби сэредэ ини амай сэнгч чи хоно хачжи [П, 56]
'Если говорить о питье водки, то для него [это] дороже отцовской крови?'

В нашем тексте встретился лишь этот единственный пример употребления прилагательного в сравнительной конструкции. Наиболее подробное описание этой синтаксической конструкции имеется в книге Б.К.Пашкова "Маньчжурский язык".¹⁰

Прилагательные в превосходной степени оформляются суффиксами =лингу, =сака: амба "большой" - амбалингу "самый большой"; эхэ

* Об употреблении прилагательных в качестве определений к предикату см. ниже.

"плохой" - эхэлингу "самый плохой"; тоньдо "ровный" - тоньдосака "самый ровный", илэту "ясный" - илэтусака "самый ясный"; мэнэнь "бестолковый" - "мэнэсака "самый бестолковый".

Степень интенсива качественных прилагательных образуется аналитическим путем - сочетанием прилагательного с наречиями степени умэси, фухали, абси, дэмбэй, хонь и другими, имеющими общее значение "очень". Иллюстрацией этому могут служить следующие примеры из "Тангу мэйень":

умэси фэргувэчүкэ манга сэмби [I, IIa] 'Говорят, что он очень необыкновенный и способный';

тэрэ боо тэчи очжораку умэси доксинь [I, IIб] 'В том доме жить невозможно - очень опасно';

умэси госинга дэмбэй караба [III, 6б] 'очень гуманный и очень внимательный';

абси бэйкувэнь [IV, I3a] 'очень холодный';

абси усачука [III, 3Iб] 'исключительно горестный';

симбэ тувачи арки нурэ дэ хонь хачжи [III, 14б] 'Судя по тебе, [ты] к вину и водке очень пристрастен'.

Степень интенсива может быть образована повторением прилагательного, при этом первое слово может быть оформлено показателем родительного падежи и:

учжу и учжу [I, Ia] 'очень важный';

учжу чохо дэ тачирэнгэ ойонго битхэ хуларангэ [III, Ia] 'Первое из первых, чему надо учиться - это чтению важных книг (в данном случае чохо синоним учжу "первый, важный")';

моо абдаха ниовари ниовари [III, 26a] 'Листья деревьев ярко зеленые (букв. зеленые-зеленые)';

Маньчжурские прилагательные могут иметь и субстантивированное значение, например, слово баянь может означать и "богатый", и "богач", саинь - "хороший" и "добро".^{II} Конкретное значение подобных слов выясняется только из контекста и синтаксической функции данного слова в предложении. Тем не менее иногда субстантивированные прилагательные имеют формальный показатель - частицу нингэ, например: саинь нингэ "хороший [человек]"; осхо нингэ "плохой [человек]". Прилагательные такого типа принимают показатели падежей и выступают в предложении в функциях, свойственных существительным, то есть подлежащего или дополнения:

а) подлежащее:

октоси сай доргидэ саинь нингэ фухали аку [III, I8б] 'Среди врачей совсем нет хороших';

мусэй тэрэ осхонь нингэ амба чжоболонь нэчихэби [I, 25б]

‘Тот наш злодей совершил большую беду’;

тумэнь чжака ии умэси вэсихунь нингэ бэ нялма сэмби [Ш, 29а] ‘Говорят, из десяти тысяч вещей самое ценное это человек’;

б) дополнение:

бэлэнь нингэ бэ хаса бэньчжу сэ [I, 3б] ‘Прикажи скорее принести приготовленное’;

гинчихянь нингэ этуфи [Ш, 10б] ‘нарядившись в красивое’.

С точки зрения синтаксиса маньчжурские качественные прилагательные полифункциональны и могут выполнять функции, свойственные именам, глаголам и наречиям:

I. Выполняя функцию определения к существительному, прилагательное всегда стоит перед ним и иногда принимает показатель родительного падежи и: фэ яфань [I, 7б] “старое кладбище”; чжа су [I, 13б] “легкий ветерок”; хочжо яса [I, 2а] “красивые глаза”; саинь окто [IV, 3а] “хорошее лекарство”; ичанга чжака [Ш, 2б] “вкусная вещь”; гороконь и бадэ [I, 7б] “дальнее место”.

II. Прилагательное довольно часто выступает в функции финитного или нефинитного сказуемого, занимая то же самое место, что и глагольное сказуемое, то есть конечную позицию в предложении:

тэрэ бадэ саинь элхэ [I, 7б] ‘Это место хорошее и тихое’;

тэрэ дадэ гэли гайтай шахурунь холхоньдэ халхунь фухали токтохонь аку [I, 13б] ‘К тому же погода была очень неустойчивая: то вдруг холодно, то вдруг жарко’;

ама эмэ дэ хиошунга ахунь дэо дэ хачжи эрэ дадэ гучу гаргань дэ умэси караба [Ш, 9а] ‘К родителям [оң] почтителен, к братьям нежен, к тому же к друзьям очень внимателен’;

саинь окто анга дэ госинь, тоньдо гисунь шань дэ ичаку [IV, 3а] ‘Хорошее лекарство на вкус горько, честные речи на слух неприятны’;

тувара дэ чжа гочжимэ факжинь бахара дэ манга [I, 23б] ‘Когда смотришь, то легко, но освоить (букв. найти точку опоры) – трудно’.

III. Прилагательное с показателем родительного падежа и может быть определением к действию, выраженному глаголом-сказуемым, и находясь в препозиции к нему, выступать в функции обстоятельства.¹²

тайфинь и баньчжираку [Ш, 24а] ‘не живет спокойно’;

доронго ясангай тэчи вэ симбэ моо шолонь сэмби [II, 7а-б]

‘Если будешь сидеть прилично и благопристойно, кто тогда назовет тебя деревянным хватом?’;

эму тэксинь и годохонь и някурафи [Ш, 23б] ‘стоя на коленях, прямо и вытянуто’.

гэтүкэнь шэтүкэнь и нэйлэмэ гисурэчина АУ, ЗбУ 'Говорика-ка, разьясня четко и вразумительно'.

В последнем примере оба прилагательные гэтүкэнь и шэтүкэнь имеют общее значение "четко, ясно" и оформлены общим показателем родительного падежа, поставленным после последнего слова.

Таким образом качественные прилагательные маньчжурского языка имеют категорию степеней качества и могут выполнять различные синтаксические функции.

-
1. И.И.Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с.77-87; Б.К.Пашков. Маньчжурский язык. М., 1966, с. 25-27; Цзи Юн-хай, Лю Цзин-сянь, Цю Лю-шэн. Маньшуй юфа. Пекин, 1986, с. 182-190; Айсинь-цзюэло Уласичунь. Маньшуй юфа. Хух-хото, 1983, с.99-115; Norman J.L. A Grammatical Sketch of Manchu. Phi Theta Annual. Papers of the Oriental Language Honor Society. University of California. Berkeley, IX. 1965, с. 13-14.
  2. Е.П.Лебедева. Сибирский диалект маньчжурского языка (по материалам В.В.Радлова), Л., 1966, маш.рукопись, с. 50.
  3. Е.П.Лебедева. Ук.соч., с. 53.
  4. И.И.Захаров. Грамматика..., с. 81-83.
  5. Цзи Юн-хай и др. Ук.соч., с. 182-184; Айсинь-цзюэло У. Ук. соч.,с. 102-103.
  6. Clark L.V. Manchu Suffix List. Manchu Studies Newsletter. Issue III, 1979-1980. Seattle, с. 34-35.
  7. М.Н.Орловская. Язык "Алтан тобчи", М., 1986, с. 64.
  8. Здесь и далее фразеологические примеры даны по ксилографу "Тангу мэйень" из собрания Рукописного отдела ЛО ИВ шифр В 250. Римская цифра обозначает номер тетради, арабская - лист, буква - лицевую или оборотную страницу.
  9. И.И.Захаров называет эти степени качества соответственно "уменьшительной" и "увеличительной", выделяя отдельно "степени сравнения - сравнительную и превосходную" (И.И.Захаров. Ук. соч., с. 81-87). Мы эти явления интерпретируем несколько иначе.
  10. Б.К.Пашков. Ук.соч., с. 26-27.
  11. Е.П.Лебедева определяет такие прилагательные как "имя качества предметов" (Е.П.Лебедева. Ук.соч., с. 51).
  12. Е.П.Лебедева относит прилагательные, выступающие в обстоятельственной функции к группе "имя качества действия" (Е.П.Лебедева. Ук.соч., с. 51).

НАПРАВЛЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УЙГУРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ РАΝНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ УЙГУРСКИХ ТЕКСТОВ

Известно, что письменная система раннесредневековых уйгурских текстов лишь в схематической форме отражает фонологическую систему языка и многие реальные фонетические особенности языка остаются за ее пределами,¹ но, несмотря на это, некоторые данные, в частности, характер распределения графем в письме, могут служить показателями реальных черт фонетики уйгурского языка соответствующего периода, если рассматривать их в свете отношений:

1) между фонетическими нормами Среднетюркского стандарта (СТС) и графическими нормами, принятыми в раннесредневековых уйгурских текстах;

2) между графическими нормами и нарушениями этих норм.

С этой точки зрения заслуживают внимания некоторые особенности распределения графем, обозначающих глухие (сильные) и звонкие (слабые) смычные согласные, воспринимаемые по отношению к СТС как отклонение от нормы.

В раннесредневековых уйгурских текстах в начале слов, за исключением заимствованных, всегда пишется знак Т^ж, обозначающий глухой (сильный) согласный. В аффиксах локатива и аблатива знак Т пишется в сочетании с основами, оканчивающимися на сонорные п, ng, л. г: *boltuḡ* 'я был' (СЦ У 75, 26), *ilin-tä* 'в их стране' (СЦ У 63, 25), *yir-tä* 'на (том) месте' (СЦ У 80, 22), *bulungtin* 'с направления' (СЦ У 62, 25), *yil-ta* 'в году' (СЦ У 60, 3). К основам, оканчивающимся на Т, присоединяются аффиксы с начальным звонким (слабым) согласным, к основам же с конечным D присоединяются аффиксы, начинающиеся на Т: *äsidtüktä* 'когда он услышал' (СЦ У 62, II), *bütdükta* 'когда был завершен' (СЦ У 76, I9).

Наряду с тем в этих текстах нередко встречаются и случаи отступления от этого правила и уподобления начального звука аффикса конечному звуку основы (*yirdä* 'на расстоянии' - СЦ У 59, 25, *toyınlarda* 'у монахов' - СЦ У 82, 23-24, *sangram-da* 'в монастыре' - СЦ У 73, I4 и др.), однозначно отражающие тенденцию к разрушению установившейся нормы.

Согласно одной из принятых точек зрения, в тюркских языках

* Прописными буквами обозначены графемы, строчными - фонемы.

на ранних этапах развития, в отличие от современного, ударение падало на начальный слог слова и в анлаутной позиции были представлены по преимуществу сильные (глухие) согласные, так как ударение "не способствовало работе голосовых связок и исключало возможность образования звонких"² в этой позиции. Установлено также, что минимальные пары признаков смычных согласных - звонкость/глухость, сила/слабость - были представлены в этот период в смешанном виде и имели взаимообусловленный характер.³ В соответствии с этим на основе вышеприведенных данных можно делать вывод: отсутствие в раннесредневековых уйгурских текстах графических эквивалентов звонких согласных в анлаутной позиции говорит о том, что в период становления графических норм уйгурской - а в более широком смысле слова - древнетюркской системы письма в начале слов были более употребительны сильные (глухие) согласные. В раннесредневековых уйгурских текстах не наблюдается типического для современных тюркских языков уподобления контактных согласных по признаку звонкости на стыке основы и аффикса и сингармонического "выравнивания" словоформ по этому признаку, что также говорит в пользу преобладания в рассматриваемый период развития языка признака интенсивности в сравнении с признаком звонкости. Случаи же отступления от принятых в письме норм и уподобления контактных согласных по признаку звонкости могут быть соотнесены с реальными изменениями в фонетической системе языка, в результате которых с течением времени все большее значение приобретал признак звонкости.

Развитие смычных согласных в раннесредневековом уйгурском литературном языке, главной особенностью которого является ослабление признака интенсивности и усиление признака звонкости, то есть утрата черты, характерной для восточнотюркских языков, и приобретение черты, свойственной западнотюркским языкам, соответствовало общему направлению развития языка, охватывающего все его уровни и проявляющегося в изменении форм и функций фонетических и морфологических показателей, синтаксических конструкций и сверхсегментных структур (как например, переход от начальной аллитерации к рифме в стихотворных формах речи) и т.п.

Отражением некогда имевших место реальных фонетических черт является, по-видимому, и характерное для раннесредневековых уйгурских текстов сочетание на стыке основы и аффикса графем, обозначающих сильные глухие звуки (Т, Q, Р и др.) с сонантами.

Но особого внимания заслуживает необозначенность широких нелабиализованных гласных в слогах, в современных тюркских языках

имеющих структуру CV^S или CV^F: krgäk, kntü, blgü, yruq, ukmi, qra, trk, yvlaq, tvyaç и др.

В слогах указанного типа гласные нередко опускаются и в позициях, характер гласных в которых является определяющим в отношении вокальной структуры слова в целом, как например, в первых слогах неодносложных слов: yrlü, tngri, ylnguq и др. Такого рода графическая норма не могла возникнуть без соответствующей основы, и ее закрепление свидетельствует о том, что существовал период в развитии языка, когда сонорный согласный, наряду с гласными, выступал в роли слогообразующего звука. Но это положение нуждается в некотором уточнении. Установлено, что «языки, использующие "слоγοобразующий" согласный в качестве однофонемного слоγοносителя, не имеют в своей фонологической системе "неопределенного" гласного», и ответ на вопрос «следует ли рассматривать фонетически "слоγοобразующий" согласный как одну фонему, ... зависит главным образом от того, известен ли данному языку неопределенный гласный, реализация которого может восприниматься в форме вокалического элемента, почти неизбежно связанного со "слоγοобразующими" согласными»⁴. Хорошо известно, что наличие сверхкратких "неопределенных" гласных является одной из главных особенностей фонетической системы турецких языков⁵ и, следовательно, можно допускать, что в турецких языках сонанты выступали в качестве слоγοносителя не в качестве однофонемного слоγοносителя, а в сочетании с неопределенными гласными. Впоследствии в процессе развития языка сонанты как слоγοносители утратили свое значение, и в качестве единственного типа слоγοносителей закрепились гласные, что в полной мере соответствовало общему направлению развития литературного языка, ориентированного на вестизацию.

Появление в письменных текстах слогов типа CF и, реже, CS вызвано тем, что графическая форма слов в некоторых случаях выполняла смыслоразличительную роль и служила способом различения в письме идентичных по звучанию, но разных по значению (омонимичных) слов: tæg 'подобно, словно' и tk 'только, лишь'. Но слоги типа CS, CF встречаются не только в словах, имеющих омонимические соответствия, но и в других типах лексем, отсутствие слоγοобразующих гласных в которых не проистекает из внутрисистемных отношений уйгурского литературного языка в данный период. Отсутствие слоγοобразующего гласного в этих случаях, по-видимому, имеет традиционную основу и является графическим приемом, восходящим к руничес-

⁴ S - Sonant

⁵ F - Fricative.

кому письму, оказавшему определенное влияние на формирование уйгурской письменной системы. Формирование приемов рунического письма происходило в особых условиях воспроизведения текстов путем выдалбливания на камне, гравировки на металле, резьбы по кости, дереву и т.п., при которых трудоемкость воспроизведения текста способствовала "экономии" знаков и знаки, несущественные с точки зрения смысловозначения, нередко опускались. Приемы письма, выработанные в этих условиях частично были перенесены на уйгурское письмо и сохранялись впоследствии и при воспроизведении текстов на бумаге.

Наблюдаемые в фонетической системе раннесредневекового уйгурского литературного языка изменения, происходившие в период его активного функционирования (с IX по XIV вв.), таким образом, говорят о едином направленном характере развития языка, отмеченного постепенной утратой черт, присущих восточнотюркским языкам, и обретением черт, свойственных западнотюркским языкам. Эти изменения происходили, по всей видимости, под влиянием местных наречий тех регионов, в которых этот язык функционировал в качестве стандарта.

Условные сокращения.

СЦ - Уйгурская версия биографии Суань-цзана.

Литература.

1. Л.Ю.Тугушева. Раннесредневековая уйгурская рукописная книга. "Рукописная книга в культуре народов Востока", кн. 2, М., 1988, с. 360.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984, с. 174.
3. А.М.Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 88-89.
4. Н.С.Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, с. 207.
5. А.М.Щербак, ук.соч., с. 58.

А.С.Четверухин

К ИСТОРИИ ТЕРМИНА "ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ"

В 1950 году Эмиль Бенвенист констатировал, что "со времени появления широко известной статьи А.Мейе, в которой было определено место именного предложения в системе индоевропейских языков

и тем самым ему был впервые придан лингвистический статус, несколько исследователей, занимавшихся главным образом древними индоевропейскими языками, внесли свой вклад в историческое описание этого типа высказывания. Именное предложение, если его охарактеризовать кратко, включает именной предикат, при отсутствии глагола или связки, и рассматривается в индоевропейских языках как нормальное выражение для тех случаев, где возможной глагольной формой было бы 3-е лицо наст. времени изъявительного наклонения глагола "быть". Это определение получило широкое распространение даже за пределами индоевропистики...¹ (подчеркивание наше - А.Ч.). Прямое указание на источник не приводится, но в комментариях к русскому переводу исследований Э.Бенвениста Ю.С. Степанов (редактор) на с. 433 отмечает ряд соответствующих статей А.Мейе. Из высказывания Э.Бенвениста может создаться ложное представление, что разработке учения об именном предложении лингвистика вообще обязана только индоевропеистам.

А.Мейе в программной статье "Именное предложение в индоевропейских языках"² постулирует следующее: "Семитская грамматика различает глагольное и именное предложения: глагольное предложение содержит глагол в качестве важнейшего элемента, и даже может состоять только из глагола ... Именное предложение не имеет в своем составе вообще никакого глагола и заключается только в соответствии, установленном между двумя именами... Если это различие столь отчетливо в какой-либо семье языков, то это потому, что оно основано на самой природе вещей (*fondée sur la nature même des choses*). Глагольное предложение выражает действие или состояние..., именное предложение содержит лишь то, что какое-то качество, способ бытия подтверждены относительно чего-либо...". Но ни в этой, ни в других³ статьях нет конкретных указаний на какую-то определенную "семитскую" грамматику.

Несмотря на эти констатации автор, воспользовавшись любезно предоставленной помощью А.Г.Периханян, все же попытался найти хронологически более раннее, чем у А.Мейе, определение именного предложения в индоевропестике, и прежде всего в "Сравнительном синтаксисе" Б.Дельбрюка.⁴ Но там, как и у Р.Кюнера,⁵ встретились лишь термины "das Prädikativum" (у первого) и "prädikatives Adjektiv oder Substantiv" (у второго). Ср. также "Сравнительный синтаксис языков, изучаемых в школе" Ф.Зоммера⁶ - "das Prädikatsnomen", что соответствует русскому термину "(составное) именное сказуемое".

Вопрос о содержании термина "именное предложение" существе-

нен по ряду причин, в том числе: 1) следовало бы установить авторство исследователя; 2) соответственно приоритет того или иного регионального языкознания; 3) но самое главное – структура какого именно языка смогла явить такую же природу вещей (*la même nature des choses*, перефразируя А.Мейе) как и протоиндоевропейский. Более того, если действительно обнаруживается общая сущность в природе именного предложения в семитских и индоевропейских языках, то выводы А.Мейе, ход и направление его исследований закономерно применимы и в обратном направлении, т.е. к материалу афразийских языков, где "мостиком" явился бы искомый материал конкретного семитского языка, либо языка афразийской семьи, причислявшегося тогда непосредственно к семитским.

Именно потому, что еще в 1844 году⁷ была сделана первая попытка отнести египетский язык к семитским, и потому, что первая монография по именованному предложению написана на египетском материале,⁸ логично обратиться к египтологической грамматической школе.

В § I вышеуказанного труда К.Зете отмечает, что его текст был в основном завершен осенью 1912 года и обсужден с Э.Х.Гардинером. Автор отмечает также поддержку и помощь семитолога Е.Литмана. Во втором параграфе дается сноска на первое издание "Новоегипетской грамматики" А.Эрмана (1879, § 317) относительно классификации египетского именного предложения на два типа: 1) именное предложение с неизменным предикатом, которое, по предложению Е.Литмана, определяется как "наречное именное предложение", и 2) именное предложение с именным предикатом. Отметим, что четкое определение именного предложения отсутствует в "Новоегипетской грамматике" А.Эрмана и во втором издании.⁹ Зато уже в прообразе его "Египетской грамматики" – в монографии "Язык папируса Весткар" (1889), §274¹⁰ – содержится такое определение: "Именное предложение в собственном смысле – это предложение, предикатом которого является имя или выражение с предлогом", при этом автор ссылается на указание по данной формулировке со стороны своего коллеги Кребса. Фриц Кребс, защитивший в год выхода указанной работы А.Эрмана диссертацию,¹¹ известен в основном как текстолог,¹² но не как теоретик в области грамматики. Не известны, впрочем, и работы Е.Литмана,¹³ где содержались бы теоретические разработки определения термина "именное предложение".

В 1894 году вышло первое издание грамматики А.Эрмана.¹⁴ В § 327 он дает следующее определение: "Под (чистым = *reinem*) именованным предложением понимается предложение без глагола, предикатом которого является таким образом существительное, прилагательное

или предложное выражение, тогда как его субъектом является имя или абсолютное личное местоимение". Сноска на Ф.Кребса исчезает. В последующих параграфах речь идет об употреблении именного предложения: в утверждениях (§ 328), в повествовательных и даже относительных придаточных (§ 329), и т.д. Текст почти не изменен и во втором издании (1902),¹⁵ которым мог пользоваться А.Мейе.

Уже тот факт, что в своей формулировке именного предложения А.Эрман находился под влиянием Ф.Кребса, специально не занимавшегося теоретическими вопросами грамматики, предполагает какой-то иной первоисточник. Да и то, что данная дефиниция не являлась плодом собственного глубокого убеждения А.Эрмана, подтверждается в частности ее кардинальным изменением в четвертом и последнем издании "Египетской грамматики" (1928)¹⁶ после выхода, и, возможно, вопреки положениям § I вышеуказанной работы К.Зете, к которым мы вернемся ниже. В разделе "Предложения" А.Эрман пишет: "Египетский обладает двумя видами предложений, которые по образцу семитской грамматики мы обозначаем как глагольные и как именные предложения. Различие между ними первоначально заключается в том, что в первом, глагол, во втором имя или местоимение являются для говорящего существенным, поэтому именно это он и ставит в начало своей речи". Здесь абсолютно отчетливо наблюдается влияние европейской арабистической грамматической школы, в частности - "Арабской грамматики" К.Брокельмана.¹⁷ Так, говоря о релевантном признаке классификации предложений на глагольные и именные, автор утверждает, что именное предложение в отличие от глагольного обозначает состояние субъекта. Субъект обычно определенно детерминирован. В составе предиката, помимо имени, предлога с именем, наречия, может также входить либо именное, либо даже глагольное предложение. Тогда такое предложение является составным. Но глагольное предложение может быть представлено одной лишь финитной формой. В результате может оказаться, что предложения одного лексического состава, даже из двух одинаково дифференцированных морфологически конститuentов, могут быть - одно - глагольным, другое - именным. То же и в 13-м издании этой же грамматики.¹⁸ Ср. также формулировку Н.В.Юшманова,¹⁹ § 27: "Предложение называется именным, если начинается с имени, иначе - глагольным... В отличие от европейской семитская речь не имеет прямой связи членов предложения и пользуется преимущественно непосредственной кладкой речевых единиц друг за другом... Порядок слов определяется ходом мысли, начиная с того, на что в данное мгновение обращают больше внимания...". Но ср. прим. 3 на с. 164: "В учении о 'связи речи название "именное предложение"

употребляется одними в смысле § 27, а другими только в смысле предложения без глагола...". Отбрасывая как невозможную, вопреки неправильному утверждению Ж.Вергота,²⁰ гипотезу об авторстве Г.Штайндорфа данной дефиниции, уже хотя бы потому, что он сам ссылается на А.Эрмана,²¹ можно утверждать, что и школа К.Брокельмана не могла послужить ориентиром для А.Эрмана и Ф.Кребса. Все это наводит на мысль о необходимости обратиться к гебраистической грамматической школе.

В "Еврейской грамматике Вильгельма Лезениума" (27-е изд., 1902) ее составитель Е.Кауч дает такие принципы синтаксической классификации:²² "1) Всякое предложение, субъект и предикат которого представлен именем или его эквивалентом ... называется именным предложением... 2) Всякое предложение, субъектом которого является имя..., а предикатом - финитная глагольная форма, называется глагольным предложением... 3) Всякое предложение, субъект или предикат которого повторены в самостоятельном предложении, называется составным предложением... 4) Вышеотмеченная дифференциация различных видов предложений - т.е. именных и глагольных - необходима для более тонкого понимания еврейского (как и семитского вообще) синтаксиса потому, что здесь речь идет ни в коем случае не о чисто внешнем (формальном) различии, но о глубинном различии в смысле. Именные предложения, предикатом которых является существительное, представляют собой нечто стабильное, некое состояние, короче - бытие, глагольные же - нечто динамичное, протекающее, происходящее и действующее. Последнее, в определенном смысле относится и к предложениям со сказуемым-причастием...". См. дефиницию К.Зете в § I у.с.: "Мы привыкли в египетской и коптской грамматике обозначать все предложения, субъект которых стоит перед глаголом, или такие, которые вообще не содержат глагола, как именные предложения, без всякого различия, по образцу арабской грамматики, тогда как предложения, в которых глагол стоит перед субъектом, мы обозначаем как глагольные. По сути же между обоими видами предложений существует и внутреннее различие. "Именные предложения" - это предложения, обозначающие бытие (состояние).... "Глагольные предложения" - это, в отличие от них, предложения, выражающие нечто происходящее (некую деятельность)". К этому см. прим. I: "Предложения, в которых субъект выдвинут вперед лишь подчеркивания ради и поэтому на своем настоящем месте представлен местоимением, как это происходит и со всеми другими членами предложения, естественно, не могут рассматриваться как именные, каковыми их часто неправильно считают (например, я сам в

Verbum II § 141). Если в таких предложениях вычеркнуть поставленный вперед субъект, то останется полноценное предложение, которое, смотря по обстоятельствам, может быть глагольным или именным". Нет сомнений, что позиция К.Зете принципиально та же, что и у Е.Кауча. Не вызывает сомнений и близость позиции А.Мейе. Вероятнее всего, что К.Зете и А.Мейе перефразировали и уточнили оригинальное определение, каждый применительно к своему материалу и целям исследования.

Представляется, что аргументом в пользу авторства Е.Кауча явилось бы обнаружение в его работах динамики развития данного определения. И оказывается, что даже вопреки недоступности пишущему эти строки ряда изданий его грамматики это все же возможно. Выясняется, что определение, аналогичное таковому 27-го издания Грамматики Гезениуса, содержится в 26-м (Лейпциг, 1896, § 140) и 25-м (там же, 1889, § 140) изданиях данной грамматики в изложении Е.Кауча. Но в 21-м издании, еще в изложении Е.Рёдигера, его нет.²³ В 24-м издании, уже под редакцией Е.Кауча,²⁴ содержится предисловие к 22-му изданию (1878), в котором говорится о необходимости выработки новой синтаксической концепции, хотя в этом издании, § 144а, еще сохранена концепция европейской арабистической школы. Поэтому определение именного предложения, к которому восходят таковые А.Эрмана (посредством сообщения Ф.Кребса и А.Мейе, могут восходить, как и точка зрения Е.Литтмана, а также и определение К.Штойернагеля,²⁵ к дефиниции Е.Кауча, изложенной в 1889 году в 25-м издании Еврейской грамматики Гезениуса.

Сейчас трудно достоверно установить, самостоятельно ли Е.Кауч, ведомый материалом еврейской грамматики и элементарной логикой, пришел к своему определению, или же на него повлияла старая оригинальная арабистическая грамматическая школа. Термин "именное предложение" - джумлятун исмийятун, - означающий "синтаксическая синтагма, не обязательно предикативная, начинающаяся с имени" - термин более поздний.²⁶ Благодаря любезности Вл.В.Полосина нам удалось обратиться к труду классика арабской грамматической школы Сибавейхи (9 в.).²⁷ В § 3 ("О подлежащем и сказуемом") содержится понятие 'ibtidā', букв. "начало", абсолютно правильно трактуемое Г.Яном как "именное предложение - der Nominalsatz".²⁸ То, что содержание этого термина следует понимать именно так, явствует из примеров самого Сибавейхи. За исключением нескольких примеров, глагольных по составу, приносящих модальность высказывания в предложения, построенные на основе именных предложений, содержание этого термина вполне соответствует пониманию именного предло-

жения в трактовках Е.Кауча, А.Эрмана, А.Мейе и К.Зете. Но здесь интересно также и то, что само название термина по смыслу расшифровывается как "исходная/изначальная предикативная синтаксическая конструкция", если ориентироваться на корень бада'а,масдаром 8-й породы которого является термин 'ибтида'.²⁹ Это вполне соответствует и заявлению Сибавейхи относительно изначальности этой конструкции в заключительной фразе § 3 его Книги. Отметим, что в утверждении первичности именного предложения Сибавейхи опередил европейское языкознание более чем на 1000 лет.

Не исключено, что непосредственным толчком к исследованию именного предложения могла явиться и теоретическая разработка Е.Кауча. В любом случае в рамках авторитетной грамматики Гезениуса им впервые был выдвинут структурно-семантический критерий синтаксической классификации, что явилось принципиально новым шагом в развитии синтаксической теории. Благодаря ли Е.Каучу, или какому-нибудь другому автору, этот принцип нашел свое дальнейшее применение и развитие в индоевропеистике благодаря А.Мейе и в египтологии благодаря сначала А.Эрману, затем - К.Зете. Остается только сожалеть о разобщенности дальнейших поисков семитологов, египтологов и индоевропеистов. Так, работа К.Зете явилась новаторской во многих отношениях, но в первую очередь благодаря тому, что автор поднял очень важную проблему определения логической структуры именного предложения (и предложений других типов), тогда как А.Мейе занялся сравнением семантик истинно именного предложения и псевдоименного, т.е. предложения с глагольной связкой (копулой), насколько смог, проследил становление копулы, превращение именного предложения в глагольное, подошел к пониманию глубинного механизма различия семантик этих - именных и псевдоименных - предложений. Как выясняется много позже, эти же проблемы актуальны и для афразийского языкознания в целом. По крайней мере в отношении египетского языка эта тема находится еще лишь в начальной стадии разработки. Постепенное вытеснение именного псевдоименным предложением, отмеченное А.Мейе в индоевропейских языках, отмечается в целом и для семитских.³⁰ С другой стороны, исследование актуального членения именного предложения распространилось и на современный иврит.³¹ Изучение взаимоотношения семантик близких структур именного и псевдоименного предложений перекинулось и на материал бесписьменных языков, в частности, остяцких (в рамках генеративного синтаксиса).³² Анализ взаимоотношения именного и псевдоименного предложений в коммуникативном, логико-грамматическом и структурно-грамматическом аспектах лег в основу эволюционной теории пред-

ложения.³³ И наконец, выяснение вопроса о происхождении термина "именное предложение" в его данной структурно-семантической интерпретации заставляет внести уточнения в первые две страницы одной из работ данного автора.³⁴

-
- I. E. Benveniste. La phrase nominale. - Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 46, fasc. I, N 132. Paris, 1950, p. 19. Русский перевод В.П. Мурат, который здесь цитируется, см. в: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, гл. 14, с. 167.
  2. A. Meillet. La phrase nominale en indoeuropéen. - Mémoires de la Société de linguistique de Paris (=MSLP). T. 14, fasc. I. Paris, 1906, p. I.
  3. A. Mellet. Notes sur quelques faits gotiques. - MSLP. T. 15, fasc. 2, 1908, p. 73-103; id. La phrase nominale pure en arménien. - MSLP. T. 16, fasc. 5, 1910, p. 344-348.
  4. B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. 3. Theil. Strassburg, 1900.
  5. R. Kühner. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. 2. Aufl. Hannover, 1870.
  6. F. Sommer. Vergleichende Syntax der Schulsprachen. 3. Aufl. Lpz.-Bln., 1931, bes. S. 7.
  7. Th. Benfey. Über das Verhältnis der ägyptischen Sprache zum semitischen Sprachstamm. Lpz., 1844.
  8. K. Sethe. Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen. Lpz., 1916.
  9. A. Erman. Neuaegyptische Grammatik. 2. Aufl. Lpz., 1933, S. 218 ff.
  10. A. Erman. Die Sprache des Papyrus Westcar. Eine Vorarbeit zur Grammatik der älteren ägyptischen Sprache. Göttingen, 1889.
  11. Fridericus Krebs. De inscriptione Aegyptiaca Chnemothi (Ḥnm ḥtp) Nomarchi. Dissertatio inauguralis. Berolini, 1889.
  12. Например: Fritz Krebs. Neues aus dem Faijum und dem Soknopaios-Tempel. Bln., 1893. - Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde (=ZÄS). Bd. 31, 1893, S. 1-3; id. und A. Erman. Aus den Papyrus der Königlichen Museen zu Berlin. Bln., 1899.
  13. Например: E. Littmann. Koptischer Einfluß im Ägyptisch-Arabischen. - Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft (=ZDMG). Bd. 56, 1902, S. 601-684; id. Zur Verbaladjektivendung -nj. - ZÄS 47, 1910, 62-64.

14. A.Erman. Ägyptische Grammatik. Bln., 1894.
15. A.Erman. Ägyptische Grammatik. 2. Aufl. Bln., 1902.
16. A.Erman. Ägyptische Grammatik. 4. Aufl. Bln., 1928, § 469 ff.
17. C.Brockelmann. A. Socins Arabische Grammatik. 6. Aufl. Bln., 1909, § 104-II0.
18. C.Brockelmann. Arabische Grammatik. 13. Aufl. Lpz., 1953, 100 ff.
19. Н.В.Думанов. Грамматика литературного арабского языка. М., 1986.
20. J.Vergoté. La phrase nominale en copte. - "Coptic Studies in Honour of Walter Ewing Crum". Boston, 1950, p. 229.
21. G.Steindorff. Koptische Grammatik. Bln., 1894, § 384 (S.I67-I68: Erman. Ag.Gramm. (I.Aufl.), § 327).
22. E.Kautzsch. Wilhelm Gesenius' Hebräische Grammatik. 27. Aufl. Lpz., 1902, 140.
23. E.Rödiger. Wilhelm Gesenius' Hebräische Grammatik. 21. Aufl. Lpz., 1872, § 144, S. 284.
24. E.Kautzsch. Wilhelm Gesenius' Hebräische Grammatik. 24. Aufl. Lpz., 1885.
25. C.Steuernagel. Hebräische Grammatik. Bln., 1903, § 78, S. II6.
26. Cf. E.W.Lane. An Arabic-English Lexicon. Book I - Part 2 (=LAEL I/2). L.-Edinburgh, 1865, p. 460; Murtadâ al-Zabîdî. Tâj al-^CArûs. Bûlâq, 1892. T. 7, p. 262-265; G.Flügel. Definitiones viri meritissimi Sejid Scherif Ali Ben Nohammed Dschordschani. Lipsiae, 1895, p. 82 (Kitâb at-Ta^Crffât).
27. H.Derenbourg. Le livre de Sibawaihi. T. I. Paris, 1881.
28. G.Jahn. Sibawaihi's Buch über die Grammatik. I. Bd. Bln.-L.-N.Y., 1895, S. 9, § 3.
29. LAEL I/I, p. 163 ff.
30. D.Cohen. La phrase nominale et l'évolution du système verbal en sémitique. Etudes de syntaxe historique. Paris, 1984, esp. Chapitre septieme.
31. A.Aikhenvald. On the Structure of Nominal Sentence in Modern Hebrew. М., 1987, Typescript.
32. E.Schliefer. Nominalsatz und "Seins-Verb" im Osrjakischen. Inaugural Dissertation. München, 1970.
33. А.П.Юдакин. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984.
34. А.С.Четверухин. Именное предложение в системе староегипетского синтаксиса. - ПС. Вып. 27. Л., 1981, с. 127-128.

О МЕСТЕ ГОРАНИ СРЕДИ КУРДСКИХ ДИАЛЕКТОВ (ИСТОРИЯ ВОПРОСА)

Диалект горани наряду с другими ведущими диалектами (курманджи, сулеймани, мукри) является одной из форм курдского литературного языка, прошедшего сложный путь развития (в пределах различных государственных границ). На диалекте горани, который на протяжении ряда веков был официальным и литературным языком некогда могущественного Арделанского княжества (Иранский Курдистан), существовавшего с конца XII до 60-х гг. XIX в., сохранилась богатейшая литература, составляющая неотъемлемую часть духовного наследия курдского народа.¹ Эта литература включает памятники лирической и эпической поэзии, а также религиозно-философские сочинения, связанные с учением мусульманской секты "ахл-и хакк" - "людей истины", главный контингент которой, по мнению известного русского ираниста В.А. Жуковского, составляют курды-гораны.²

Следует сказать, что еще до недавнего времени о существовании литературы на горани было известно лишь по отдельным публикациям в курдских и западноевропейских периодических изданиях, а также по каталогам курдских рукописей, хранящихся в разных библиотеках мира.³ Большая заслуга в публикации дошедших до нас литературных памятников на горани принадлежит иракским ученым, благодаря усилиям которых подготовлены критические издания диванов известных курдских поэтов, таких как: Бесарани (1641-1702), Ханай Кубади (1700-1759), Комаси (XVIII в.), Сайиди (1784-1848), Маулави (1806-1882), Вали Девана, Джафай, Ранджури - XIX в. и др. Религиозные памятники на горани впервые были изданы известным иранистом М.Мокри, которому принадлежит приоритет в описании грамматического строя и лексики памятников.⁴

Первые сведения о грамматике горани были опубликованы в 1881 г. английским ученым Ч.Рьё (Ch. Rieu) в его описаниях трех горанских рукописей, хранящихся в Британском музее.⁵ Составленный Ч.Рьё краткий грамматический очерк дает некоторое представление об этом диалекте, хотя отдельные языковые характеристики и заключение автора (горани рассматривается как разновидность персидского языка) свидетельствуют о том, что он не имел полных данных о курдском языке и его диалектах.

В 1887 г. была опубликована упомянутая выше статья В.А. Жуковского, посвященная секте "людей истины". В этой статье, содержащей

полевой материал, приводится текст религиозных полустихий на горани, записанных В.А.Жуковским со слов одного из представителей указанной секты. Характеризуя, однако, текст записей, В.А.Жуковский отмечает, что он сильно искажен, а потому "не может и не должен служить образцом иранского диалекта ни в лексическом, ни в грамматическом отношении" (с. 8).

В 1922 г. посмертно были изданы собранные В.А.Жуковским в 1883 г. материалы по горанскому диалекту деревни Талахадешк, включающие переводные тексты и глоссарий с глагольными парадигмами, пригодимыми параллельно с соответствующими данными по персидским диалектам.⁶

В 1904 г. публикуется значительный труд французского ориенталиста Ж. де Моргана (J.de Morgan), содержащий помимо материала по персидским диалектам, сопоставительное описание курдских диалектов "Персидского Курдистана", в одном ряду с которыми рассматривается и диалект аврамани, представляющий основную разновидность горани.⁷ Грамматическое описание курдских диалектов (аврамани, мукри, гарруси, йазиди, сеннайи, керманшахи, джафи, раджаби, сулеймани, лаки) содержит разделы: 1. Введение (с. 1-7); 2. Сведения о фонетике (с. 8-58); 3. Имя существительное (с. 59-69); 4. Имя прилагательное (с. 70-75); 5. Местоимения (с. 75-102); 6. Числительные (103-108); 7. Курдская лексика (с. 109-151); 8. Глагол (с. 152-191); 9. Наречие, предлоги, союзы (с. 191-195).

Помимо поддиалектной языковой характеристики работа содержит обширный лексический материал, отражающий основной словарный фонд курдского языка. Списки приводимых автором слов включают астрологические, метеорологические термины, названия дней недели, месяцев, времен года, явлений природы, животных, птиц, растительного мира; слова, обозначающие части тела, родственные отношения, предметы быта, атрибуты одежды и т.д. - всего 40 списков. Авраманская лексика насчитывает более 300 слов.

В предисловии к работе Кд.Хуар (Cl.Huart) отмечает, что материалы по курдским диалектам были собраны Ж.де Морганом во время его путешествия в Персидский Курдистан в 1889-1891 гг. По этим материалам в 1902 г. в Гамбурге на конгрессе ориенталистов Кд.Хуаром был сделан доклад, вызвавший большой интерес у специалистов.

Особую ценность представляет составленная Ж.де Морганом диалектологическая карта, указывающая регионы распространения описанных им диалектов.

В 1921 г. выходит в свет работа по описанию диалекта аврамани района Пава.⁸ Она содержит грамматический очерк (с. 17-75),

составленный А.Кристенсенем по текстам, записанным М.Бенедиктсеном во время его поездки в Персию в 1900-1902 гг. По свидетельству самого М.Бенедиктсена запись текстов (объемом в 18 стр.) была осуществлена в пятинедельный срок в г.Сенне от молодого аврамани из деревни Рувар (=Рудабар). Часть записей (объемом в 5 стр.) автору удалось сделать в окрестностях Пава. Как пишет в своем предисловии к книге М.Бенедиктсен, записи делались под диктовку с одновременным переводом их на персидский язык. Не ставя под сомнение общую ценность текстов, мы вынуждены, однако, отметить, что они не могут быть признаны удовлетворительными для грамматических исследований, так как содержат ошибочные формы, местами искажены и отличаются большим разнообразием в транскрипции.

Грамматический очерк, основную часть которого составляют неполные глагольные парадигмы (где в качестве исходных форм приводятся персидские инфинитивы) дает общее представление об аврамани. Вызывает, однако, удивление то, с какой легкостью авторы книги утверждают о некурдской принадлежности диалекта аврамани. Так, М.Бенедиктсен следующим образом аргументирует эту точку зрения: "По мере того, как я знакомился с аврамани, я постепенно замечал его сходство (материальное, фонетическое, лексическое) с языком, на котором говорят на территории Турции в районе Дерсима, известным как [язык] заза. У меня создалось впечатление, - пишет далее автор, - что аврамани и заза являют собой изолированные островки некогда единой группы иранских диалектов, имевших когда-то широкое распространение, а впоследствии разобщенных нашествием иноземцев, главным образом экспансией (?) курдов."⁹

А.Кристенсен, разделяя эту точку зрения, начинает свое предисловие к рассматриваемой работе с того, что не соглашается с Ж.де Морганом в отнесении аврамани к курдским диалектам. "А.Бенедиктсен, - пишет он, - весьма справедливо замечает, что аврамани имеет сходство с языком заза, на котором говорят очень далеко от Аврамани, в Турецком районе Дерсим, [л] который П.Лерх и Юсти считают курдским. Однако ни аврамани, ни заза не принадлежат к курдскому языку, а относятся к другой группе иранских диалектов"¹⁰. Как видим, кроме указания на сходство этих диалектов, сколько-нибудь серьезных доказательств в пользу высказанного мнения авторы работы не приводят.

Столь же малоубедительными представляются доводы, приводимые английским автором Э.Соном (E. Soan) для доказательства непринадлежности горани к курдскому языку: "Гуранский диалект, - пишет он, - называют курдским, но это не так. Курманджи имеет характерные

для него грамматические формы, лексику, идиомы, не имеющие ничего общего с гурани. Последний, как свидетельствуют существующие в нем грамматические формы, является лишь вариантом персидского языка, характеризующимся заимствованиями как из курманджи, так и из персидского".¹¹

В 1930 г. К.Хаданк (K.Hadank) издает материалы О.Манна (O.Mann) по следующим разновидностям горани: кандулаи, аурамани, баджалани, биваниджи, гахвараи, раджаби, сайиди и зардаи (18). Большую часть работы составляет детальное описание диалекта - кандулаи (с. 85-367). В предисловии к работе приводятся сведения об истории, этнографии и религии горанов, излагается история изучения горани.¹²

Большую ценность в работе О.Манна представляют тексты, содержащие богатый языковой материал по южным диалектам курдского языка. Следует, вместе с тем, заметить, что приведенный О.Манном материал не дает никаких положительных оснований для исключения аврамани, как и остальных рассматриваемых им диалектов, из числа курдских.

В последующие годы попытка доказательства непринадлежности горани (и заза) к курдскому языку была предпринята в статьях английского ираниста Д.Маккензи (D.Mackenzie), где указанные диалекты противопоставляются курдскому языку на основании трех историко-фонетических признаков, подкрепляемых к тому же идеей "горанского субстрата".¹³ Несостоятельность выдвинутых автором доводов (в обоснование своей точки зрения) была, однако, доказана в работах как зарубежных,¹⁴ так и советских курдоведов.¹⁵

В 1966 г. выходит в свет работа Д.Маккензи по описанию локального варианта аврамани, отражающего язык района Навсуда (Авраман).¹⁶ Работа включает: Краткий грамматический очерк (с. 9-58). Тексты с переводом (с. 60-85). Глоссарий - аврамано-английский (с. 86-114) и англоавраманский (с. 115-140). Тексты, как замечает автор, были записаны им в 1957 г. в Лондоне от молодого авраманца, кстати, свободно владевшего и сулейманийским диалектом курдского языка. Часть текстов составляют записи, сделанные М.Бенедиктсеном (см. примеч. 8).

Работа Д.Маккензи представляет собой новый шаг в синхронном описании аврамани. Грамматический очерк, составленный главным образом по фольклорным текстам, при всей его схематичности, содержит четкое и систематическое описание языка, хотя некоторые моменты фактического порядка могут быть оспорены. Так, например, тексты не дают основания считать, что "прошедшие основы всех пе-

реходных глаголов имеют пассивное значение".¹⁷

Характеризуя место аврамани в составе иранских языков, Д.Маккензи пишет: "Nawrāmī forms an island in a Kurdish sea. Indeed, in many ways Nawrāmī has aspect of somewhat archaic Middle Iranian dialect".¹⁸ Думается, что подобная характеристика статуса аврамани требует серьезной аргументации. Никак не обоснована и весьма образно выраженная автором мысль о том, что аврамани не входит в состав курдских диалектов.¹⁹ Напротив, аврамани, представляя собой одну из южных разновидностей курдского языка, естественным образом граничит с другими южнокурдскими диалектами – с одной стороны – с сулейманийским, с другой – с диалектами сеннаи и керманшахи, с которыми он обнаруживает материальное и системное сходство.²⁰

Следующий значительный шаг вперед в изучении горани представляют собой труды известного ираниста М.Мокри, посвященные исследованию языка религиозных памятников на горани.²¹ Работы М.Мокри отличает точность и скрупулезность в описаниях, а также глубокое знание языка.

Среди работ иракских ученых, помимо уже упомянутой статьи Т.Вахби, следует указать на монографию М.Аврамани, представляющую собой сопоставительную грамматику диалектов сорани и аврамани.²² Этому автору принадлежит и обстоятельная статья по фонетике указанных диалектов, опубликованная в 1976 г. в Трудах Курдской Академии наук.²³

Заслуживает внимания и хрестоматийное пособие по курдскому языку иракского ученого Г.Мухрийани, содержащее параллельные тексты и глоссарий на диалектах сорани, бахдини (=бахдинани), файли и аврами (=аврамани).²⁴

Ценный материал для изучения аврамани и литературы на этом диалекте имеется в книге другого иракского ученого – Данай Аврамани, где излагается учение Пир Шалиара Зардашти, которое исповедовали жители Аврамана до принятия ими ислама.²⁵ В этой книге приводятся сведения о географических и природных условиях Аврамана, перечисляются имена авраманских правителей, религиозных деятелей и поэтов. Языковой материал представлен образцами фольклорных текстов.

Излагаемая здесь история изучения горани будет неполной, если, хотя бы в общих чертах, не изложить вопроса об определении места горани в составе курдских диалектов, тем более, что мнения ученых тут расходятся.

Согласно классификации курдских диалектов, предложенной иракским языковедом Т.Вахби, горани, составляющий одну из четырех

диалектных групп курдского языка (зазайи, горани, лури, курманджи), включает диалекты: аурами, зангана, какайи, баджалани.²⁶

Другие ученые исходят из наличия в курдском трех диалектных групп: северный курманджи, центральный курманджи и южный курманджи. В составе последней выделяются диалекты: аврами, банджалани, заза, лури (=лаки).²⁷ По третьей классификации различаются диалектные группы: северный курманджи, центральный курманджи и горани. К последней относятся диалекты: аврами, баджалани и заза. Диалект лаки включается в группу южный курманджи.²⁸

Из изложенного следует, что основные разногласия, при определении места горани среди других курдских диалектов, сводятся к тому, что в одном случае горани и его разновидности рассматриваются как самостоятельная диалектная группа, исключая диалект заза, в другом – горани (как и заза) относится к числу южнокурдских диалектов.

Учитывая весь накопленный по курдской диалектологии материал, мы исходим из существования курдского языка (на современном этапе его развития) в двух основных разновидностях – северной и южной. Каждая из этих разновидностей представлена диалектами разной степени социальной значимости, группирующимися вокруг двух литературных языков – курманджи и сулеймани. Данное деление основано на совокупности основных фонетических, морфологических и лексических признаков, характеризующих каждую из выделенных групп.²⁹ По характерным признакам горани безусловно примыкает к южной разновидности курдского языка, в составе которой таким образом могут быть выделены три подгруппы. Одну из них образуют диалекты – мукри, сорани и сулеймани (условно обозначаемые термином "сорани"); другую – диалекты керманшахи, сеннайи, коруни, гарруси и др., известные как "юговостоchnокурдские"; третью – диалекты аврамани, кандулаи, баджалани, зангана, какайи и др., объединяемые термином "горани".

Обладая общими для южных диалектов курдского языка грамматическими признаками (наличие местоименной энклитики, суффикса определенности, посессивной конструкции и т.д.), горани в то же время больше сходства обнаруживает с юговостоchnокурдскими диалектами. К. Барр, указывая в упомянутой выше работе на многочисленные грамматические совпадения юговостоchnокурдских и горанийских диалектов, отмечает и сходство фонетической системы: "Совпадение между юговостоchnокурдскими и горанийскими диалектами, – пишет он, – распространяется и на всю звуковую систему, которая в обеих диалектных группах почти идентичная".³⁰ Однако, в объяснении это-

го сходства К.Барр ссылается на стр. В работы А.Кристенсена и М.Бенедиктсена, где разделяется "гипотеза" Ф.Андреаса, согласно которой "курдские кочевники, вторгшись (?) с запада в старую горанийскую область, нашли здесь старое аборигенное население, и в своем языковом развитии подверглись влиянию горанийских диалектов этого населения".³¹ Как, однако, свидетельствует языковой материал, юговосточные диалекты в отношении фонетики, как и грамматики в целом, в большей мере сближаются с южными диалектами (мукри, сорани, сулеймани), нежели с горани.

Определенное сходство горани обнаруживает и с диалектом заза, которое может быть объяснено общей для этих диалектов языковой основой. Данные заза свидетельствуют о его материальной и системной близости как к южной, так и еще более к северной разновидности курдского языка. Достаточно сказать, что в заза, как и в северных курдских диалектах, с которыми он соседствует, отсутствуют энклитические местоимения, составляющие главную отличительную черту южных диалектов, включая и горани.³²

Как показывает обзор литературы, те из авторов, которые отделяют горани от курдского языка, основываются на сравнении горани с южными и юговосточными курдскими диалектами - с одной стороны, и с диалектом заза - с другой. Однако ни один из указанных авторов не рассматривает горани в плане его сопоставления с северными диалектами курдского языка (курманджи), с которыми он также обнаруживает материальное и системное сходство, о чем, в частности, свидетельствуют и результаты проведенного нами исследования языка литературного памятника на аврамани - Дивана Маулави.³³ Между тем факт сходства горани с северной разновидностью курдского языка представляется принципиально важным, поскольку он опровергает точку зрения, согласно которой общность грамматических черт южных, а также юговосточных курдских диалектов и горани объясняется влиянием последнего.³⁴

Надо полагать, что планируемое нами дальнейшее изучение горани (и его разновидностей) по сохранившимся памятникам, даст новые факты в подтверждение его принадлежности к диалектам курдского языка.

-
1. Анвар Кадир Мухаммед. Лирика курдского поэта XIX века Маулави. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Л., 1966.
  2. В.А.Жуковский. Секта "людей истины" - Ahl-i hakk - в Персии. СПб., 1886.
  3. См. М.Б.Руденко. Описание курдских рукописей ленинградских

- собраний. М., 1961; Kamal Fuad. Kurdische Handschriften. Wiesbaden, 1970.
4. М. Mokri. Cinquante-deux versets de Cheikh Amīr en dialecte gūrānī (Ahl-e Haqq). - JA, 1956; он же. "Le Secret indicible" et "La pierre Noire" en Perse dans la tradition des Kurdes et des Lurs Fidèles de Vérité (Ahl-e Haqq). JA, 1962; он же. Le legende de Bižan-u Maniḡa. Version populaire du sud du Kurdistan. P., 1966; он же. Cycle des fidèles compagnons a l'époque de Buhlūl. P., 1974; он же. La grande assemblée des Fidèles de vérité au tribunal sur le mont Zagros en Iran (Dawra-y Dīwāna-Gawre). P., 1977.
  5. Ch. Rieu. Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum. L., 1881, Vol. 2.
  6. В.А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий. Ч. 2. Пг., 1922.
  7. J. Morgan. Dialectes kurdes. - Mission scientifique en Perse, Etudes linguistiques, t. V, P. 1904.
  8. A. Christensen. Les dialectes d'Awromān et de Pāwā. Textes recueillis par Åge Meyer Benedictsen, revus et publiés avec des notes et une esquisse de grammaire. Kōbenhavn, 1921.
  9. Там же, с. 5.
  10. Там же, с. 7.
  11. E. B. Soan. A Short Antology of Guran Poetry. - JRAS, I, 1921.
  12. O. Mann. - Hadank K. Mundarten der Gūrān. - Kurdisch-Persische Forschungen. Abt. 3. Bd, 2, B., 1930.
  13. D. N. Mackenzie. The Origins of Kurdish. - TPhS. L., 1961; Д. Н. Маккензи. Курманджи, курди и Гурани. - НАА, 1963, № 1.
  14. См.: T. Wahby. The origin of kurds and their language. - "Kurdistan". 1964, IX, X.
  15. См.: К. К. Курдоев. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978; И. А. Смирнова, К. Р. Эйюби. К вопросу о диалектном составе курдского языка. - Лингвистические исследования. 1986. М.; З. А. Дсупова. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1985.
  16. D. N. Mackenzie. The dialect of Awroman (Hawgāmān-ī Luhon). Kōbenhavn, 1966.
  17. Там же, с. 51.
  18. Там же, с. 3.
  19. Тем не менее для записи авраманских текстов Д. Маккензи использует курдскую транскрипцию.

20. A.Christensen und K.Barr. Aufzeichnungen über kurdish Dialekte (Gärrusf, Sennäi, Kermānshāhī, Kōrūnī und Kālūn - Abdūi). - Bearbeitet von K.Barr. - Iranische Dialektaufzeichnungen aus dem Nachlass von F.C.Andreas. Berlin, 1939.
21. См. выше, примеч. 4.
22. محمد تهمین هورامانی. زارن زمانی کوردی له ترازوی بهراورددها، بهغدا، ۱۹۸۱.
23. محمد تهمین هورامانی. فۆنه ئیگی زمانی کوردی، بهغدا، ۱۹۸۴.
24. G.Mukriyani. Elif u bêy kurdi wênêdar be tîpî latîni. Be zarawekanî Soranî, Badîni, Feyli, Hewramî. Hewlêr, 1972.
25. См. примеч. I, с. 27.
26. به کر دلێر. ئەشکەوتە کەسی گوندوک. بهغدا، ۱۹۵۱.
27. См. примеч. 22.
28. فوشاد حەمە خورشید. اللغة الكردية. بهغدا، ۱۹۸۳.
29. См. примеч. 15, 20, 28.
30. См. примеч. 20, с. II2.
31. Там же, с. II3.
32. См.: К.К.Курдоев. Исследование заза (курдская диалектология) (рукопись). Л., 1975.
33. مهلا عبد الکریمی مددریس دیوانی سهولوی. بهغدا، ۱۹۷۷.
34. См. примеч. 13.

Н. А. Варлакова

ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НЕМ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРИГОРЬЕВА

История русских научных обществ пока малоизвестна, исследования в этой области только начинаются. Между тем, вклад научных обществ в отечественную науку и культуру значителен и достоин самого пристального внимания.

В 40-е годы XIX в. потребности науки, при неразвитости и малочисленности государственных научных учреждений и издательской базы, побуждали русских ученых объединяться в профессиональные ученые союзы.

Формы таких объединений были заимствованы у Западной Европы, где с XVIII в. уже существовали научные общества, и многие русские ученые состояли в них иностранными членами.

Русское Археологическое Общество, основанное в 1846 г. в Петербурге, постепенно формировалось как самостоятельная научная структура, дополнявшая Академию Наук и существовавшая, в основном, за счет государственных дотаций. Роль Общества в становлении петербургской гуманитарной научной интеллигенции была очень велика. В четырех его отделениях - Восточном, Классическом, Русском и Нумизматическом шла работа в области изучения отечественной и мировой археологии, под которой понимался комплекс исторических и филологических дисциплин.

Основной костяк Общества, наиболее деятельную его часть, составляли преподаватели и профессора Восточного и Историко-Филологического факультетов Петербургского университета. И это не случайно. В Общество шли не только выпускники университета, склонные к научной работе, но и люди, рассматривающие свои занятия наукой как культурную миссию, целью которой являлось развитие просвещения в России, контакты с мировым научным сообществом и, в конечном итоге, определение пути русских ученых в общем научном процессе.

Восточное отделение Общества, в котором на протяжении всего периода его существования концентрировались лучшие силы востоковедов Петербурга, сыграло исключительную роль в становлении школы отечественного востоковедения и воспитании плеяды всемирно

известных ученых-ориенталистов.

Особый интерес представляет начальный этап истории Восточного отделения. Публикуемые ниже архивные документы - научные характеристики вступающих в ряды Общества молодых петербургских ориенталистов А.Я.Гаркави (1935-1919)¹ и В.Р.Розена (1849-1908)² - принадлежат перу выдающегося ученого и общественного деятеля В.В.Григорьева (1816-1881).³

Ученик О.И.Сенковского (1800-1858) и Х.Д.Френа (1782-1851), В.В.Григорьев представлял собой новый тип ученого, характерный для 40-50-х годов XIX в. - эпохи формирования русской интеллигенции как социального слоя, становления ее самосознания. Возглавив в 1863 г. кафедру истории Востока на восточном факультете Петербургского университета, а в 1867 г. Восточное отделение Общества в качестве управляющего, В.В.Григорьев положил начало научному сближению между факультетом и отделением. По существу, он начал работу, которую затем продолжил его ученик и преемник, академик барон В.Р.Розен - превращение Восточного отделения в высшую научную школу востоковедов. Как профессор, В.В.Григорьев привлекал к себе молодежь: "Его увлекательные беседы, его поощрение к научным исследованиям, его интересные темы возбуждали пылкую энергию молодых слушателей и поддерживали в них интерес к ученым занятиям <...>. И вот что важно: все те из питомцев университета, которые находились в общении с Григорьевым, работали на пользу науки более или менее усердно, в зависимости от того досуга, который давала им служба; но работали непременно".⁴

В 1881 г. за научные и общественные заслуги Общество наградило В.В.Григорьева малой золотой медалью. Ниже - публикация.

I "Авраам Яковлевич Гаркави - удостоенный в прошлом году Императорским С⁵анктом Петербургским университетом степени доктора по истории Востока - около пятнадцати лет уже известен как писатель по части истории и древностей еврейских; первый труд его, на еврейском языке, под заглавием: "Развитие понятия о стихиях у древних и средневековых народов", печатался в журнале "Гакармель" в 1860-1862⁶ годах. Первый из русских евреев обратил он внимание на историю единоверцев своих в России. Исследование его об этом предмете на еврейском языке помещалось в 1862-1868 годах в журналах "Гакармель" и "Гамелиц",⁷ а затем, усвоив себе русский язык и занявшись в то же время изучением древней России по восточным источникам, г.Гаркави напечатал в "Трудах" Восточного отделения нашего Общества исследование "О языке евреев", живших в древнее время на Руси"⁸ (в котором доказывал, что языком этим был русский), и особую книгу - "Сказания мусульманских (собственно, араб-

ских) писателей о славянах и русских с половины УП-го до конца X века по Р.Х." Обществу известно, что этот последний труд был ответом на предложенную им задачу, ответом, не удостоившимся премии потому лишь, что не доведен был до конца.⁹ Несмотря на эту неудачу, г.Гаркави продолжал и продолжает заниматься изучением восточных сказаний о России и народах, в ней обитавших.

Плодом этих занятий имеем мы "Дополнения"¹⁰ к означенным "Сказаниям", отпечатанные особю брошюрою в 1871 году, и помещенные в "Журнале Министерства нар<одного> просвещения" статьи: 1) "О Киеве и киевлянах у арабских писателей",¹¹ и 2) "Неизданное свидетельство Масуди о походах русских на Царьград".¹² К той же категории трудов г.Гаркави относятся как его "Jüdisch-Chazarische Analecten (в "Zeitschrift" Гейгера за 1864-1865 годы),¹³ также и "Thule (Thule) в арабской литературе",¹⁴ появившееся в "Приложениях" к "Запискам" нашей Академии Наук. Между тем, независимо от этих занятий русскою древностью, обратился г.Гаркави к изучению иероглифического письма египтян и вавило-ассирийской клинописи. Быстрые успехи, оказанные им в двух столь трудных отраслях знаний, доказываются исследованиями его "Sur les mots égyptiens le da Bible (в "Journal Asiatique" за 1870 год);¹⁵ "Essai sur les mots assyriens de la Bible" (в "Revue Israélite" за тот же год)¹⁶ и "Aegyptisch-Semitisches (в "Zeitschrift für ägyptische Alterthumskunde)".¹⁷

Не упоминая засим о других трудах г.Гаркави на немецком языке, скажем в заключение, что на русском имеем мы у него, сверх перечисленных, еще исследование "О первоначальном обиталище семитов, индо-европейцев и хамитов", напечатанное в "Трудах" Восточного отделения нашего Общества,¹⁸ и статью: "О древнейшем, ныне существующем городе, во всем мире",¹⁹ помещенную в "Журн<але>М<инистерства> нар<одного> просвещения".

Обществу нашему г.Гаркави может быть полезен, как видно из вышеизложенного, обширными познаниями своими по всем частям семиологии; гебраист, арабист, египтолог и клиновец, составит он для нас приобретение в некоторых отношениях незаменимое, так как египтологией, сколько известно, никто в России кроме его не занимается, да и клинописью вавилоно-ассирийскою, тоже, сколько известно, занимается в России лишь еще один из наших сочленов.²⁰

<Подписи:>

В.Григорьев,

А.Куник,

К.Патканов,

П.Лерх.²¹

Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Ф. 3, д. 11, л. 51-52. Автограф В.В.Григорьева. Текст на 3-х страницах, написан на плотном белом листе бумаги, формат 42хх26,5 см, сложенном вдвое, черными чернилами.

II "Единственный покуда печатный труд барона Виктора Романовича Розена - его магистерская диссертация об арабской поэзии;²² но одного этого труда достаточно, чтобы видеть, что обещает молодой ученый: *ex ungue leonem!*²³ В настоящее время он занят преимущественно описанием неизданных и наиболее замечательных арабских рукописей в разных коллекциях Петербурга,²⁴ которое уже начато печатанием и должно выйти в свет к Съезду в Петербурге в августе сего года международного конгресса орьенталистов.²⁵ Ученое образование его и способности снискали уже ему лестную известность между первейшими представителями орьентализма в Англии, Германии и Голландии. Университет петербургский, где преподает он арабский язык в качестве доцента, надеется увидеть в нем со временем одну из своих знаменитостей. Обществу нашему необходим он по своим палеографическим познаниям."

Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Ф. 3, д. 11, л. 114-115. Автограф В.В.Григорьева. Текст написан на 2-х страницах на плотном белом листе бумаги, сложенном вдвое, формат 20,5х13 см, черными чернилами.

карезна и б "Ирландия" Во фазии Олга не е нито
Објавена и не е издадена "О ДИКИ Елеви" не е нито б, нито е
Елена на Бук" (а којога не го купувам што што е тоа, што
Биле прееки), а особено кај него — "Кларина" и ниту ниту ниту
'содржено асоцијација/настава на Сабелетт и "Прееки" и
номбрана VII-во до којога Д Бук на Д.Н." Олга не е ниту ниту
што што е ниту
ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту
што ниту
ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту ниту
бидејќи ниту ниту.

II Единственен поглед на нашия труд Борис
Виктор Романович Розен — со лич-
ствена дисертация оди арабскиот кодзи,
ко од него докој труд до арабскиот кодзи
Види тој што објавише својот труд:
свјетски војет. Во својата книга ови
заједно преку издавање описани се ко-
дизирано и кодизирано арабскиот кодзи
својот труд и разни колекции
на персја, којто се од негово личност
својот труд и својот труд и својот труд
и персја, и својот труд, својот труд
кодизирано кодизирано арабскиот кодзи. Тој
образованието и својот труд својот труд
својот труд својот труд својот труд својот труд
својот труд својот труд својот труд својот труд
и својот труд, својот труд и својот труд.

с атафе Петербургскій. Изъ преподавателъ оуб
арабскій языка въ казенной гимназии, ко-
гда сѣде убогнута въ немъ со-братеннѣ
ознѣ изъ своихъ знаменитѣйшѣ. Общественно
на немъ подождетъ оуб по своимъ лич-
ноу академическимъ подвигамъ.

1. А.Я.Гаркави был избран действительным членом РАО 30 мая 1874 г. По уставу Общества в действительные члены избирались ученые, "специально посвящающие труды свои какой-либо части наук, входящих в круг занятий Общества"; для избрания было необходимо "предложение не менее трех действительных членов, которые письменно заявляют Обществу заслуги предлагаемого, желание его поступить в Общество и ожидаемое от него содействие" (Устав Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1902, с. 6). На практике это положение соблюдалось редко, обычно обходились устными рекомендациями.
2. В.Р.Розен был избран действительным членом РАО 19 марта 1876 г.
3. О научной и общественной деятельности В.В.Григорьева см.: В.В.Григорьев. 1) Об отношении России к Востоку. Речь, произн. на торжественном собрании Ришельевского лицея исправляющим должность профессора В.Григорьевым. Одесса, 1840; 2) Т.Н.Грановский до его профессорства в Москве. "Русская беседа", 1855, кн. III-IV; 3) Жизнь и труды П.С.Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861; 4) Императорский С.Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. П.С.Савельев. Фельетонист-ориенталист. М., 1857. А.В.Никитенко. Записки и дневник. В 3-х т. Т. I, СПб., 1893, с. 516-517. Н.И.Веселовский. 1) В.В.Григорьев по его письмам и трудам. СПб., 1887; 2) История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. СПб., 1900.
4. Н.И.Веселовский. Барон В.Р.Розен. Некролог. СПб., 1908, с. 6.
5. Докторская диссертация на тему "О первоначальном обиталище семитов, индоевропейцев и хамитов" была защищена А.Я.Гаркави в 1872 г.
6. "Гакармель", кн. 2 (1862), № 37, 38, 39, 41, 43, 46, 49; кн. 3 (1863), № 10, 11. (На иврите).
7. "Гакармель", кн. 1 (1861) № 21; кн. 4 (1864) № 41, 43; кн. 5 (1865) № 2, 3, 9, 10, 33, 36; кн. 4 (1867) № 8, 22, 23, 25; кн. 6 (1867) № 34, 39, 41, 43. "Гамелиц", кн. 7 (1867) № 4, 8, 11, 20, 22; кн. 8 (1868) № 10, 14. (На иврите).
8. Труды ВО РАО, т. I4, 1869, с. 97-161.
9. В 1865 г. РАО объявило конкурс на премию в 1500 руб. серебром за составление сборника из восточных писателей о древних славянах и древней Руси. А.Я.Гаркави представил на конкурс свою работу "Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины УП в. до конца X в. по Р.Х.". Из-за того, что пос-

тавленная Обществом задача не была выполнена в полном объеме, премия не была присуждена. За эту работу в 1868 г. восточный факультет Петербургского университета присудил А.Я. ученую степень магистра истории Востока. Отдельной книгой она вышла в 1870 г. Подробнее см.: Н.И.Веселовский. История Императорско-го ... с. 186-187.

10. "Дополнения" к "Сказаниям о мусульманских писателях..." СПб., 1871.
11. Названную работу библиографически определить не удалось. См., однако: А.Я.Гаркави. Древнейшее арабское известие о Киеве. "Труды 3-го Археологического съезда", т. I, 1879-1880, с. 345-352.
12. ЖМНП, 1871, ч. СЛX, отд. 2, с. 220-239.
13. Jüdische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben, herausgegeben von A.Geiger. Bd. III (1864-1865). S. 204-210, 286-292.
14. Записки Императорской Академии Наук, т. 22, кн. 2, 1873, с. 145-158.
15. Journal Asiatique, t. XV (1870), p. 161-186.
16. Essai sur les mots assyriens de la Sainte Ecriture. "Revue Israélite", I (1870), NN 2, 6, 8, 10, 12, 14, p. 20-23; 86-88, 121-123, 150-152, 181-183, 213-215.
17. Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde. 1869, N 7, S. 83, 132.
18. См. примеч. 5; Труды ВО РАО, т. 16, 1872, с. 341-477; также отдельной книгой: СПб., 1872.
19. ЖМНП, 1872, ч. СЛXII, № 8, с. 319-326.
20. Речь идет, по всей видимости, о Илье Николаевиче Березине (1819-1896), члене РАО с 1848 г., филологе, историке-востоковеде широкого профиля, у которого имелись печатные работы в этих областях.
21. Арист Аристович Куник (1814-1899) академик, основатель Общества, историк, филолог, этнограф, нумизмат;
Казтан (Керубе) Петрович Патканов (Патканианц) (1831-1889) член-корр. АН, историк-арменист, действительный член РАО с 1860, секретарь ВО РАО в 1867-1882 гг., управляющий ВО РАО в 1882-1885 г.;
Петр Иванович Лерх (1828-1884), член-корр. АН, историк, филолог, археолог, член РАО с 1860 г.
22. Магистерская диссертация на тему "Древне-арабская поэзия и ее критика" была защищена В.Р.Розеном в 1872 г.
23. По когтю (узнают) льва - лат.

24. Из собрания учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел. *Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales. St.-Petersbourg, 1877.*
25. Третий международный съезд ориенталистов состоялся в Петербурге в 1876 г. Председателем оргкомитета был В.В.Григорьев, секретарем комитета по иностранной переписке В.Р.Розен; позже он был редактором 2-го тома трудов съезда на иностранных языках: *Travaux de la troisième session du Congrès international des orientalistes, St.-Petersbourg 1876. T. II. St.-Petersbourg et Leyde, 1879.*

К. В. Дубков

ЛИЧНЫЙ АРХИВ ВСЕВОЛОДА СЕРГЕЕВИЧА КОЛОКОЛОВА
(фонд 144, Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР)

Личный архив В.С.Колоколова (16.II.(ст.ст.) 1896-18.II. 1979 г.) поступил от Ирины Алексеевны Колоколовой, вдовы ученого 22 марта 1979 г. Обработка фонда началась в 1981 г. и продолжалась с перерывами до 1985 г. В результате обработки сформировано 510 дел, которые составляют две описи (1 и 2). Крайние даты материалов - конец XIX в. - 1979 г.

Всеволод Сергеевич Колоколов родился в г.Кашгаре (теперь - Синьцзян-уйгурский автономный р-н, КНР) в семье драгомана русского консульства. Начальное образование получил в китайской школе, а среднее - в американском миссионерском колледже в г.Фуцжоу (пров. Фуцзянь, КНР), куда переехала семья Колоколовых. В школе он изучал арабский, узбекский и китайский языки, а в миссионерском колледже - китайский и английский.

В 1913 г. В.С.Колоколов переехал в Россию и поступил в Александровский лицей. После закрытия Александровского лицея в 1917 г., он поступил на ускоренные курсы прапорщиков при Павловском пехотном училище в Петрограде. По окончании курсов прапорщиков, В.С.Колоколов получил назначение в 196-ой запасной пехотный полк, расквартированный в Твери. После Октябрьских событий полк был

расформирован и В.С.Колоколов уехал в деревню Печище Тверской губернии. При объявлении первой мобилизации добровольно вступил в ряды Красной Армии и был назначен командиром взвода 4-го запасного стрелкового полка.

В 1920 г. В.С.Колоколов по распоряжению Всеероглавштаба был зачислен слушателем Восточного отделения Академии Генерального штаба в Москве, а через два года стал преподавателем китайского языка на том же Отделении. С 1937 по 1939 гг. В.С.Колоколов - начальник кафедры китайского языка. С 1939 по 1942 гг. он заведовал кафедрой китайского языка в Высшей спецшколе РККА, а с 1943 по 1947 гг. работал в НКВД и в Министерстве государственной безопасности (образовано в 1946 г.). В ноябре 1947 г. В.С.Колоколов был уволен в запас в звании майора административной службы и рекомендован в качестве преподавателя китайского языка в Военную академию им.М.В.Фрунзе, в которой преподавал до 1950 г.

С 1950 г. и до ухода на пенсию в 1970 г., В.С.Колоколов работал в системе Академии наук, сначала в Институте востоковедения в Москве, а с 1957 г. - в его Ленинградском отделении.

Уже в начале 20-х годов В.С.Колоколов становится крупным специалистом-востоковедом, хорошо знающим Китай и свободно владеющим китайским языком. Именно его курсом китайского языка в 1922 учебном году в Институте востоковедения им.Н.Нариманова (бывший Лазаревский институт) была начата систематическая подготовка китаеведных кадров в Москве. Здесь, за пятнадцать лет работы в Институте, В.С.Колоколов прошел путь от преподавателя до заведующего кафедрой, а 23 ноября 1935 г. на заседании Квалификационной комиссии Ученого комитета при ЦИК СССР по Институту востоковедения он был утвержден в звании профессора по кафедре китайского языка и кандидатом наук без защиты диссертации.

Кроме того, в течение ряда лет В.С.Колоколов преподавал китайский язык на Курсах иностранных языков им.Г.В.Чичерина при ВЦСПС, в Институте Красной профессуры, в МГУ, а русский язык - в китайской группе КУТК (Коммунистический университет трудящихся Китая) и в Университете им. Сунь Ятсена.

Одновременно все эти годы В.С.Колоколов вел интенсивную научную работу. Он - автор ряда ценных практических пособий по грамматике китайского языка и китайской письменности. В 1935 г. вышел в свет его "Краткий китайско-русский словарь",¹ составленный по графической системе, который почти 20 лет был пособием первой необходимости, настольной книгой каждого китаеведа. Система размещения иероглифов в этом словаре, являющаяся развитием системы Ва-

силева-Розенберга, положена в основу всех издающихся с тех пор у нас китайско-русских словарей. В 1952 г. им издан "Краткий русско-китайский и китайско-русский внешнеторговый словарь".² Позднее В.С. Колоколов принял активное участие в коллективной работе Института востоковедения по составлению "Китайско-русского словаря" под редакцией И.М.Ошанина,³ а в 1961 г. издал "Китайско-русский словарь научных и технических терминов".⁴

С 1950 г. В.С.Колоколов - старший научный сотрудник Института востоковедения. С переходом в академический институт основное внимание он стал уделять китайской литературе и, как блестящий знаток ее, участвовал в переводах на русский язык романа "Путешествие на Запад"⁵ собрания сочинений Лу Синя,⁶ сборника стихотворений Го Можо.⁷

После переезда в Ленинград в 1957 г. В.С.Колоколов был одним из организаторов группы по описанию и изучению коллекции дуньхуанских рукописей, хранящихся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения. Несколько лет он работал в составе тангутской группы, которая перевела и подготовила к изданию факсимиле уникальнй тангутский толковый словарь "Море письмен".⁸ Вместе с Е.И.Кычановым подготовил к изданию тангутские переводы китайских классических книг (с тангутско-китайским словарем).⁹

С 1954 г. В.С.Колоколов работал над научным переводом "Четверокнижия" и "Пятикнижия" - произведений конфуцианской канонической литературы, древнейших памятников китайской письменности. Перевод "Четверокнижия", состоящего из книг "Да сюэ", "Чжун юн", "Лунь юй" и "Мэн цзы", был закончен в 1961 г. К переводам были написаны комментарии и составлен справочный аппарат, однако ни одна из книг так и не была опубликована.

Как специалист, свободно владевший несколькими иностранными языками, В.С.Колоколов часто выполнял ответственные государственные поручения. Он был переводчиком (синхронный перевод) на XУШ и XIX съездах КПСС, на 2-ом Съезде писателей СССР, на различных Международных форумах с участием китайских делегаций, был личным переводчиком на многих переговорах с государственными и партийными деятелями Китая.

За долгие годы педагогической работы В.С.Колоколов подготовил немало советских китаеведов, которые и в настоящее время плодотворно работают в различных партийных, государственных и научных учреждениях нашей страны.

В.С.Колоколов активно занимался общественной деятельностью. Он был инициатором проекта создания в СССР школ - интернатов синологического профиля, много лет был заместителем председателя

Ленинградского отделения Общества советско-китайской дружбы.

Вклад В.С.Колоколова в дело подготовки военных специалистов для Советской Армии был отмечен орденом Красного Знамени и медалью "За победу над Германией". Умер В.С.Колоколов 18 февраля 1979 г. в Ленинграде.

Всю научную часть личного архива В.С.Колоколова условно можно разделить на две части. Первая охватывает период с 1922 по 1949 гг. и состоит из учебных пособий по китайскому языку, конспектов лекций, учебных планов, экзаменационных программ, отражающих учебный процесс в ряде высших учебных заведений, небольшого количества статей и переводов. Другая, значительно более полная, включает материалы наиболее плодотворного в научном отношении периода - периода работы В.С.Колоколова в Институте востоковедения АН в Москве и в его Ленинградском отделении. Крайние даты ее - 1950-1979 гг. Именно эта группа материалов и составляет основную часть I-ой описи ("Научные труды, отзывы и рецензии").

Известно, что в начале 1955 г. В.С.Колоколов был командирован Институтом востоковедения АН в Ленинград для работы над научным переводом китайского классического "Четверокнижия" (Сы шу), хранящимся в Рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН. Через два года он принимает окончательное решение навсегда остаться в Ленинграде, и эта тема становится основной в его творческих планах. Приступив к работе, В.С.Колоколов поставил перед собой задачу сделать научный перевод и опубликовать все книги китайской конфуцианской литературы, считая, что уже давно назрела необходимость серьезного изучения китайских классических книг и их полного перевода на русский язык. К концу 1961 г. перевод всего "Четверокнижия" был закончен, "Лунь юй" и "Мэн цзы" были отправлены в Редакционно-издательский совет, а "Да сюэ" и "Чжун юн" стилистически дорабатывались. Однако в процессе обработки архива выяснилось, что перевод "Четверокнижия" представлен не полностью. К книгам "Да сюэ" и "Чжун юн" сохранились лишь рабочие материалы. Это фрагменты перевода, росписи текстов, таблицы, выписки.¹⁰

Переводы книг "Лунь юй" и "Мэн цзы" сохранились в достаточно полном объеме. В описи перевод книги "Лунь юй" распределен по вариантам - с традиционным расположением текста¹¹ и с расположением текста отличным от традиционного.¹² Датируются материалы 1957-1968 гг. К книге "Лунь юй" имеется справочный аппарат, куда вошли комментарии, указатели, индекс иероглифов, приложения, конкорданс, аннотация, выписки из различных работ о Конфуции.¹³ Четыре варианта перевода книги "Мэн цзы" датируются 1959-1979 гг. При обра-

ботке было принято решение не разделять варианты по времени их исполнения, а оставить их в том виде, в каком они поступили в Архив востоковедов. Такое решение оправдано тем, что один из вариантов,¹⁵ например, составлен автором из частей, написанных в разное время. Кроме того, в него вложен лист с автографом: "Мэн цзы" (экземпляры и варианты перевода). Отложены для возможного издания в Москве 1 июня 1979 г." Во всяком случае такой подход поможет избежать ошибки при архивной обработке материала и не помешает его исследованию или подготовке к возможной публикации. Перевод книги "Мэн цзы" так же снабжен обширным справочным аппаратом. Небольшая часть его входит в состав вариантов, другая¹⁶ образует самостоятельную группу материалов. Аппарат состоит из указателя собственных имен и географических названий, иероглифического и фонетического указателей, конкорданса, библиографии, биографических сведений о Мэн цзы, хронологии событий, связанных с жизнью и деятельностью Мэн цзы, фотокопий текста с эстампажей из г.Сиань (пров. Шэньси), списка китайских изданий книги "Мэн цзы", хранящихся в ЛО ИВ АН СССР. Здесь же¹⁷ замечания академика Н.И.Конрада на перевод первой главы "Мэн цзы", его вступительная статья и ответ В.С.Колоколова на замечания Н.И.Конрада, который во многом объясняет причину задержки публикации перевода.

В конце группы материалов, связанных с "Сы шу", помещены конспекты двух докладов о "Четверокнижии" и библиография.¹⁸

К работе над переводом "Пятикнижия" ("У цзин") В.С.Колоколов приступил в 1961 г. Однако уже в 1962 г. был вынужден прервать ее в связи с участием в деятельности тангутской группы Института. Возобновить работу над переводом он смог лишь в 1966 г.

Из классического "Пятикнижия", которое состоит из книг "И цзин", "Ши цзин", "Ли цзи", "Шу цзин" и "Чунь цю", в личном архиве В.С.Колоколова есть материалы только к переводу книг "Ли цзи" и "Чунь цю". Датируются они 1960-1970 гг.

Часть перевода книги "Ли цзи"¹⁹ отсутствует. К переводу прилагаются три варианта предисловия, вступительные замечания, статья о комментаторской традиции "Ли цзи", проспект издания перевода, иллюстрации в виде переводных копий ритуальных предметов, библиография, цитаты из разных произведений о "Ли цзи" и китайский текст первой главы книги, написанный по трафарету для словаря.

Что касается "Чунь цю",²⁰ то здесь мы имеем лишь материалы к переводу. Это черновой вариант перевода с китайского текста книги, фрагмент предисловия переводчика, выписки из различных работ о "Чунь цю", перевод предисловия к изданию книги, вышедшему в

1954 г. в издательстве "Вэнь-свэ Гуцзи каньсин шэ" (Древняя литература). Здесь же можно ознакомиться со статьей В.С.Колоколова "Триграммы и гексаграммы канонической книги "И-цзин" и их применение в книге "Чунь цю".²¹

В эту же группу материалов вошли две статьи В.С.Колоколова: "Изыскания в области книги "И-цзин"²² и "Санскритские параллели в китайской "Книге песен" (Ши-цзин)".²³

Материалами к переводу "Сяо цзин"²⁴ и к статьям о книге "Эр Я"²⁵ заканчивается подраздел, связанный с переводом китайских классических книг. Датируются материалы 1962–1977 гг. В них вошли вступительные статьи, фрагменты перевода, переписка В.С.Колоколова с редакцией журнала "Народы Азии и Африки" за 1971–1977 гг.

Здесь же помещены статьи В.С.Колоколова по конфуцианской классике.²⁶ В них рассматриваются проблемы ее изучения, особенности перевода и организации серийного издания, а так же содержатся данные о ксилографическом фонде ЛО ИВ АН СССР.

Кроме перечисленных выше исследований, в личном архиве хранятся материалы по тангутике, китайскому языку, истории отечественного китаеведения, статьи, доклады, учебные пособия по истории, этнографии, литературе, географии Китая, библиографии, переводы с китайского, японского, английского и немецкого языков.

Участвуя в работе тангутской группы, В.С.Колоколов подготовил вместе с коллективом авторов ряд публикаций.²⁷ Связанные с ними материалы и образуют подраздел "Тангутика". В него вошли китайско-тангутские фонетические словники, списки терминов, указатели. С концепцией В.С.Колоколова в вопросе дешифровки тангутской письменности можно ознакомиться прочитав наброски статей-наблюдений над тангутскими знаками.²⁸

В.С.Колоколов заслуженно считался крупным специалистом в области китайского языка, китайской письменности и каллиграфии. За долгие годы преподавательской работы им было написано значительное количество статей и учебных пособий. Часть из них хранится в личном фонде. Это различные пособия по грамматике китайского разговорного языка, письменного языка "Вэнь янь", пособия по технике перевода и китайскому канцелярскому стилю. Особо можно выделить одну из последних работ, написанную в 1968 г. "Курс грамматики китайского языка (в практическом разрезе)".²⁹ В аннотации к пособию автор пишет, что предлагаемый им курс грамматики китайского языка предназначается для студентов старших курсов востоковедных вузов и для лиц, уже читающих несложные тексты. Примеры в нем почти целиком заимствованы из китайских грамматик, рабочего аппарата нет. Внешне пособие представляет собой машинописный текст в

переплете. Иероглифическая часть текста вписана автором от руки.

Здесь же статьи, очерки и пособия по анализу китайских иероглифов, статьи о китайской письменности, ее происхождении и реформе, о каллиграфии, словари, учебные программы и планы лекций по китайскому языку для студентов вузов и аспирантов.

Продолжая начатую П.Е.Скачковым работу по изучению истории китаеведения в России, В.С.Колоколов сделал подборку материалов об Илларионе Рассохине, Алексее Леонтьеве и В.П.Васильеве.³⁰ По этим материалам с 1958 по 1970 гг. им были сделаны сообщения, написаны статьи, которые так же хранятся в фонде.

В разные годы преподавательской и научной работы В.С.Колоколовым была прочитано множество докладов, написано большое количество статей по различным аспектам китаеведения, сделано значительное количество переводов. Часть из них сохранилась в форме черновых набросков и копий окончательных вариантов. Это, в основном, учебные пособия по истории, географии Китая, небольшие статьи и заметки-отклики на различные события в научной и политической жизни Китая. Среди них, например, курс политической географии и очерки по истории Китая, статьи о китайском радио, о культуре предков, о творчестве Пу Сунлина, Лу Синя и другое. Тематика переводов так же различна. Большая часть их выполнена с китайского языка с 1928 по 1978 гг. В их числе статьи и учебные пособия Гао Минкая, Дин И, Ло Чанпэя, Ло Цзигуана, У Юйчжана и Ли Цзиньси, Цзэн Чжаолуня, Чжан Шичжао, Ши Луня, Ма Цияня, Шан Юэ, Ду Шоусу, публицистические статьи Лу Синя и стихи Го Можо. Особое место занимает перевод книги Хэ Цютао "Шо-фан бэй-чэн", название которой В.С.Колоколов перевел как "К готовности боевых колесниц на страну полунощную".³¹ Работа выполнялась по договору с Институтом Дальнего Востока АН СССР в семидесятые годы. Книга эта представляет литературный и исторический интерес и содержит экономико-географическое описание северного соседа Китая - России в середине XIX в. 37 пар тетрадей перевода "Шо-фан бэй-чэн" являются вторыми или третьими экземплярами оригиналов, отправленных В.С.Колоколовым в Институт Дальнего Востока. Каждая пара состоит из перевода, отпечатанного на машинке и от руки написанного китайского текста. Часть тетрадей отсутствует, нет также и комментариев к тексту.

Большое количество работ (71 д.), присланных В.С.Колоколову на отзыв с 1937 по 1978 гг., представляет собой учебники, словари, монографии, диссертации, статьи по литературе, языку истории, философии, этнографии Китая, выполненные отечественными и зарубежными авторами. Здесь же можно встретить научные характеристики и отзывы о специалистах.

Кроме научных работ в фонде имеются материалы по деятельности В.С.Колоколова в Институте востоковедения и общественных организациях. Необходимо сразу отметить, что материалов к биографии нет. Имеется в виду группа документов, которая могла бы образовать самостоятельный раздел. Учитывая характер учреждений, в которых В.С.Колоколов работал до 1950 г., исследователю предстоит добывать биографические данные из относительно небольшого количества писем и, частично, из группы материалов подраздела "Учебные программы и планы лекций по китайскому языку для студентов вузов и аспирантов", среди которых есть документы, имеющие косвенное отношение к биографии ученого.

Группу материалов по деятельности образуют документы, относящиеся к работе ученого в Институте востоковедения АН СССР и его Ленинградском отделении, документы, связанные с проектом создания в СССР школ-интернатов синологического профиля и переписка по этому поводу с Министерством просвещения СССР и с Институтом Дальнего Востока АН СССР. С работой В.С.Колоколова в Ленинградском отделении Общества советско-китайской дружбы, заместителем председателя которого он был долгие годы, можно ознакомиться, просмотрев организационные документы и переводы писем членов ОСКД за 1958-1963 гг.

Раздел "Переписка" личного архива В.С.Колоколова имеет характерную особенность - самое раннее письмо датируется 1951 г. Однако, необходимо сделать некоторое уточнение. Часть переписки вошла в первую опись вместе с материалами, которые она тематически дополняет и тем самым облегчает работу исследователю. Так, к примеру, вместе с текстом доклада В.С.Колоколова "Цюй Вито (Страхов). Латинизированная китайская азбука. (Сборник материалов)"³² хранятся подлинники и копии писем известного китайского публициста и литературоведа, видного деятеля Компартии Китая Цюй Шуана (он же - Цюй Вито и Цюй Цубо). Они датируются 1922 г. и являются самыми ранними из сохранившихся писем В.С.Колоколову. В числе других адресатов и корреспондентов В.С.Колоколова - Н.И.Конрад, А.П.Рогачев, Г.Д.Санжеев, В.М.Солнцев, Н.Н.Коротков, П.Е.Скачков, И.М.Ошанин, С.Л.Тихвинский, Н.Т.Федоренко, Каден Клаус, Го Можо, Тосикацу Хори, Акира Фудзэида и др.

В добавление к настоящему обзору необходимо упомянуть и о библиотеке В.С.Колоколова, которая вошла в состав Дальневосточных фондов Библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Коллекция книг насчитывает более 500 библ. ед.,³³ значительная часть которых также была преподнесена в дар библиотеке Ириной Алексеевной Колоколовой в 1979 г. Коллекция эта соби-

ралась ее владельцем на протяжении почти 60-ти лет и отражает разностороннюю научную и практическую деятельность ученого.

В 1996 г. исполнится 100 лет со дня рождения В.С.Колоколова. Имя В.С.Колоколова хорошо известно за рубежом и особенно в Китае, его научная и практическая деятельность в большой степени способствовали укреплению культурных и научных связей между двумя народами. Поэтому публикация перевода книг "Лунь юй" и "Мэн цзы", уже готовившиеся переводчиком к изданию, была бы встречена с большим интересом специалистами не только нашей страны, но и их зарубежными коллегами.

-
1. Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины. М., Советская энциклопедия, 1935.
  2. Краткий русско-китайский и китайско-русский внешнеторговый словарь. М., Внешторгиздат, 1952.
  3. Китайско-русский словарь. Под редакцией И.М.Ошанина. М., 1955.
  4. Китайско-русский словарь научных и технических терминов. Под редакцией В.С.Колоколова. М., 1959.
  5. У Чэнзнь. Путешествие на Запад. Роман. Перевод с китайского. Т. 3-4, М., Гослитиздат, 1959.
  6. Лу Синь. Собрание сочинений: [Перевод с китайского] Т. 1-4, М., 1954.
  7. Го Можо. Стихи о цветах. Перевод А.И.Гитовича с примечаниями В.С.Колоколова. М., изд-во Иностранная литература, 1960.
  8. Море писем. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и приложения К.Б.Кепинг, В.С.Колоколова, Е.И.Кычанова и А.П.Терентьева-Катанского. Ч. 1-2; - Письменные памятники Востока Т. XXV, М., Наука, 1969.
  9. Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сюэ цзин). М., Наука, 1966.
  10. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 1, 4.
  11. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 5-7.
  12. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 8, 9.
  13. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 10-15.
  14. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 16-19.
  15. АВ, Ф. 144, оп. 1, дело 19.
  16. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 20-30.
  17. АВ, Ф. 144, оп. 1, дело 27.
  18. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 32-34.
  19. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 37-43.
  20. АВ, Ф. 144, оп. 1, дела 44-46.

21. АВ, Ф. 144, оп. I, дело 46.
22. АВ, Ф. 144, оп. I, дело 35.
23. АВ, Ф. 144, оп. I, дело 36.
24. АВ, Ф. 144, оп. I, дело 47.
25. АВ, Ф. 144, оп. I, дело 48. Ст. "Предисловие Го Пу к книге "Эр Я". Оpubл. в кн.: Китай: история, культура и историография. М., 1977, с. 115-123.
26. АВ, Ф. 144, оп. I, дела 49-53.
27. См. № 8, 9.
28. АВ, Ф. 144, оп. I, дела 73-75.
29. АВ, Ф. 144, оп. I, дело 82.
30. АВ, Ф. 144, оп. I, дела 130-139.
31. АВ, Ф. 144, оп. I, дело 189-212.
32. АВ, Ф. 144, оп. I, дело 142.
33. Подробно о библиотеке В.С.Колоколова см.: Н.В.Старостенко, И.Э.Циперович. Новые коллекции Дальневосточных фондов Библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВ АН). - НАА. № 5, 1984, с. 144- 146.

К.В.Дубков

ЛИЧНЫЙ АРХИВ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ДРАГУНОВА
(фонд 132, Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР)

Александр Александрович Драгунов родился 8(21) февраля 1900 г. в Петербурге в семье почтового служащего. В 1918 г., по окончании бывшей 2-ой Петроградской гимназии, поступил на восточный факультет Петроградского университета. После вынужденного перерыва, связанного с гражданской войной, в 1921 г. был восстановлен в правах студента, а в январе 1926 г. окончил факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета. Успешно окончив аспирантуру в 1928 г., А.А.Драгунов поступил на работу в Азиатский музей (с 1930 г. - Институт востоковедения АН СССР), где работал до 1951 г., занимая последовательно должности от практиканта до старшего научного сотрудника.

Получив в Ленинградском университете под руководством академика Л.В.Щербы солидную общелингвистическую подготовку, А.А.Драгунов успешно работал в различных областях китайского языкознания. Первые годы работы в Азиатском музее он занимался преимущественно исторической фонетикой китайского языка. Методом сравнительно-ис-

торического языкознания, который в то время только начинали применять к китайскому языку, А.А.Драгунов восстановил фонетическую структуру китайского языка XIII-XIV веков. С этой целью в статьях "Памятники квадратного письма и древнемандаринский язык"¹ и "Древнемандаринский язык в персидской транскрипции"² он впервые исследовал две группы некитайских источников - транскрипцию китайских слов так называемым "квадратным алфавитом" Пагба-ламы и арабским алфавитом.

В 30-ые годы в СССР большое внимание уделялось языковому строительству, которое явилось частью широкой программы ликвидации неграмотности в стране. А.А.Драгунов входил в состав Научного совета Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Совете Национальностей ЦИК СССР, принимал активное участие в создании новой латинизированной письменности для китайского населения Советского Дальнего Востока и дунган Киргизии и Казахстана. Его научная работа в этот период была связана с практическими вопросами, возникавшими при составлении учебных пособий для китайцев и дунган. Непосредственные контакты с носителями языка во время длительных научных командировок в районы Киргизии, Казахстана и Дальнего Востока во многом способствовали научным открытиям, сделанным А.А.Драгуновым в области китайской диалектологии. Большой интерес среди специалистов вызвала открытая им особая группа китайских диалектов - диалектов Центрального Китая (пров. Хунань), впоследствии получивших в китайской лингвистической литературе название диалектов Сян. Фонетическому описанию трех диалектов этой группы посвящена статья А.А. и Е.Н.Драгуновых "К латинизации диалектов Центрального Китая. Диалекты Сянтань и Сянсян (Хунань)".³

Одновременно с научно-исследовательской работой А.А.Драгунов много внимания уделял подготовке кадров, преподавал китайский язык в Военно-политической академии им.Н.Г.Толмачева, Институте истории искусств, Ленинградском институте живых восточных языков, Ленинградском государственном университете, а так же на восточном факультете Дальневосточного государственного университета и Китайской ленинской школе во Владивостоке. За большую научную и педагогическую работу 15 июля 1935 г. на заседании Президиума АН СССР А.А.Драгунов был утвержден в звании кандидата филологических наук без защиты диссертации.

Во время Великой Отечественной войны А.А.Драгунов до 1942 г. работал в блокадном Ленинграде, а в 1942 г. эвакуировался вместе с Институтом востоковедения АН СССР в Ташкент, где про-

должал заниматься исследовательской работой, одновременно выполняя задания оборонного значения. В Ташкенте он был также одним из инициаторов организации филиала Отделения литературы и языка АН СССР и работал его секретарем. В 1945 г., по возвращении из Ташкента, А.А.Драгунов продолжал свою научную и педагогическую работу в Ленинграде до перевода в Москву вместе с Институтом востоковедения в 1951 г.

Основным объектом исследований А.А.Драгунова в предвоенные, военные и послевоенные годы была грамматика современного китайского языка. Теоретической и практической базой этих исследований стали курсы лекций, прочитанные в различных учебных заведениях. Так курс лекций, читавшийся А.А.Драгуновым в Ленинградском университете в 1937-1941 гг., лег в основу его большой работы "Грамматическая система современного китайского разговорного языка", которая была опубликована в 1962 г. Издательством Ленинградского университета. В 1952 г. вышла в свет монография "Исследования по грамматике современного китайского языка, Ч. I. Части речи".⁴ В этой работе А.А.Драгунов теоретически обосновал свою точку зрения на проблему частей речи в китайском языке, впервые сформулированную им еще в 1934 г. в "Начальной грамматике китайского языка", написанной в соавторстве с Чжоу Сунванем.⁵ Эта грамматика была написана на китайском языке для китайцев, проживавших на территории СССР и впоследствии неоднократно переиздавалась в Китае.

Проработав всего 3,5 года в Москве, А.А.Драгунов умер 21 февраля 1955 г. в возрасте 55 лет.

А.А.Драгунов принимал активное участие в общественной жизни. В течение трех лет он был депутатом Василеостровского районного Совета депутатов трудящихся города Ленинграда. Его труд был отмечен правительственными наградами. А.А.Драгунов был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями: "За оборону Ленинграда" и "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

В результате обработки личного архива А.А.Драгунова сформировано 257 дел. Материалы охватывают период с 1880-1964 гг.

Все они составляют одну опись. Опись состоит из 5-и разделов:

Раздел 1. Научные труды, отзывы и рецензии (1937-1955).

Раздел 2. Документы к биографии и научно-организационной деятельности (1919-1955).

Раздел 3. Переписка (1928-1955).

Раздел 4. Труды других лиц (193.-1960).

Раздел 5. Материалы Е.Н. Драгуновой (1880–1964).

К сожалению, содержание личного архива не отражает в полной мере широту научных интересов ученого, который занимался изучением китайского, дунганского, тибетского и тангутского языков. Свой список научных работ А.А. Драгунов делил на следующие разделы:

1. Грамматика китайского языка
2. Китайская диалектология
3. Историческая фонетика
4. Тангутский и тибетский языки
5. Латинизация китайской письменности
6. Справочные заметки (для ВСЭ и сборника "Китай")
7. Переводы

В личном архиве полностью отсутствуют материалы по переводам, справочным заметкам, латинизации китайской письменности, тангутскому языку. Одно дело содержит черновые записи тибетских текстов и осциллограммы. Возможно, они имеют отношение к статье А.А. Драгунова "Особенности фонологической системы древнетибетского языка", опубликованной в 1939 г. в Записках Института востоковедения.⁶ От работ по исторической фонетике сохранилась лишь картотека к работе над восстановлением фонетической структуры китайского языка по персидским источникам. Таким образом, в I-ый раздел описи вошли, в основном, материалы по грамматике китайского языка и китайской диалектологии.

Раздел этот небольшой, всего 28 дел, и основная часть работ, вошедших в него, опубликована. Однако варианты работ с авторской правкой, отзывы на них и другие сопутствующие материалы могут заинтересовать исследователей. Особенно это касается сохранившихся в ряде случаев стенограмм обсуждения работ А.А. Драгунова, представляющих уже сейчас определенную ценность для истории науки. Так, к примеру, в личном архиве сохранилась корректура, гранки и машинопись "Исследований по грамматике современного китайского языка".⁷ Все они с правкой А.А. и Е.Н. Драгуновых. Вместе с вариантами монографии хранятся отзывы о ней: В.В. Виноградова, Г.Ф. Смыкалова, Г.Д. Санжеева, А.А. Холодовича, И.С. Кацнельсона.⁸ Здесь же можно ознакомиться со стенограммой обсуждения "Исследований по грамматике современного китайского языка", проходившего в Институте востоковедения с 27 января – 4 февраля 1954 г. В обсуждении приняли участие 21 человек. Среди выступавших были: Г.Д. Санжеев, Н.Н. Коротков, В.С. Колоколов, Б.Г. Мудров, Н.С. Поспелов, Б.К. Пашков, Б.С. Исаенко, И.И. Советов, А. Калимов, В.М. Солнцев, С.Е. Яхонтов, Н.А. Сыромятников и другие.

К сказанному выше о "Грамматической системе современного китайского разговорного языка" – курсе лекций за 1937–1941 гг. можно добавить, что в личном архиве есть авторский (2 варианта) и машинописный текст этой работы.⁹

В 1952 г. А.А.Драгуновым была написана статья "К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка. (Предложения наличности и обладания)". Она не была опубликована при жизни автора. В личном архиве сохранился экземпляр статьи, написанный рукой Е.Н.Драгуновой и два машинописных варианта.¹⁰ Один из вариантов – с авторской правкой, другой – с замечаниями С.Е.Яхонтова, который вместе с Е.Н.Драгуновой в 1957 г. подготовил статью к публикации в сборнике "Некоторые вопросы китайской грамматики".¹¹ Здесь же находится отзыв Н.С.Поспелова о статье и стенограмма обсуждения статьи коллективом сотрудников Сектора Китая Института востоковедения АН СССР, которое состоялось 17 марта 1953 г. В стенограмме зафиксированы выступления Л.И.Думана, И.М.Ошанина, А.Калимова и Кирилловой.

"Система семантико-грамматических категорий современного китайского разговорного языка"¹² неопубликована. В отзыве проф. Г.Ф.Смыкалова, вошедшем в приложение, написано, что рецензируемая работа представлена в Ученый совет Института востоковедения на соискание ученой степени доктора филологических наук. Датируется работа по этому же отзыву, который написан 21 августа 1948 г. В личном архиве находятся два варианта этой работы. Черновой вариант написан автором на обратной стороне машинописного текста "Грамматической системы современного китайского разговорного языка". По оформлению другого можно предположить, что перед нами второй или третий экземпляр окончательного варианта, предназначенного для защиты. Это машинопись в дерматиновом переплете с аккуратными вставками карандашом. Указателя к работе в личном архиве нет, несмотря на то, что соответствующий раздел в диссертации имеется. Кроме отзыва проф. Г.Ф.Смыкалова есть и два варианта краткой аннотации, написанной А.А.Драгуновым.

По дунганскому языку материалов мало. Кроме первоначального варианта опубликованной статьи Е. и А.Драгуновых "Дунганский язык (Опыт характеристики)",¹³ сохранилась научная часть докладной записки А.А.Драгунова, возглавлявшего Комиссию по разработке письменности для дунган, Главному ученому секретарю АН СССР академику А.В.Толчиеву.¹⁴ К рабочим материалам записки прилагаются копии протоколов Дунганской комиссии и копии распоряжений Президиума АН СССР за 1952–1954 гг., касающиеся ее деятельности.

В этот же раздел включены отзывы А.А.Драгунова на статьи диссертации, рефераты, учебные пособия, дипломные работы за 1940-1955 гг. Здесь можно встретить рецензии на работы: Е.Э.Бертельса, Т.П.Задоевко, А.И.Иванова, В.С.Колоколова, Е.М.Колпакчи, Н.Н.Короткова, Б.К.Пашкова, Г.Ф.Смыкалова, Г.П.Сердюченко, Н.Т.Федоренко, С.Е.Яхонтова и других. В тех случаях, когда это было возможно, к отзывам приложены переписка, сопроводительные письма, извещения о защитах и обсуждениях. К рецензиям на работы И.М. Ошанина прилагается стенограмма обсуждения на заседании Китайского сектора Института востоковедения АН СССР (1952 г.) статьи для БСЭ "Китайский язык" и "Краткого грамматического очерка китайского языка" для китайско-русского словаря.

Раздел 2-ой состоит из документов, охватывающих период с 1919-1955 гг. В него вошли личные документы А.А.Драгунова, документы к биографии и научно-организационной деятельности. В личных документах есть свидетельство об окончании ЛГУ, диплом кандидата наук, аттестат старшего научного сотрудника, удостоверения о награждении правительственными наградами. Среди служебных документов можно встретить справки о работе А.А.Драгунова в различных учебных заведениях, о занятиях с аспирантами, трудовые книжки, разного рода удостоверения. В их числе командировочные удостоверения, выданные А.А.Драгунову в качестве представителя Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при ЦИК СССР для поездки в Казахскую и Киргизскую АССР (1932, 1933 гг.), в ДНК для сбора материалов по диалектам китайского населения СССР и изучения вопроса, связанного с латинизацией китайской письменности (1931 г.) и другие. По эвакуационным удостоверениям можно проследить путь, сделанный семьей Драгуновых от блокадного Ленинграда до Ташкента в 1942 г. Среди документов к биографии есть материалы, отражающие депутатскую деятельность фондообразователя.

Документы научно-организационной деятельности (1930-1954 гг.) представлены в фонде в виде черновиков планов и отчетов, копий распоряжений Президиума АН СССР, выписками из приказов ленинградского, ташкентского и московского периодов работы А.А.Драгунова в Институте востоковедения, заявлениями в дирекцию Института, документами по созданию журнала "Советское востоковедение".

Раздел 3-ий содержит переписку А.А.Драгунова за период с 1928-1955 гг. Среди писем ученого есть письма В.М.Алексееву, А.А. Губеру, Н.И.Конраду, Н.Т.Федоренко, И.С.Брагинскому, В.А.Масленникову, Г.Д.Санжееву, Г.П.Сердюченко, С.Е.Яхонтову, Л.Лигети, Лью Шусяну, У.Саймону и другим. В числе корреспондентов А.А.Драгуно-

ва - Н.И. Конрад, И.Ю. Крачковский, И.И. Мещанинов, И.С. Брагинский, В.С. Колоколов, В.А. Масленников, Б.Г. Мудров, И.М. Ошанин, Б.К. Пашков, А.А. Реформатский, Г.Д. Санжеев, Г.П. Сердюченко, Н.Т. Федоренко, С.Е. Яхонтов, Ван Цзинжу, Б. Карлгрен, Л. Лигети, У. Саймон, Эми Сяо (Сяо Сань). Переписка, в основном, носит деловой характер.

Труды других лиц образуют 4-ый раздел. Он состоит из 27 работ, основная часть которых, вероятно, была передана А.А. Драгунову для рецензии. Это дипломные работы студентов-китаистов конца сороковых - начала пятидесятых годов, статьи, тезисы к докладам, диссертации востоковедов и отзывы на них.

Небольшую часть личного архива составляют материалы Екатерины Николаевны Драгуновой, жены ученого. Они помещены в конце описи и образуют ее 5-ый раздел. Лингвист по образованию, Е.Н. Драгунова некоторое время работала в Азиатском музее, была соавтором А.А. Драгунова в ряде опубликованных работ, преподавала китайский язык в Институте восточных языков при МГУ. В 1965 г. в Издательстве "Наука" был опубликован учебник китайского языка для высших учебных заведений, составленный Е.Н. Драгуновой в соавторстве с Т.П. Задоемко и Лю Цюаньли.

Самостоятельных работ Е.Н. Драгуновой в личном архиве нет, за исключением черновиков статьи о латинизации китайской письменности для журнала "Советская женщина" и конспекта лекции о структурной лингвистике. В остальном это личные и служебные документы Е.Н. Драгуновой и переписка. В числе документов - аттестат об окончании ею Петроградской женской гимназии Таганцевой, удостоверения, справки, отчеты, издательские договоры.

Переписка датируется 1927-1964 гг. Среди адресатов и корреспондентов Е.Н. Драгуновой - В.М. Алексеев, Б.К. Пашков, А.А. Реформатский, С.Е. Яхонтов, Л.Д. Позднеева, У. Саймон, Ду Суншоу, Лю Цзиньли, Эми Сяо (Сяо Сань).

В заключение обзора необходимо добавить, что личный архив А.А. Драгунова поступил в Архив востоковедов от Шаскольской Марины Петровны 2 июня 1966 г. Состоял он из 40 папок россыпи и трех пакетов карточек. За время хранения и обработки не пополнялся. Опись фонда снабжена краткой биографической справкой и предисловием, в котором кратко изложен принцип формирования разделов.

-
1. "Изв. Отд. гуманитар. наук АН СССР", 1930, № 9, с. 627-647, и № 10, с. 775-797.
  2. "Изв. АН СССР. Отд. общ. наук". Л., 1931, № 3, с. 359-375.
  3. "Изв. АН СССР. Отд. общ. наук". 1932, с. 239-269.

4. М.-Л., Академия наук СССР. 1952.
5. Москва-Хабаровск, 1934.
6. "Записки Ин-та востоковедения АН СССР", т. УП, 1939, с. 284-295.
7. АВ, Фонд 132, оп. I, дела: I, 2, 3.
8. АВ, Фонд 132, оп. I, дело 4.
9. АВ, Фонд 132, оп. I, дела: 6, 7, 8.
10. АВ, Фонд 132, оп. I, дела: II, 12, 13, 14.
11. А.А.Драгунов (при участии С.Е.Яхонтова и Е.Н.Драгуновой) "К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка. (Предложения наличности и обладания)". - Сб. "Некоторые вопросы китайской грамматики". М., 1957, с. 5-22.
12. АВ, Фонд 132, оп. I, дела: 9, 10.
13. АВ, Фонд 132, оп. I, дело 22.
14. АВ, Фонд 132, оп. I, дело 23.

БИБЛИОГРАФИЯ

Г.С.Шрон

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН СССР за 1988 год

1. Акимушкин О.Ф. "Библиотека" Байсонгор-мирзы в Герате (1420-1449): функции, организация, состав, продукция // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.). М., 1988. С. 62-64.

2. Акимушкин О.Ф. Вопросы восточной текстологии // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М., 1988. С. 88-89.

3. Акимушкин О.Ф. "Трактат" Казии Ахмада: Принципы подготовки научного издания текста // Актуальные проблемы изучения и издания письменных источников: Тез. Всесоюз. конф. Кутаиси, 18-20 окт. 1988 г. Тбилиси, 1988. С. 11-13.

См. также № 70.

4. Амусян И.Д. Лекция 20. Общественные и религиозные течения в Палестине в II в. до н.э. - I в. н.э. Кумранская община // История древнего мира. /Кн. 2/: Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 369-382.

5. Baevskii S.I. Badr-al-Dīn Ebrāhīmī // Encyclopaedia Iranica. Vol. 3, fasc. 4. London-New York, 1988, p. 381.

6. Богословский Е.С., Зайцев А.И., Анфертьев А.Н., Левинская И.А. Об этике научного работника: (Письмо в редакцию) // По поводу статей А.Л.Вассоевича и Р.А.Гимадеева в сб. "Древний и средневеков. Восток. Ч. I. М., 1985" // ВДИ, 1988. № 2. С. 254-259.

См. также № 149.

7. Болдырева М.А. Стихи Рендры и яванская традиция // Яванская культура: К характеристике крупнейшего этноса Юго-восточной Азии / (Малайско-индонезийские исслед., III). М., 1988. С. 50-58. - Лит.: с. 57-58.

8. Большаков О.Г. Работы в Ираке // Археологические открытия 1986 г. М., 1987. С. 637-638. (Совм. с др.).

9. Бурман А.Д. Восприятие индийской театральной традиции в странах Юго-Восточной Азии // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.). Т. I.

М., 1988. С. 77-79.

10. Васильев К.В. Ранняя история древнекитайских письменных памятников // Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 81-102, ил. - Лит.: с. 465-472.

11. Васильков Я.В. Древнеиндийский вариант сюжета о "безобразной невесте" и его ритуальные связи // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 83-127. - Библиогр. в примеч.: с. 119-127.

12. Васильков Я.В., Невелева С.Л. Ранняя история эпического сравнения (на материале 13 книги "Махабхараты") // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988. С. 152-175. - Библиогр.: с. 175 (26 назв.).

13. Vasilkov Ja.V. Indologist Georgy Zograph // Soviet Land. 1988. N 3. P. 18-20.

14. Виноградова Т.И. Изображение животных на китайской театальной народной картине // 19-я науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч.2. М., 1988. С. 64-69. - Лит.: с. 69.

15. Вовин А.В. К вопросу об этногенезе японцев // НАА. 1988. № 4. С. 90-99. - Библиогр. в подстр. примеч.

16. Волкова М.П. Описание маньчжурских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Вып. I / Прилож. сост. Т.А.Пан; Отв. ред. Л.Н.Меньшиков. - М.: Наука. ГРВЛ, 1988. - 153, /3/ с.

17. Воробьев М.В. Буддизм в Японии в VI-VII вв. // Востоковедение. 14: Филол. исслед. Л., 1988. С. 184-193. - Библиогр. в примеч.: с. 191-193. (УЗЛУ, № 422. СФН. Вып. 30).

18. Воробьев М.В. "Нихонги" и общественные выступления в Японии (с древности и до конца VII в.) // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 15-25. - Библиогр. в примеч.: с. 24-25.

19. Воробьева-Десятовская М.И., Меньшиков Л.Н. /Сост./: Глоссарий терминов, имеющих отношение к книжному делу и упоминаемых в книге // Рукописная книга в истории народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 488-502.

20. Воробьева-Десятовская М.И. Рукописная книга в культуре Индии // Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 7-80; 3 л. ил. - Библиогр.: с. 74-80.

21. Воробьева-Десятовская М.И. Рукописная книга в культуре Центральной Азии в домусульманский период // Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 313-357; 2 л. ил. - Библиогр.: с. 355-357.

22. Ворожейкина З.Н. Приемы усиления рифмы в малых стихотворных формах персоязычной лирики XI в. // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988. С. 269-285. - Библиогр.: с. 284-285 (26 назв.).

23. Горегляд В.Н. Взаимовлияние разных религиозных систем в средневековой и современной Японии // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.) Т. 2. М., 1988. С. 81-82.

24. Горегляд В.Н. Рукописная книга в культуре Японии // Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 223-270; 3 л. ил. - Лит.: с. 473-474.

25. Горегляд В.Н., Торчинов Е.А. /Рецензия/ // НАА. 1988. № 5. С. 201-203. - Рец. на кн.: Игнатович А.Н. Буддизм в Японии: Очерк ранней истории. М.: Наука. ГРВЛ, 1987. 317 с. - Библиогр.: с. 283-295.

26. Акопян А.М., Виноградов Ю.А., Грязневич П.А., Седов А.В. Историко-археологическая поездка в провинцию Шабва // Итоги работ СОИКЭ в 1988 г.: Сб. ст. Сейун, 1988. С. 39-42. - На араб. яз.

27. Грязневич П.А., Пиотровский М.Б. Историко-географическое обследование вадии Дауан // Итоги работы СОИКЭ в 1988 г. Т. 2. Сейун, 1988. С. 91-112. - На араб. яз.

28. Грязневич П.А. История и культура Хадрамаута: Проблемы изучения в свете находок Советско-Йеменской экспедиции в 1983-1987 гг. // Труды Междунар. науч. конф. "Охрана г.Шибам и памятников древности вадии Хадрамаут". Аден, 1986. 14 с. - На араб.яз.

29. Грязневич П.А. История и культура Хадрамаута: проблемы изучения и новейшие открытия // Новое о древнем Востоке. М., 1988. С. 218-248. - На араб.яз.

30. Грязневич П.А. Комплексные полевые исследования совместной Советско-Йеменской экспедиции в сезоне 1988 г. // Итоги работы СОИКЭ в 1988 г. Т. 1. С. 7-55. - На араб.яз.

31. Грязневич П.А. /Отв.ред. и предисл./: Итоги работы СОИКЭ в 1988 г. В 2-х т. Сейун, 1988. Т. 1, 2. Предисл.: с. 3-6. (Совм. с А.А.Ба Тайа⁶). - На араб.яз.

32. Grjaznevich P.A. History and culture of Hadramaut: Problems of study in the light of discoveries of a Soviet-Yemeni expedition in the years 1983-1987 // Papers of "An-Nadwah al-'ilmiyya li siyanat madinat Shibam wa wadi Hadramaut". Aden, 27-29 Febr. 1988. Aden, 1988. 10 p.

33. Grjaznevich P.A. The monuments of Old San'a: (Their History and problems of conservations) // Ancient and medieval monuments of civilization of Southern Arabia. М., 1988. P. 8-27. - Bibliogr. in notes.: P. 24-27.

34. Гуревич И.С. Буддизм и язык: буддийская литература - источник изучения китайского разговорного языка // Актуальные вопросы китайского языкознания: Матер. IV Всесоюз. конф. (Москва, июнь 1988 г.) М., 1988. С. 3-6.

35. Гуревич И.С. "Записи бесед Линьцзи" // 19-я науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1988. С. 173-178. - Лит.: с. 177-178.

36. Дандамаев М.А. Древняя Месопотамия: /Разд. П. гл. 8, 13, 14/. - Иран /в древности/: /Разд. 3, гл. 22-25/. - Заключение к разд. III // История древнего Востока. 2-е изд. переработ. и доп.: /Учеб. для вузов/. М., 1988. С. 92-107, 152-176, 246-282, 302-304.

37. Дандамаев М.А. Откуп воинской повинности в ахеменидской Вавилонии // Кавказско-ближневост. сб. УШ. Тбилиси, 1988. С. 50-54.

38. Дандамаев. М.А. Религиозные культы в Ахеменидской державе // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.). Т. I. М., 1988. С. 17-18.

39. Dandamaev M.A. Ancient civilisations of the East /Part II, Chapt. 1-4, 7/ // Aciient civilisations of East and West. М., 1988. P. 40-88, 113-136.

40. Dandamaev M.A. Babylonia // Encyclopaedia Iranica. IV/3 London, 1988. P. 326-334.

41. Dandamaev M.A. Culture and social Institutions of Ancient Iran.-Cambridge - New York - New Rochelle - Melbourne - Sydney: Cambr. Univ. Pr., 1988.-460 p.

42. Dandamaev M.A. Royal Economy in the Achaemenid Empire // Stato, Economica, Lavoro nel Vicino oriente antico. Milano, 1988. P. 145-155.

43. Dandamayev M.A. Wages and prices in Babylonia in the 6th and 5th centuries // AOF. Bd. 15. 1988. Nt. I. S. 53-58. - Bibliogr. in notes.

44. Dandamaev M.A., Livshits V.A. Zattumēšu, a magus in Babylonia // A Green Leaf: Papers in Honour of Professor Jes P.Asmussen. Leiden, 1988. P. 457-459. (Acta Iranica. Hommages et Opera minora, vol. XII).

45. Дьяконов И.М. Веков связующая нить // Коммунист /газ./ Ереван. 1988. 7 февр. (№ 31).
- 45а. Дьяконов И.М. Жертвоприношения в Тейшебайни (УЖН 448) // Кавказско-ближневосточный сб. УШ. Тбилиси, 1988. С. 55-68.
46. Дьяконов И.М. История эмоций? // Знание-сила. 1988 № 5. С. 36-42.
47. Дьяконов И.М. О некоторых направлениях в урартском языкознании и новых урартских текстах // Древний Восток. 5. Ереван, 1988. С. 133-180.
48. Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4. С. 4-19. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. фр.
49. /Дьяконов И.М./ Пути и судьбы: (И.М.Дьяконов отвечает на вопросы корр. журн. "Знание-сила" Г.Бельской) // Знание-сила. 1988. № 9. С. 24-30.
50. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи: /Сб. в честь 80-летия акад. Б.Б.Пиотровского/. М., 1988. С. 164-207. - Лит.: с. 206-207.
51. Diakonoff I.M. Afrasian languages. - М.: Nauka, 1988. - 142 p. (Languages of Asia and Africa (USSR Acad. of sciences, Inst. of oriental stud.) - Bibliogr.: p. 135-142.
52. Diakonoff I.M. Three ways of development of the Ancient Oriental Society // Stato Economica Lavoro... Milano, 1988. P.I-8.
53. Diakonoff I.M. /Рецензия/ // Annual of Armenian Linguistics, 1988, vol. 9. P. 79-87. - Рец. на кн.: Renfrew C. Archaeology and language: The Puzzle of Indo-European Origins. - Cambridge Univ. Pr., 1987.
54. Елисеев Д.Д. К вопросу о роли рукописной книги в культуре Кореи // Рукописная книга в культуре народов Востока: (очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 271-312; 1 л. илл. - Лит.: с. 475-476.
55. /Елисеева Н.В. / Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР: XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. /Хроникальные заметки/ // НАА. 1988. № 1. С. 142-146.
56. /Елисеева Н.В./ Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР: /Хроника научной жизни/ // НАА. 1988. № 2. С. 127-130.
57. /Елисеева Н.В./ /О научной сессии в ЛО ИВ АН, посвященной теме "Историческое развитие народов Востока и проблемы их культурного взаимодействия"/ // НАА. 1988. № 3. С. 148-149.

58. /Елисеева Н.В./ /Хроникальные заметки о XII годичной научной сессии ленинградских арабистов и о заседании Ленингр. отделения Российского Палестинского общества/ // НАА. 1988. № 4. С. 147, 148.

59. /Елисеева Н.В./ /Хроникальные заметки о заседании Сектора Древнего Востока ЛО ИВ АН, посвящ. памяти акад. В.В.Струве и о заседании Семинара ленингр. афганистов/ // НАА. 1988. № 5. С. 170.

Ермаков Д.Е. см. № 70.

60. Ермаков М.Е. Фрагменты монастырских хроник первой половины VI в. // 19-я науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1988. С. 164-167. - Лит.: с. 167.

61. Ендон Д. Индийская литература в средневековой Монголии // Книга Монголии. М., 1986. С. 207-212. - (Альманах библиофила. Вып. 24).

62. Жуков К.А. Восстание Берклюдже Мустафы и Тюрлака Ху Кемалая в Турции в начале XV в. // Общественные движения и их идеология в дубуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 118-128. - Библиогр. в примеч.: с. 126-128.

63. Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. / АН СССР, Ин-т востоковед. - М.: Наука, 1988. - 191, /1/ с. - Библиогр.: с. 165-184 (476 назв.).

64. Zapadova E.A. The woman of Burma // Lotus: (Afro-Asiatic writings). Manar (Tunis), 1988. N 60. P. 13-16.

65. Зограф Г.А., Зограф И.Т. Современный армянский и новоиндийский: (некоторые структурно-типологические соответствия) // П Международ. симпозиум по армянскому языкознанию (Ереван, 21-23 сент. 1987 г.). Ереван, 1987. С. 87-88.

66. Зограф Г.А. /Пер. с хинди/: Коварный шакал. - Жил-был воробей. - Заморыш. - /И др. сказки/ // Сказки народов мира. 2-е изд. М., 1987. С. 32-35, 37-40, 43-45.

67. Зограф Г.А. /Пер. с хинди и урду/: Пословицы Северной Индии // Восточный альманах. Вып. 15. М., 1987. С. 600-619. (Совм. с А.С.Бархударовым).

68. Зограф И.Т. Выражение повелительности в средне-китайском языке // Императив в разноструктурных языках: Тез. докл. конф. "Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность". Л., 1988. С. 58-59.

69. Зограф И.Т. Вэньян и древнекитайский язык // Актуальные вопросы китайского языкознания: Матер. IV Всесоюз. конф.: Тез. конф. (Москва, июнь 1988 г.) М., 1988. С. 6-9.

См. также № 65.

70. Ислам: Словарь атеиста /Под общ.ред. М.Б.Пиотровского и С.М.Прозорова. - М.: Политиздат, 1988. - 254 с.

Авт.: О.Ф.Акимускин, Д.В.Ермаков, А.Д.Кныш, В.В.Кушев, М.Б.Пиотровский, С.М.Прозоров, Е.А.Резван и др.

71. Ислам: Кыскаша аныктамалык. - Алматы: Казакстан, 1988. - 192 с.

Пер. на казах.яз. книги Ислам: Крат. справочник. 2-е изд., доп. - М.: Наука, 1986. Авт. статей: В.В.Кушев, М.Б.Пиотровский, С.М.Прозоров, Т.И.Султанов и др.

72. Кабанов А.М. Культ божества Винайки в китайском буддизме // 19-я науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч. I. М., 1988. С. 168-173. - Лит.: с. 172-173.

73. Кабанов А.М. /Пер. с яп., вступ. и коммент./: "Намбороку" - трактат по искусству чайной церемонии // НАА. 1988. № 2. С. 85-93. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рез. англ.: с. 220.

74. Кабанов А.М. Чаньский ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае: Сб.ст. М., 1988. С. 236-255. - Библиогр.: с. 254-255 (16 назв.).

75. Кабанов А.М., Чижикова К.Л. / Сост./: Указатели: имен, названий сочинений, географических названий // Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 503-543.

76. Кёпинг К.Б. Китайские тексты в тангутском переводе // Актуальные вопросы китайского языкознания: Матер. IV Всесоюз. конф. (Москва, июнь 1988 г.) М., 1988. С. 9-12.

77. Кёпинг К.Б. Реконструкция тангутской системы родства // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.) Т. I. М., 1988. С. 91-92.

78. Кёпинг К.Б. Тангутский термин родства // Languages and History in Eastern Asia. Kyoto-Shokado, 1988. P. 134-167.

79. Кляшторный С.Г. Биографы о Чокане Валиханове // Чокан Валиханов и современность: Сб. матер. Всесоюз. науч.конф., посвящ. 150-летию ... Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1988. С. 292-294.

80. Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в. / АН КазССР. Ин-т уйгуроведения. - Алма-Ата: Наука, 1988. - 224 с., 8 л. ил. - Библиогр. в подстр. примеч. - Указ.: с. 219-222.

81. Кляшторный С.Г. Лекция 14. Гуннская держава на востоке // История древнего мира. / Кн. 3/: Упадок древних обществ. М., 1989. С. 243-254.

82. Кляшторный С.Г. Древнетюркская культура в свете древнейших тюркских текстов // Информ. бюл. МАИЦА. Вып. 13. М., 1988. С. 102-107.

83. Кляшторный С.Г. Древнетюркская цивилизация в свете древнейших тюркских текстов // Ш Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.) М., 1988. С. 166-167.

84. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Древнетюркские этнополитические объединения и их значение в этногенезе народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Всесоюз. конф. (20-23 ноября 1988 г.) М., 1988. С. 66-70.

85. Кляшторный С.Г. К проблеме определения жанра древнетюркских рунических памятников // "Туркология 88": Тез. докл. и сообщ. У Всесоюз. турколог. конф. Фрунзе, 1988. С. 33-34.

86. Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрый В.П. Основные этапы этногенеза киргизского народа // Туркология-88: Тез. и сообщ. У Всесоюз. туркологич. конф. Фрунзе, 1988. С. 42-45.

87. Kljaštornij S.G. Die Kiptschaken auf den runischen Denkmäler // Central Asiatic Journ. Hague-Wiesbaden, 1988. Vol. 32, N 1-2. S. 73-90.

88. Кныш А.Д. Некоторые наблюдения по поводу религиозной жизни в вадии Дауан // Итоги работы СОИКЭ в 1988 г. Т. 2. Сейун, 1988. С. 192-195. - На араб.яз.

89. Кныш А.Д. Святые места и паломничества в вадии Дауан // Итоги работы СОИКЭ в 1988 г. Т. 2. Сейун, 1988. С. 137-147. - На араб.яз.

См. также № 70.

90. Козырева Н.В. Древняя Ларса: Очерки хозяйств. жизни / Старовавилонская культура. Вып. I. - М.: Наука, 1988. - 206 с. - Рез. англ. - Библиогр. в примеч.: с. 156-165.

Колесников А.А. см. № 80.

91. Колесников А.И., Федоров В.С. А.П.Берге и его фонд в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР // НАА. 1988. № 6. С. 151-154.

92. Колесников А.И. Зороастрийцы и христиане в государстве Сасанидов // Ш Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.) Т. 1. М., 1988. С. 23-25.

93. Колесников А.И. Идеология маздакизма и народные движения УШ-IX вв. в Иране // Общественные движения и их идеология в

добуржуазных обществах Азии. М., 1988 С. 92-102. - Библиогр. в примеч.: с. 100-102.

94. Розенфельд А.З., Колесников А.И. О новой публикации эпиграфических памятников Памира: /Заметка о статье Н.Касьмова "Эпиграфические памятники Памира" // Памироведение: Сб. ст. Душанбе, 1984. Вып. I. С. 10-28/ // ЭВ. XXIV. Л, 1988. С. 122-123.

95. Кононов А.Н. / Пер. с англ., примеч., послеслов., библиогр. /; Прицак О.И. Турко-славянское двуязычное граффити XI столетия из собора св.Софии в Киеве // ВЯ. 1988. № 2. С. 49-61. - Лит.: с. 60.

96. Kononov A.N., Dreyer O.K., Tyomkin E.N., Tselniker S.S. A quarter of a century of a series of publication of written classics of the East // Oriental studies in the USSR. Annual. 1987. M., 1988. P. 240-262. - Bibliogr. in notes: P. 259-262.

97. Кравцова М.Е. Обряд "преподнесения кубков" (ши дьянь) и официальная идеология Шести династий // 19-я науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1988. С. 147-152. - Лит.: с. 151-152.

98. Крапивина Р.Н. /Пер. с тибет., вступл. и коммент./: История школы тибетского буддизма Сакья в "Думбта-шэлчжи-мэлон"// НАА. 1988. № I. С. 117-128. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.: с. 221.

99. Кроль Ю.Л. Вопрос о том, была ли ранняя китайская империя деспотией и "соглашение" Гао-цзю // 19-я науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1988. С. 133-137.

100. Кроль Ю.Л. /Рецензия/ // НАА. 1988. № 3. С. 191-195. - Рец. на кн.: Вельгус В.А. Средневековый Китай: Исслед. и материалы по истории, внешним связям, литературе.-М.: Наука. ГРВЛ, 1987. - 203 с.

101. Кульганек И.В. Издания монгольских песен // Книга Монголии. М., 1988. С. 172-179. - (Альманах библиофила. Вып. 24).

102. Кульганек И.В. Поэтика монгольских народных песен: (по матер. из рукоп. фонда ЛО ИВ АН СССР). Автореф. дисс. ... канд. филол.наук. / ЛГУ. - Л., 1988. - 16 с.

103. Кушев В.В. Афганские поэтические произведения и их рукописи как исторический источник // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М., 1988. С. 70-75.

104. /Кушев В.В./ /Заметка об учредительном заседании Семинара ленинградских афганистов/ // НАА. 1988. № 4. С. 147-148.

105. Кушев В.В. Переводы с персидского и дари в афганской (пашто) литературе ХУП-ХУШ веков // III Всесоюз. конф. востокове-

дов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.). Т. 2. М., 1988. С. 122-123.

106. Кушев В.В. /Рецензия/ // НАА. 1988. № 4. С. 196-200. - Рец. на кн.: Гринберг А.Л. Очерк грамматики афганского языка (пашто). М.: Наука. ГРВЛ, 1987. 240 с. - Библиогр.: с. 228-236.

См. также № 70, 71.

107. Кычанов Е.И. Два этюда из истории Центральной Азии // 19-я науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч.2. М., 1988. С. 53-57. - Лит.: с. 57.

108. Кычанов Е.И. /Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч./: Измененный и заново утвержденный Кодекс девиза царствования Небесное процветание (II49-II69). В 4 кн. / Отв.ред. В.А. Якобсон. - М.: Наука. ГРВЛ, 1987-1989. (ПШВ. Т. 81, 1-4).

Кн. 1: Исследование. 1988. 463 с. - Рез. англ.

Кн. 2: Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1-7). 1987. 701 с.: ил. - Библиогр. в примеч.: с. 236-242.

Кн. 3: Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8-12). 1989. 620 с.

Кн. 4: Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 13-20). 1989. 676 с.

109. Кычанов Е.И. Ли и право // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 299-308. - Библиогр.: с. 308(21 назв.).

110. Кычанов Е.И. О единстве дальневосточного культурного региона // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.). М., 1988. С. 93-94.

111. Кычанов Е.И. Тангутская рукописная книга (вторая половина XII - первая четверть XIII в.) // Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 373-422. - Лит.: с. 476-477; 3 л. ил. - Прилож.: с. 484-487.

112. Стависский В.Я., Вертоградова В.В., Лившиц В.А., Луконин В.Г. 25 лет регулярных исследований буддийского культурного центра на Каратене в Старом Термезе // СА. 1988. № 3. С. 289-299.

113. Лившиц В.А. Иранские письменности арамейского происхождения: время сложения // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.) Т. 1. М., 1988. С. 29-31.

114. Лившиц В.А., Хуршудян Э.Ш. Титул *mrtrty* на парфянской гемме и армянское *marpet* // ИФЖ. 1988. № 4. С. 61-81. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. арм.

И15. Лившиц В.А. /Отв.ред./: Бертельс Е.Э. История литературы и культуры Ирана: Избр.труды. - М.: Наука. ГРВЛ, 1988. - 556, /2/ с.

См. также № 44.

И16. Лундин А.Г. Новая катабанская посвяtitельная надпись Дое 2 // ЭВ. XXIV. Л, 1988. С. 3-9. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рез.фр.

И17. Лундин А.Г. Южноаравийская бронзовая скульптура: местные традиции и эллинистическое влияние // III Всесоюз. симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тез. докл. Бреван, 1988. С. 44-46.

И18. Лундин А.Г. Йемен в VI в. н.э. // ал-Аклид. 1988. № 3-4. С. 10-35. - На араб.яз.

И19. Lundin A.G. Aksum in the second and third centuries A.D.: (Based on Sabaeen inscriptions) // Proceedings of the 9th Intern. Congress of Ethiopian studies. Vol. 6. Moscow, 1988. P. 128-134.

И20. Lundin A.G. Sabaeen city San'a in the 1st to VIth centuries A.D. // Ancient and medieval monuments of civilization of Southern Arabia. М., 1988. С. 39-48. - Библиогр. in notes: p.46-48.

И21. Lundin A.G. /Рецензия/ // Oriental studies in the USSR. Annual. 1987. М., 1988. P. 354-360. - Рец. на кн.: Belova A.G., Diakonoff I.M., Militarev A. Yu., Porkhomovsky V.Ya., Stolbova O.V., Chetverukhin A.S. A comparative historical vocabulary of Afro-Asiatic languages. Ed. by I.M.Diakonoff. Fasc. I. М., 1981. 127 p. (PPIPIKNU, XV, pt 4); Fasc. 2. М., 1982. 93 p. (PPIPIKNU, XVI, pt. 3).

И22. Маранджян К.Г. О характере восприятия китайской схемы "Срединное государство - варвары" в Японии (XVII-XVIII вв.) // 19-я науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч.2. М., 1988. С. 108-112.

И23. Мартынов А.С. Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 274-298. - Библиогр.: с. 297-298 (34 назв.).

И24. Мартынов А.С. Официальная идеология и народные движения в средневековом Китае // Общественные движения и их идеология в дробуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 52-63. - Библиогр. в примеч.: с. 63.

И25. Мартынов А.С. /Рецензия/ // НАА. 1988. № I. С. 193-197. - Рец. на кн.: Малявин В.В. Чуан-цзы. - М.: Наука. ГРВЛ, 1985. - 309 с. (Писатели и ученые Востока).

126. Tikhvinsky S.L., Martynov A.S., Smirnov I.S. /Рецензия/
// Oriental studies in the USSR. Annual. 1987. М., 1988. P. 263-
285. - Рец. на кн.: Alexeyev V.M. Science of the East: Articles
and documents. - М.: Nauka, 1982. - 535 p.

127. Маслов А.А. Континуум культуры и медитативная практика
в тайных обществах // 19-я науч. конф. "Общество и государство в
Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1988. С. 86-89. - Лит.: с. 89.

128. Медведева Л.Я. О коллекции караимских и крымчакских ру-
кописей в ЛО Института востоковедения АН СССР // Ст. 1988. № 6.
С. 89-102. - Лит.: с. 102.

129. Medvedskaya I.N. Who destroyed Hasanlu IV? // Iran.
London, 1988. Vol. 26. P. I-15.

130. Меньшиков Л.Н. Рукописная книга в Китае I тыс. н.э. //
Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2.
М., 1988. С. 103-222; 3 л. ил. - Лит.: с. 465-472. - Прилож.:
с. 480-484.

131. /Меньшиков Л.Н./Пер. с кит./: Ду Фу. Плач об император-
ском внуке // Бежин Л.Е. Ду Фу. М., 1987.

132. Меньшиков Л.Н. /Пер. стихотв. и ред. стихотв. частей/
// Удивительные истории нашего времени и древности: Пер. с кит.
М., 1988. С. 274-275, 413-414, 436. (Б-ка кит.лит.)

133. Меньшиков Л.Н. Буддийские притчи в китайской литературе
// Иностранные ученые о китайской литературе. Тайбэй, 1988.
С. 113-158. - На кит.яз.

134. Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из
Хара-Хото. Ч. I. Введение // Дуньхуанские исследования. Лань-
чжоу, 1988. № 4(17). - На кит. яз.

135. Меньшиков Л.Н./Предисловие к кн./: Описание китайских
рукописей из Дуньхуана. Вып. I // Бюллетень Китайского дуньху-
анско-турфанского общества. 1984. № 3(3). С. 2-26. - На кит.яз.

То же // Журнал Северо-Западного пед. ин-та. 1984. № 10.
С. 90-95. - На кит.яз.

136. Меньшиков Л.Н. Произведение древнекитайской литературы
"Бяньвэнь по лотосовой сутре" // Бюллетень Китайского дуньхуан-
ско-турфанского общества. 1988. № 1(14). С. 28-36. - На кит.яз.

137. Меньшиков Л.Н. Экономические документы из "Описания
Дуньхуанского фонда", вып. I // Бюллетень Китайского дуньхуан-
ско-турфанского общества. 1984. № 3(3). С. 26-32. - На кит.яз.

138. Menschikov L.N. /Sinologische Redaktion/: Chinesische
Neujahrsbilder. Text und Auswahl M. Rudowa. Aus dem Russischen
übertragen von S. Wunderlich. - Leningrad:Aurora-Kunstverl.,
1988. - 17 S., 178 farb. il.

См. также № 16, 19.

139. Михайлова Ю.Д. Дайдзесай – церемония Великой пробы нового урожая: (к вопросу о характере императорской власти в Японии) // НАА. 1989. № 1. С. 76–86. – Библиогр. в подстр.примеч. – Рез. англ.: с. 203.

140. Михайлова Ю.Д. Мотоори Норинага: Жизнь и творчество: (Из истории обществ. мысли в Японии XVIII в.) / АН СССР, Ин-т востоковед. Ленингр. отд-ние. – М.: Наука. ГРВИ, 1988. – 186 с.: ил. – Библиогр.: с. 178–184.

141. Михайлова Ю.Д. Некоторые вопросы восприятия Японией иноязычной культуры в новое время (XVI–XIX вв.) // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16–18 мая 1988 г.) Т. 2. М., 1988. С. 131–132.

142. Михайлова Ю.Д. Школа национальных наук в Японии в первой половине XIX в. // Общественные движения и их идеология в дробуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 176–182. – Библиогр. в примеч.: с. 182.

143. Невелёва С.Л. О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 128–160. – Библиогр. в примеч.: с. 157–160.

См. также № 12.

144. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию: /Авт. предисл. А.Л.Грюнберг, И.М.Стеблин-Каменский/ /АН СССР, Ин-т востоковед. – 2-е изд., доп. – М.: Наука. ГРВИ, 1988. – 388 /1/ с., /5/ л. ил. – Библиогр.: с. 347–375.

Список опубл. работ И.М.Оранского, лит. о нем /Сост. И.М. Стеблин-Каменский/ с. 376–383.

145. Островская Е.П. Буддийский философский трактат как объект межкультурного взаимодействия // III Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16–18 мая 1988 г.) М., 1988. С. 109–111.

146. Островская Е.П. О месте и роли рационального познания в системе поздней синкретической ньяя-вайшешики // Рационалистическая традиция и современность: Индия. М., 1988. С. 103–119.

147. Pan T.A. Mandschurische Sprachführer aus der Sammlung der Leningrader Abteilung des Orientalischen Instituts der Academie der Wissenschaften // Central Asiatic Journal. Hague-Wiesbaden, 1988. Vol. 32. N 1–2. P. 91–97.

См. также № 16.

148. Парибок А.В. /Пер. с пали, предисл., исслед. и коммент./: Вопросы Милинды: (Милиндапаньха) /Отв.ред. В.Г.Эрман/ - М.: Наука. ГРВЛ, 1989. - 487 с. (ППВ, 88; Bibliotheca Buddica, 36). - Библиогр.: с. 478-480. - Рез. англ.

149. Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож /АН СССР. Ин-т востоковед. /Подгот. к изд. Е.С.Богословского/ - М.: Наука. ГРВЛ, 1988. - 300 с. - Библиогр. в подстр.примеч.

150. Петросян Ю.А. Андрей Николаевич Кононов (1906-1986) // Археогр. ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 328-330.

151. Петросян Ю.А. Изучение восточных письменных памятников в Советском Союзе // Ариана /журн./ Кабул, 1987. Т. 45, № I(358). С. 44-59. - Библиогр. в примеч.: в конце статьи (27 назв.) - На яз. дари.

152. Пиотровский М.Б. Сказания в Коране и Библии: преемственность и различие // III Всесоюз. конф. востоковедов. "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.) М., 1988. С. III-III3.

153. Пиотровский М.Б. Древние надписи из Мехра // Итоги работы СОИКС в 1988 г. Т. 2. Сейун, 1988. С. 130-136. - На араб. яз.

154. Пиотровский М.Б. На дорогах древних караванов // ал-Мадар. М., 1988. № 5. С. 52-53. - На араб.яз.

155. Piotrovsky M.B. The fate of castle Ghumdan // Ancient and medieval monuments of civilization of Southern Arabia. М., 1988. P. 28-38. - Bibliogr. in notes: p. 37-38.

См. также № 27, 70, 71.

156. Попова И.Ф. Автор УП в. Вэнь Дая о роли Ли Юаня (императора Гао-цзу) в основании династии Тан // 19-я науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1988. С. 152-156. - Лит.: с. 155-156.

157. Попова И.Ф. Сочинение "Правила для императоров" ("Дифань") как источник по истории политической мысли Китая начала УП века: Автореф. дисс. ... канд.ист. наук /ЛО ИВ АН СССР. - Л., 1988. - 16 с.

158. Попова И.Ф. Танский император Тай-цзун (627-649) о методах воздействия правителя Китая на народ // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1988. Вып. 2. С. 18-24.

159. Посова Т.К. Космогония раннего индуизма: (по материалам Вишну-пураны) // НАА. 1988. № 4. С. 106-112. - Библиогр. в подстр.примеч.

160. Пострелова Т.А. Вклад Сюй Бэйхуна в дело борьбы за мир

// Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XI. Л., 1988. С. 139-145.

161. Прозоров С.М. Исследования по терминологии Корана: сӯра, ʿабд (ʿабид, ʿибād), умма - с. 16:120/121 // Проблемы арабской культуры: Памяти акад. И.Ю.Крачковского. М., 1987. С. 213-218. - Лит.: с. 218 (5 назв.).

162. Прозоров С.М. /Изд. текста, предисл., крат. излож. содерж. и указ./: ал-Фахри, Али ибн Мухаммад ибн Абдаллах. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан: (Крат. разъяснение к перечню последователей разных вер): Факс. рукописи. - М.: Наука, 1988. - 51, 119/1/ с. староараб. паг. (ППВ, 84).

163. Прозоров С.М. К истории мусульманской догматики: мурджииты // Ислам в истории народов Востока. Бейрут, 1987. С. 15-22. - На араб.яз.

См. также № 70, 71.

164. Резван Е.А. Исследования по терминологии Корана: сура; ʿабд (ʿабад, ʿабид) /Адлах/; умма - 16:121/120 // Проблемы арабской культуры: Памяти акад. И.Ю.Крачковского. М., 1987. С. 219-231. - Лит.: с. 230-231 (42 назв.).

См. также № 70.

165. Русинова Э.С. /Рецензия/ // Лит. Армения. 1988. № 8. С. 110-112. - Рец. на кн.: Юзбашян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбали. 1887-1961. 2-е изд. доп. - М.: Наука, 1987. - 165 с., 1 л. портр.

166. Рыбаков В.М. Виды правовых прикреплений к социальной функции в период Тан // 19-я науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч. I. М., 1988. С. 156-164. - Лит.: с. 164.

167. Сазыкин А.Г. Антишаманская проповедь трех буддийских святых // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XI. Л., 1988. С. 154-172.

168. Сазыкин А.Г. Из истории тибето-монгольской дидактики // НАА. 1988. № 5. С. 98-104. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рез. англ.: с. 219-220.

169. Сазыкин А.Г. Иллюстрированные рукописи и ксилографы "Ста тысяч стихов" // Книга Монголии. М., 1988. С. 229-232. - (Альманах библиофила. Вып. 24).

170. Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. - 511 с. - Указ.: с. 418-507.

171. Сазыкин А.Г. Рукописная книга в истории культуры монгольских народов // Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 423-464; 1 л. ил.

172. Салахетдинова М.А. /Пер. с араб./: Ал-Утби. Тарих-и Йамини. - Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-наме-и шахи // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. Ташкент, 1988. С. 24-57; 218-239. - Библиогр. в примеч.: с. 53-57; 237-239.

173. Свиридов Г.Г. Беседа с проф. Като Кюдзо и проф. Умесао Тадао на тему "Японо-русские культурные связи, начиная с XVIII в." // Диалоги с зарубежными японоведами. Токио, 1987. С. 81-102. - На яп.яз.

174. Берадзе Г.Г., Смирнова Л.П. Материалы по истории ирано-грузинских отношений в начале XVII века: (Сведения "Ихйа ал-мулк" о Грузии) / АН СССР. Ин-т востоковед. им.акад. Г.В.Церетели. - Тбилиси: Мецниереба, 1988. - 133 с. - Библиогр.: с. 109-131. - Рез. англ.

175. Smirnova L.P. Azhar b. Yahya b. Zohayr b. Farqad // Encyclopaedia Iranica. III/3. London-New-York, 1988. P. 258.

176. Beradze G.G., Smirnova L.P. The date of composition of *Inhyā' al-Mulūk* // Iran-nameh, Bethesda, 1988. Vol. 6, N 3. P. 417-434. - На перс.яз.

177. Старкова К.Б. Арабский язык и литература в оценке еврейских средневековых писателей // Проблемы арабской культуры: Памяти акад. И.Ю.Крачковского. М., 1987. С. 324-331. - Лит.: с.330-331 (9 назв.).

178. Grünberg A.L., Steblin-Kamensky I.M. La langue wakhi. In 2 vols. - Paris: MSH, 1988 (Textes de recherche).

Vol. 1: Corpus de littérature orale. 290 p. with il., 1 l. il.

Vol. 2: Essai grammatical et dictionnaire. 376 p., 6 l. il.

См. также № 144.

179. Сторчевая Т.Г. "Шесть искусств" у Бань Гу // 19-я науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1988. С. 138-141. - Лит.: с. 141.

180. Султанов Т.И. Взгляды позднесредневековых мусульманских авторов на историческую науку // НАА. 1988. № I. С. 50-57. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.: с. 220.

181. Султанов Т.И. Памятники исторической литературы Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XIX вв.: Проблемы генезиса и функционирования. Автореф. дисс. ... д-ра ист.наук / ЛО ИВ АН СССР. - Л., 1988. - 32 с. См. также № 71.

Темкин Э.Н. см. № 96.

182. Торчинов Е.А. Даосизм и императорская власть в тради-

ционном Китае // Общественные движения и их идеология в добу-
жуазных обществах Азии. М., 1988. С. 44-51. - Библиогр. в примеч.:
с. 50-51.

183. Торчинов Е.А. Даосско-буддийское взаимодействие: (тео-
ретико-методологические проблемы исследования) // НАА. 1988.
№ 2. С. 45-54. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.:
с. 219.

184. Торчинов Е.А. Рецепция буддизма в Китае как пример
межкультурного взаимодействия // III Всесоюз. конф. востоковедов
"Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Восто-
ке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.) Т. I. М.,
1988. С. 131-133.

185. Торчинов Е.А. Теоретико-методологический аспект изуче-
ния даосско-буддийского взаимодействия // 19-я науч. конф. "Об-
щество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1988.
С. 124-127.

186. Торчинов Е.А. Этика и ритуал в религиозном даосизме:
("Главы о прозрении истины" Чжан Бодуаня) // Этика и ритуал в
традиционном Китае: Сб.ст. М., 1988. С. 202-235. - Библиогр.:
с. 233-235 (43 назв.).

См. также № 25.

187. Тохтасьев С.Р., Левинская И.А. Древнееврейские имена
на Боспоре // Международный симпозиум "Античная Балканистика 6":
Тез. докл. М., 1988. С. 28-29.

188. Тохтасьев С.Р. О дорийском компоненте в составе насе-
ления Горгиппии первой половины III в. до н.э. // Проблемы иссле-
дования античного и средневекового Херсонеса: Тез. докл. Сева-
стополь, 1988. С. 113-116.

189. Тохтасьев С.Р. *Thracisca 2: ἀρχαὶ καὶ ἄλλα* и другие // Меж-
дународный симпозиум "Античная Балканистика 6": Тез. докл. М.,
1988. С. 53-55.

190. Тохтасьев С.Р. /Рецензия/ // ВДИ. 1988. № 3. С. 167-
178. - Рец. на кн.: Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. -
Киев: Наукова думка, 1984. - 143 с., 45 табл. - Библиогр. в
подстр. примеч.

191. Троцевич А.Ф. К проблеме адаптации индийских сюжетов
корейской средневековой прозой // III Всесоюз. конф. востоковедов
"Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Восто-
ке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-18 мая 1988 г.). М., 1988.
С. 133-134.

192. Тугушева Л.Ю. Глаголы *tägin-*, *yarlıga-*, *ötün-* в ран-

несредневековом уйгурском литературном языке // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1988. С. 36-46.

193. Тугушева Л.Ю. Деловые документы уйгуров XIII-XIV вв. в рукописном собрании ЛО ИВ АН СССР // НАА. 1988. № 2. С. 78-84. - Библиогр. в подстр. примеч.

194. Тугушева Л.Ю. "Диван лугат ит-тюрк" Махмуда Кашгари и его связи с раннесредневековой тюркоязычной литературой // СТ. 1988. № 1. С. 86-94.

195. Тугушева Л.Ю. Раннесредневековая уйгурская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока: (Очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 358-372. 2 л. ил. - Библиогр.: с. 372.

196. Туманович Н.Н., Петрова И.К. /Пер. с перс., вступ.ст./: Девять встреч: Перс. анонимные повести. - М.: Наука, 1988. - 267, /1/ с.: ил. Вступ. ст. /Н.Н.Туманович/: с. 5-20.

197. Успенский В.Л. Буддийский канон // Книга Монголии. М., 1988. С. 191-200. - (Альманах библиофила. Вып. 24).

198. Успенский В.Л. Буддийский канон в Монголии // Ш Всесоюз. конф. востоковедов "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке": Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 16-19 мая 1988 г.). М., 1988. С. 135-136.

199. Успенский В.Л. О переводе "Сокровенного сказания" Цэндэ-гуна // Материалы Междунар. симпозиума по изучению "Юаньчжоу биши". Хух-хото, 1988. С. 55-56. - На монг.яз.

200. Uspenski V.L. The translation of "The secret History of the Mongols" by Duke Chengdu // International symposium on the "Secret History of the Mongols" sponsored by Inner Mongolia teachers University: Literature group. Huh-Hot, 1988. P. 55-56. - На монг.яз.

Федоров В.С. см. № 91.

201. Фихман И.Ф. К 200-летию документальной папирологии // ВДИ. 1988. № 4. С. 202-208. - Библиогр. в подстр. примеч.

202. Fichman I.F. G.F.Zereteli und die Berliner Papyrussammlung // Archiv für Papyrusforschung. XXXIV. Berlin, 1988. S.43-52.

203. Фомкин М.С. Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археографии // СТ. 1988. № 4. С. 120-122.

204. /Фомкин М.С./ О мемориальной библиотеке академика А.Н. Кононова // СТ. 1988. № 3. С. 132. /Подпись: М.С.Ф./.

205. Фомкин М.С. О шестидесятилетии С.Г.Кляшторного // СТ. 1988. № 3. С. 132-133.

206. Фомкин М.С. Султан Велед и его тюркоязычное творчество:

Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / ЛГУ. - Л., 1986. - 16 с.

207. Халидов А.Б. Академик И.Ю.Крачковский // Проблемы арабской культуры: Памяти акад. И.Ю.Крачковского. М., 1987. С. 5-14. - Лит.: с. 13-14(36 назв.).

208. Ханин З.Я. Буракумины - дискриминируемое меньшинство Японии: Ист. очерк (1900-1937) / АН СССР. Ин-т востоковед. - М.: Наука. ГРВЛ, 1989. - 206 с. - Библиогр.: с. 199-203. - Рез. англ.

209. Хосроев А.Л. Из истории аскетической литературы Египта: ("Поучения Сильвана" и "Аскетическое слово" Стефана Фиванского). // Кавказ и Византия. VI. М., 1988. С. 129-138. - Библиогр. в подстр. примеч.

210. Циперович И.Э. Китайская народная повесть XVII-XVIII веков: /Вступ.ст./ // Удивительные истории нашего времени и древности: Пер. с кит. М., 1988. С. 5-14.

211. Циперович И.Э. /Сост. и коммент./: Удивительные истории нашего времени и древности: Пер. с кит. - М.: Худож. лит.-ра. 1988. - 479 с.

Коммент. совм. с В.А.Вильгусом: с. 443-478.

212. Циперович И.Э. /Пер. с кит./: Цзян Сингэ вновь видит жемчужную рубашку. - Ли Мянью в крайней беде встречает благородного рыцаря. - /И др./ // Удивительные истории нашего времени и древности: Пер. с кит. М., 1988. С. 17-116, 203-248, 297-344, 369-442.

213. Chetverukhin A.S. Unexpected Linguistic Interpretation of Jn "Say(s), Said" // Göttinger Muszellen. Ht. 104. Göttingen, 1988. S. 75-88.

Чижикова К.Л. см. № 75.

214. Шарафутдинова Р.Ш. /Пер. с араб./: Абу-л-Фадл ибн Мухаммад Джамал ад-Дин Карша. Мулхакат ас-сурах // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. Ташкент, 1988. С. 100-131. - Библиогр. в примеч.: с. 127-131.

215. Шифман И.Ш. Исторические корни коранического образа Аллаха // Проблемы арабской культуры: Памяти акад. И.Ю.Крачковского. М., 1987. С. 232-237. - Лит.: с. 237(8 назв.).

216. Шифман И.Ш. Александр Македонский. - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. - 207 с.: ил. - (Сер. "Всеобщая история" / АН СССР). - Библиогр.: с. 204.

217. Шифман И.Ш. Заметки по финикийской эпиграфике Кавказско-ближневост. сб. УШ. Тбилиси, 1988. С. 122-127.

218. Гиоргадзе Г.Г., Шифман И.Ш. К интерпретации Армазской билингвы (строки 7-8 арамейскографического текста) // ВДИ.

1988. № 4. С. 168-181. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. фр.

219. Шифман И.Ш. Надписи из Раввафы // ЭВ. XXIV. Л., 1988. С. 29-36. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. нем.

220. Шифман И.Ш. Новая набатейская двуязычная надпись из окрестностей Ободы // ЭВ. XXIV. Л., 1988. С. 116-117.

221. Шифман И.Ш. Новые исследования по истории и истории культуры Финикии /Рецензия/ // ВДИ. 1988. № 3. С. 188-202. - Рец. на кн.: Studia Phoenicia: Bijdragen van de Interuniversitaire Contactgroep voor Fenicische en Punische studies (National Fonds voor Wetenschappelijk Onderzoek. Vol. 3: Phoenicia and its Neighbours). - Leuven, 1985. - 242 p.; Vol. 4: Religio Phoenicia. Namure, 1986.

222. Шифман И.Ш. Социальные идеалы эллинизма // Ш Всесоюз. симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тез. докл. Ереван, 1986. С. 100-101.

223. Узбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI вв. / АН СССР. Ин-т востоковед. - М.: Наука. ГРВЛ., 1988. - 301 с. - Библиогр.: с. 278-297.

224. Узбашян К.Н. Собирательный образ переписчика в колофонах армянских рукописей // Литература и искусство в системе культуры: /Сб. в честь Д.С.Лихачева/. М., 1988. С. 69-75. - Библиогр. в примеч.: с. 74-75.

225. Якерсон С.М. /Сост./: Еврейские инкунабулы: Описание экземпляров, хранящихся в библиотеках Москвы и Ленинграда /БАН СССР; ИО ИВ АН СССР. - Л.: Изд-во БАН СССР/, 1988. - 337 с.: ил. - Рез. англ.: с. 270-272.

226. Якерсон С.М. Еврейские инкунабулы и их место в развитии книгопечатания // Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии, Африки и Латинской Америки: Сб. науч. трудов /БАН СССР/. Л., 1988. С. 67-98.

227. Якобсон В.А. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время // НАА. 1988. № 1. С. 163-171. - Библиогр. в подстр. примеч.

228. Якобсон В.А. Заметки о семейном праве Ларсы: (Старовавилонский период) // Древний Восток. 5. М., 1988. С. 63-70.

229. Якобсон В.А. Куда Гильгамеш ходил за кедром? // Кавказско-ближневост. сб. УШ. Тбилиси, 1988. С. 128-132.

См. также № 108.

230. Яхонтов К.С. /Рецензия/ // НАА. 1989. № 6. С. 203-204. - Рец. на кн.: Märchen aus Mandschurei. Aus dem Chinesischen übers. und hrsg. von Jörg Bäcker. München, 1988. 285 S. ("Die

Märchen der Weltliteratur").

231. Yakhontova N.S., Dugarova G.S. Resultative and Perfect in Mongolian // Typological studies in languages. T. 12. Amsterdam-Philadelphia, 1988. P. 323-340.

232. Yakhontova N.S. The study of "The Secret History of the Mongols" in Russia and the USSR // International symposium on the "Secret History of the Mongols" sponsored by Inner Mongolia teachers University Language group. Huh-Hot, 1988. P. 93-96.

To me: Literature group: p. 103-106; History group: p. 76-70.

Список сокращений

- АВ - Архив востоковедов Ленинградского отделения Ин-
 ститута востоковедения АН СССР.
 ВДИ - "Вестник древней истории". Москва.
 ВО РАО - Восточное отделение Русского Археологического
 общества
 ВЯ - "Вопросы языкознания". Москва.
 ГРВЛ - Главная редакция восточной литературы /издательст-
 ва "Наука"/.
 ЖМНП - "Журнал Министерства народного просвещения".
 Санкт-Петербург.
 ИЖ - "Историко-филологический журнал". Ереван.
 ЛГУ - Ленинградский государственный университет.
 ЛО ИВ АН - Ленинградское отделение Института востоковедения
 АН СССР.
 МАИКА - Международная ассоциация по изучению культур
 Центральной Азии.
 НАА - "Народы Азии и Африки". Москва.
 ППВ - Памятники письменности Востока. /Серия/.
 ПП и ПИКНВ - "Письменные памятники и проблемы истории культуры
 народов Востока". Москва.
 ПС - "Палестинский сборник". Москва-Ленинград.
 РАО - Русское Археологическое общество.
 СА - "Советская археология". Москва.
 СОИКЭ - Советско-Йеменская комплексная экспедиция.
 СТ - "Советская тюркология". Баку.
 УЗМУ.СЕН - "Ученые записки Ленинградского университета. Серия
 востоковедческих наук".
 ЭВ - "Эпиграфика Востока". Москва-Ленинград
 АОФ - "Altorientalische Forschungen". Berlin.
 BSOAS - "Bulletin of the School of Oriental (and African)
 Studies", London Institution (University of Lon-
 don).
 JA - "Journal asiatique". Paris.
 JRAS - "Journal of the Royal Asiatic Society of Great
 Britain and Ireland. London.
 Is. МЕО - "Istituto italiano per il Medio ed Estremo
 Oriente". Roma.
 ТPhS - "Transactions of the Philological Society". London.,
 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Болдырева М.А. Три стихотворения Сапарди Джоко Дамано из книги стихов "Твоя вечная печаль"	5
Бурман А.Д. Буддийский царь богов в театре и драматургии Бирмы	12
Ворожейкина З.Н. Звуковая орнаментация первого, нерифмованного, бейта кьтэа (прием "минус-м а т л а ъ")	19
Долинин А.К. Некоторые соображения по поводу двух легенд из сказания об Ардашире	27
Иванова Г.Д. Историческая проза Мори Огай	35
Кнорозова Е.Ю. "Записки о прогулке к горе Фаттить" как образец вьетнамской традиционной дневниковой литературы	38
Невелева С.Л. Природная зарисовка в "Махабхарате" (типовой мотив-"описание")	45
Нугаев Ш.А. Поэма "Акбар-нама" как художественное произведение и исторический источник	54
Пантелеева Е.М. Формальные элементы жанра макамы в произведениях Саади	63
Пелевин М.С. Четыре газели Хушхаль-хана Хаттака	70
Торопыгина М.В. Отоги-дзоси в изданиях танроку-бон	76
Хойслер С. "Жизнеописание шестерых вассалов" Нам Хёна и традиции биографической прозы	83

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вовин А.В. Материалы по языку корейцев Китая	90
Восканова И.В. Местопреджкативы в языке романа "Си ю цзи"	98
Гохман В.И. Реконструкция прото-дун-шуйского вокализма	104
Ирене Квонг Лай Ю. Семантика глаголов движения в индонезийском языке	113
Канева И.Т. Условные предложения и их эквиваленты в шумерском языке	121
Каплан Г.Х. К употреблению претерита и перфекта в аккадском языке	129
Пан Т.А. Прилагательные в маньчжурском языке	135
Тугушева Л.Ю. Направление фонетического развития уйгурского литературного языка по данным раннесредневековых уйгурских текстов	141

Четверухин А.С. К истории термина "именное предложение". . .	144
Осупова Э.А. О месте горани среди курдских диалектов (история вопроса)	153

К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Варлакова Н.А. Восточное отделение Русского Археологического общества и деятельность в нем Василия Васильевича Григорьева	162
Дубков К.В. Личный архив Всеволода Сергеевича Колоколова (фонд 144, Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР)	175
Дубков К.В. Личный архив Александра Александровича Драгунова (фонд 132, Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР) . . .	184

БИБЛИОГРАФИЯ

Щрон Г.С. Библиография работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1988 год	192
Список сокращений	213

Часть II

Подписано к печати 03.07.91

Усл. п.л. 13,5. Усл. кр.-отт. 13,63. Уч.-изд. л. 13,41
Печать офсетная. Тираж 150 экз. Зак. 189. Цена 4 р.

Издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

11p66k
~~4p.~~